

дом
смерти

Сара Пинчоро

Сара Пинборо
Дом смерти

Оригинальное название: **Sarah Pinborough / The Death House**

Перевод: **Euphony**

Редактирование: **RuSa**

Русификация обложки: **Solitary-angel**

Книга переведена специально для сайта:
WorldSelena: www.worldselena.ru

Тоби вел абсолютно нормальную жизнь, пока однажды все не разрушила одна простая вещь. Анализ крови.

Теперь Тоби живет вдали от семьи в Доме смерти. В этом далеком от современного мира месте жизни всех обитателей находятся под пристальным присмотром Хозяйки и толпы послушных ей медсестер, которые изучают своих подопечных и ждут появления любых симптомов болезни. Это значит, что пора везти больных в лазарет.

Вот только из лазарета не возвращаются.

Вдалеке от привычного мира, от родных и друзей Тоби живет воспоминаниями о прошлом и вынужден каждый день бороться со страхом. Но хрупкий покой нарушает приезд новичков, и все меняется.

Потому что все рано или поздно умирают.

Важно лишь то, как ты живешь.

*Посвящается Иоганнесу,
моему собутыльнику и товарищу по
преступлениям.
От меня – с любовью.*

Сегодня ты живёшь – сегодняшним живи.
Омар Хайям¹

Глава 1

- Говорят, кровь прямо из глаз брызжет. В смысле сначала они из орбит вылезают, а потом уже и кровь идет.
- Кто говорит?
- Люди. Слышал где-то.
- Все ты выдумываешь.
- А вот и нет, - не унимается Уилл. – С чего мне такое выдумывать? Говорю же, где-то слышал. Вроде как сначала слетаешь с катушек, а потом из глаз кровь идет. Может, и вообще по всей коже хлещет.
- Бред собачий.
- Заткнитесь уже и ложитесь спать. – Я переворачиваюсь на другой бок. Снаружи царапается колючее одеяло, а на душе кошки

---

¹ Пер. И. А. Голубева.

скребут от супербогатого воображения Уилла.

Дышу прямо в грубую шерсть. Вдохи и выдохи кажутся горячими. Я раздражен, и это меня еще больше бесит. В последнее время завожусь с пол-оборота. Злость загорается от малейшей искры и подпитывается сгустком из черного солнца, который потихоньку растет у меня в животе.

Двое пацанов сразу затихают. Я старше всех. Я вожак, босс, большая шишка. По крайней мере в четвертой спальне. Здесь мое слово закон.

Вытаскиваю накрахмаленную до хруста простыню из-под одеяла повыше, чтобы прикрыть жесткий край. В спальне не холодно, скорее зябко. Так бывает в домах, которым сотни лет. Продрогшее время пропитывает кирпичи и цементный раствор, а по углам гуляет призрачный печальный ветер отголосками того, что когда-то было, и чего теперь уже нет. Наверное, мы как раз вписываемся в этот дом. От таких мыслей сгусток в животе сжимается. Меня передергивает. Подтягиваю колени к подбородку и чувствую, как ноет мочевой пузырь. Класс.

- Не могу уснуть, - жалуется Уилл и зевает. – Напрягает меня это все.

В темноте я вижу, как он сидит по-турецки на кровати и перебирает пальцами металлические прутья в изножье. В нашей спальне он самый младший, да еще и мелкий для своего возраста. Ведет себя тоже как ребенок.

Из другого конца комнаты от кровати напротив Уилла раздается непрерывный шепот. И в нашем гнезде не обошлось без кукукнутого. Эшли молится на коленях. Каждый божий вечер, как только выключается свет.

- Сомневаюсь, что Бог тебя слышит, - бормочу я. – Иначе ты бы тут не оказался.

- Бог всегда все слышит, – надменный голос спицей взрезает холодный воздух. – Он повсюду.

Мочевой опять дает о себе знать, и я решаю больше не терпеть. Вылезаю из-под одеяла. Половицы жутко холодные. Хрен его знает, как Эшли стоит на коленях. Но тапки не обуваю. Я же не какой-нибудь там дедуля.

- Тогда от твоих молитв никакого толку, – весомо замечает Луис. Его кровать ближе всего к двери. Он пялится в потолок. Волосы торчат во все стороны. Даже лежа он умудряется жестикулировать. – Раз уж твой Бог повсюду, то получается, он есть и внутри тебя. А значит, ты вполне можешь хоть всю ночь напролет разговаривать с ним без слов в тишине собственного разума, и он все равно тебя услышит. Впрочем, нет никаких научных доказательств существования каких бы то ни было богов, как нет и оснований полагать, что мы нечто большее, чем простое скопление клеток и воды. Поэтому твой Бог – всего лишь плод чьего-то воображения. Следовательно, ты зря тратишь время.

Шепот становится громче.

- Может, он дрохит под кроватью, а бормочет, чтобы шум заглушить, – говорю я уже у двери. – Хлюп-хлюп-хлюп! – и демонстрирую догадку жестами.

Луис фыркает и смеется.

Уилл тихо хихикает.

Раздражение крепчает. Мне нравятся Уилл и Луис. И хотелось бы, чтобы они меня бесили, но так уж вышло. Перед тем как закрыть дверь, я

оглядываюсь. В большой комнате эти двое кажутся совсем маленькими. Нас в спальне четверо, а кроватей по шесть штук у каждой стены. Многовато. Как будто все разъехались по домам, а про нас забыли. Дверь с щелчком закрывается, и я иду по коридору. До ванной путь не близкий. Мне есть чего бояться, но тени и пустота усталого особняка в список не входят. Однако я тороплюсь. Последнего обхода еще не было.

Бегу вниз по широкой деревянной лестнице, хватаясь за перила, как будто я на большом корабле, который с трудом разрезает темные воды ночного океана. В доме тихо, слышны только тихие скрипы и стоны старого здания. Набегу думаю о тех, кто спит в спальнях внутри промозглых стен, о медсестрах и учителях в специально отведенных для них комнатах, а потом волей-неволей представляю себе верхний этаж, куда можно подняться только на лифте и куда по ночам, пока все спят, забирают больных детей, которые исчезают там навсегда. Больных проглатывает лифт и везет в лазарет. О лазарете мы больше не разговариваем. Никто не уходит из дома. Никто не возвращается из лазарета. Все мы это знаем. А еще знаем, что всех нас ждет поездка наверх. Однажды и я вот так исчезну посреди ночи.

Справляю малую нужду, не закрывая дверь и не включая свет. Облегчиться так приятно, что плевать на звук бьющей по керамике струи. Я даже не краснею. Все еще помню мамино правило: «По ночам стесняться нечего». Зато руки не мою и широко зеваю в зеркало. Это правило успело измениться. Микроны – наименьшая из наших проблем. Честно говоря, не помню, чтобы и раньше

особенно парился по этому поводу.

«Говорят, кровь прямо из глаз брызжет».

Наклоняюсь к зеркалу и вглядываюсь в свои глаза. Как обычно, они ярко-голубые, правда, в темноте кажутся чуть-чуть посеревшими. Оттягишаю нижнее веко. Даже сейчас можно рассмотреть тоненькие сосуды, бегущие куда-то внутрь. Крови нет. Скорее всего это действительно чушь. Дурацкое воображение Уилла опять насочиняло всякого дерьяма. Со мной все в порядке. Со всеми нами. По крайней мере пока.

- Ты должен быть в постели.

Голос тихий, но я все равно подскакиваю от неожиданности. В коридоре у окна стоит Хозяйка. В лунном свете, льющемся сквозь стекло, белая униформа невозможна яркая, но пустое лицо не разглядеть.

- Разве ты не устал?

- Мне нужно было в туалет.

- Мой руки и возвращайся в постель.

Я мигом споласкиваю руки в холодной воде, как можно быстрее пробегаю мимо Хозяйки и мчусь наверх по лестнице через ступеньку. Со дня моего приезда это была самая длинная речь, которую Хозяйка толкнула в мой адрес. Я не хочу, чтобы она со мной разговаривала. Вообще не хочу, чтобы она меня замечала. Хотя все равно ничего не изменится.

- Хозяйка на подходе, - шепчу я, вернувшись в спальню.

- Они уже спят, - говорит Луис, с трудом проговаривая слова. Неудивительно. Самое время. - Не понимаю, зачем нам перед сном дают витамины. И зачем нам вообще их дают.

Под колючим одеялом и жесткой проплыней я выдавливаю полуулыбку в ответ на его слова. Луис закончил школу в двенадцать. В черт знает какую рань поступил в университет, где и учился, пока не попал сюда. Ей-богу, он гений, но, как и все остальные, не видит очевидного. Указывать на ошибку я не собираюсь. Никакие это не витамины, а снотворное. Хозяйке и медсестрам нравится, чтобы по ночам в доме было тихо.

Еще минут десять я напряженно жду, а потом слышу, как поворачивается дверная ручка. Тихо шурша подошвами, Хозяйка проверяет каждого из нас. Это последний на сегодня обход. Только когда она уходит, я открываю глаза и начинаю спокойно дышать.

Все случилось в пятницу. Было жарко. Жарче, чем обычно. Он не спеша возвращался домой из школы. В магазинчике на углу купил кока-колу, но холодильник не работал, поэтому кола была теплой и липкой. Он все равно ее выпил, громко отрыгнул и пнул пустую банку. В мыслях медленно и лениво повторялись события сегодняшнего дня. Мистер Сетл весь урок нудно гундосил о нестабильности мирового климата. Заскучавшие ученики плавились от жары и дремали прямо за партами. А еще на задворках сознания зудел ненаписанный реферат по истории. И эта стычка с Билли... Рано или поздно ему это аукнется. Он вообще не понимал, зачем ввязался в ссору. Правда, на него тогда смотрела Джули Маккендрек. И вообще, было ощущение, что она уже несколько дней к нему приглядывается, только сам он боялся в это поверить. Но завтра

вечером будет вечеринка. А значит, завтра вечером все может измениться.

О Джули Маккендрик он думал постоянно. Работать было жарко,ходить в школу тоже. Но жара ни капельки не мешала думать о Джули и о том, что она может питать к нему взаимную симпатию. Он так глубоко погрузился в собственный мир, что не заметил, как тихо на улице. Не заметил, что нет детей, что они не сидят на тротуарах и не носятся на велосипедах по округе. Билли с рефератом испарились. Осталась только Джули. Интересно, то, что он к ней испытывает, и правда любовь? Или она просто самая симпатичная девушка в школе? А вдруг повезет, и он ее поцелует? Или даже засунет руки в лифчик... От одной только мысли об этом во рту пересохло, а сердце бросилось вскачь. Что он почувствует? Даст ли завтрашняя вечеринка ответы на все эти вопросы? Даже заметив у дома фургон, на том самом месте, где, возвращаясь с работы, парковался отец, он не сумел сложить два и два. Пока не услышал, как плачет мама. Но было уже поздно. И слишком жарко, чтобы бросаться наутек.

Глава 2

- Ставлю на близнецов, - Луис косится на меня. – Все еще принимаешь ставки, Тоби?

Мы завтракаем. По звонку все спустились вниз в обшитое деревянными панелями помещение. Наверное, когда-то это была огромная гостиная, а теперь – наша столовая. В резном каменном камине я ни разу не видел огня. О том, что здесь

кто-то жил, свидетельствуют видавшее виды бордовое бархатное кресло у стены и яркие пятна на выцветшей желтой краске, где когда-то, видимо, висели картины. На мгновение сквозь плотные облака пробивается солнечный свет и льется в столовую через большие окна. В ярких лучах танцуют пылинки. Ощущать тепло на лице приятно. Я пью чай, в который раз задаваясь вопросом, не подсыпают ли нам что-нибудь в утренние напитки. Сыпал, мужикам в тюрьмах дают какие-то лекарства, чтобы отбить охоту драться и трахаться.

Луис ест сэндвич с яйцом. Тост недожаренный, яйцо тоже. Слишком жидкое. Белок с желтком капают Луису на футболку, но ему, похоже, до лампочки. Мы сидим за своим столом, который стал нашим с самого приезда. Новыми привычками обзаводишься быстро. Всего столов шестнадцать, но заняты только восемь, по числу занятых спален. С парнями из других комнат мы теперь общаемся мало, хотя нас осталось всего двадцать пять. Девочки, Гарриет и Элеонора, сидят у дальней стены. Не знаю, сколько им лет. Элеонора еще маленькая. Гарриет постарше, но посмотреть там не на что. Невзрачная, помешанная на книгах. Губы вечно надутые, будто она постоянно чем-то недовольна. Обе держатся особняком. Чаще всего я о них вообще забываю.

- Ага, - отвечаю я Луису. – На которого ставишь?

- Я их не различаю. На того, который старается не шмыгать носом. Это Эллори или Джо? Короче говоря, он уже несколько дней пытается скрыть, что заболел.

Близнецы живут в седьмой спальне, а в седьмой, как и в нашей, пока что все на месте. Между нами

возникло негласное соревнование – какая из спален дольше других продержится без потерь. Лично я слежу только за седьмой. Смотрю на стол напротив нашего и понимаю, что Луис прав. Один из двух абсолютно одинаковых долговязых прыщавых пацанов украдкой вытирает нос тыльной стороной ладони. Платка у него нет, на салфетки, которых полно на каждом столе, он не обращает внимания. Я присматриваюсь. Трудно сказать наверняка. Симптомы могут быть какие угодно.

- Принимается. Две смены на посуде?

- Идет, - улыбается Луис. – И удваиваю. Сразу за первым крышка и второму.

- Чего вдруг? – Уилл возвращается за стол со второй миской овсянки. Может, он и мелкий, но ест больше, чем любой из моих знакомых. – Потому что они друг друга знают?

- Нет. Это наука. Они идентичны. Если симптомы появятся у одного, то в скором времени появятся и у второго. Чистая генетика, в конце концов.

- А-а, ну да, - сразу соглашается Уилл.

- Кстати, я тут кое о чем вспомнил. – Луис встает из-за стола. Яйцо все еще капает с подбородка.

Не успеваю я сообразить, что происходит, как он уже у стола седьмой спальни и во все зубы улыбается Джейку.

- Твою мать, - бормочу я себе под нос.

- Джейк, - начинает Луис, - не мог бы ты мне немного помочь? Я тут провожу кое-какое исследование. Выясняю, откуда мы приехали, и сколько приблизительно времени заняла у каждого из нас дорога сюда. Поначалу это было для того,

чтобы узнать, где конкретно мы находимся. Однако поскольку этот момент уже вроде как прояснился, то я...

- Вот блин, добром это не кончится, - говорит Уилл, глядя на Луиса поверх очков.

Я мысленно матерюсь. На кой только Луису сдался этот его сбор информации? Все, кто живет в доме, приехали из разных частей страны. Это нам точно известно. Так зачем Луису знать подробности? Откуда взялась эта тяга к предельной точности во всем? В последнюю неделю он просто одержим идеей сравнить данные всех «узников», как он нас называет. И идея эта заранее обречена на провал. Во-первых, он упускает тот факт, что люди лгут. Я соврал. Уверен, все остальные тоже. Никому не хочется делиться историями из прежней жизни, а тем более с кем-то из другой спальни. Нервозное дружелюбие, царившее между нами поначалу, давно прошло. Спальни стали отдельными стаями, и все стараются держаться своих.

- Тебе какое, на хрен, дело? – Джейк медленно встает из-за стола. Говорит он тихо и спокойно – у буфета с едой стоят медсестры. Но от ощущимой угрозы сгущается воздух.

Вилки и ложки отложены. Как по команде, поворачиваются головы.

- Я подумал, было бы любопытно уз... - Луис, гений, ходячий мозг, даже не догадывается о том, какое напряжение охватило всех присутствующих.

- Отвалил бы ты к чертовой матери.

Джейк моего возраста, но оброс легендами в первый же день. Причем такими, которые передаются исподтишка по углам и шепотом. Сидел в исправительной колонии. Угонял машины.

В большинство сказочек о том, у кого какая была жизнь прежде, я не верю, но Джейк – совсем другое дело. Когда мы сюда попали, у него были сбиты костяшки, а на затылке выбрит символ банды. Если присмотреться, то и сейчас в отросших волосах можно заметить его очертания. Связываться с Джейком у меня нет ни малейшего желания. Это вам не Билли из выпускного класса.

- Джейк ему зазвездить, что ли, собирается? – Уилл смотрит на меня, но что еще хуже – смотрит и Эшли.

Если хочу сохранить какое-никакоеуважение, которое они ко мне питают, выбора нет.

- Я с ним поговорю.

Если в чае и есть какой-то препарат, никакого эффекта я пока не ощущаю. Зато, когда подхожу к столу седьмой спальни, нервы звенят. Не из-за того, что сейчас произойдет. Как правило, медсестры ни во что не вмешиваются, но вряд ли будут спокойно смотреть на драку. А из-за того, что может случиться потом. Билли меня так и не отметил. Может быть, теперь отметелит Джейк.

- Извини, Джейк, - говорю я как можно беспристрастнее. – Луис это без задней мысли. – Смотрю на пацана с взъерошенными патлами, который стоит между нами. – Иди и вытри с рожи яйцо. А то выглядишь, как долбодятер.

- Который только что отсосал, - добавляет Джейк. Его соседи по столу ржут и смотрят на него, как будто он бог.

Я выдавливаю улыбку:

- Наверное.

Самое хреноное – смотрю на Луиса и понимаю, что Джейк прав. На подбородке Луиса висит

«сопля» недожаренного белка.

Луис обиженно сутулятся и вытирает ладонью рот:

- Это яйцо.
- Заткнись и сядь за стол, - рычу я.

Потрясенный моим тоном, Луис, повесив голову, шаркает к Уиллу и Эшли и наконец-то замечает, что все взгляды устремлены к нему. Я смотрю на Джейка. Не знаю, что еще сказать.

- В общем, как я и сказал, извини. – Отворачиваюсь и ухожу.

- Хреновы недоразвитые малолетки, - ворчит мне в спину Джейк.

Ошибаешься, Джейк. Не недоразвитые, а дефективные. Все мы тут дефективные.

Впрочем, вслух я этого не говорю. Сажусь за стол и допиваю чай, надеясь, что инцидент исчерпан. Мы молча смотрим, как седьмая спальня собирает со стола пустые тарелки. Самый младший – Дэниел, пухлый пацан лет одиннадцати – счищает обедки с тарелки Джейка и торопливо пристраивается вместе с остальными за спиной своего лидера. Проходя мимо нас, все они насмешливо ухмыляются. Как будто не только Джейк, но и любой из них может мне накостылять. Я ни на кого не обращаю внимания.

Только когда седьмая спальня уходит из столовой, Луис поднимает голову и затравленно мне говорит:

- Необязательно было с ним соглашаться.
- Обязательно, - вставляет пять копеек Эшли, пережевывая кусок тщательно намазанного маслом тоста. – По-твоему, раз ты умный, то все знаешь? Ничего подобного. Иногда ты ведешь себя, как

самый обыкновенный дурак. – Его голос звучит надменно и насмешливо. Наверняка Эшли все еще бесится из-за того, как Луис прошелся вчера по его молитвам.

- Давайте просто об этом забудем. – Мне хочется, чтобы завтрак уже закончился. Жаль, что мы с Джейком не друзья. Он мне вовсе не нравится, но мы хотя бы одного возраста. Если бы мы дружили, я бы, наверное, не чувствовал себя постоянно чьей-то нянькой.

- Может, нам сегодня письма принесут, – меняет тему Уилл. – Родителям ведь разрешено нам писать. А раз так, то наверняка они уже послали нам письма. Мы же тут уже несколько недель. Может, им даже приехать разрешат.

- Ты еще хочешь научиться играть в шахматы? – спрашивает его Луис. – Если что, могу научить.

Мигом позабыв о письмах, Уилл улыбается. Может, я и босс в спальне, но Уилл буквально очарован нашим гением. Между их разумами целая пропасть, но, похоже, Уилл Луису тоже нравится. Иногда я пытаюсь представить, какой была прежняя жизнь Луиса. Гениальный мальчишка, галопом промчавшийся по школьной программе, всегда был младше своих одноклассников. Вряд ли он успел обзавестись настоящими друзьями. И наверняка все считали его фриком. Подозреваю, что о шахматах он упомянул, только чтобы отвлечь Уилла. Никаких писем не будет. И уж тем более никто не приедет. Это было ясно по маминому лицу, когда она снова и снова выкрикивала мое имя, пока меня заталкивали в фургон. Никому не дано знать заранее, когда это произойдет. Может быть,

так даже лучше.

Хотя бы для наших родных.

Глава 3

После завтрака у нас уроки. Занимаемся группами по спальням. Сидим в комнатах, которых здесь полно. Наверное, когда-то это были гостиные, столовые или еще что. Кто знает, как жили прежние хозяева этого старого дома? Теперь это наши классы. В некоторых спальнях живет буквально по паре человек, но заведенный порядок никто не нарушает – нас никогда не объединяют.

Учитывая разницу в возрасте, в основном мы работаем с учебниками и письменно отвечаем на вопросы по пройденному материалу. Иногда учим французский, который никогда нам не пригодится. А иногда просто сидим и ждем, когда явится следующий учитель. Есть одна десятиминутная перемена, но скротать ее негде. Наверное, перерыв нам дают, чтобы сходить в туалет. Никакой строжайшей дисциплины нет. Если не хочешь заниматься и просто-напросто молча сидишь, учителям по барабану. Рано или поздно все равно начинаешь учиться, чтобы хоть чем-то занять утреннее время. Четыре часа – это слишком долго, чтобы просто сидеть и думать. Особенно если приятных тем для размышлений нет.

Все наши учителя средних лет. Иногда я думаю, почему так. Может быть, благодаря возрасту им легче от нас дистанцироваться. Имен мы не знаем. Если нужна помощь, называем их просто «сэр» или «мисс». Мне кажется, им так же скучно, как и нам. Они сидят перед нами и ждут вопросов. Но чаще

всего, если мы чего-то не понимаем, то просто переходим к другой теме. Ну или в нашем случае спрашиваем у Луиса.

Учебники, которыми мы пользуемся, старые. Лет на двадцать-тридцать старше, чем в школе. Наверное, такие нам дают специально. Это школа, но и не школа вовсе. Как и вся жизнь в доме. Мы живем, но и не живем. Зато учителя, которые в конце урока тут же исчезают в отведенном им крыле, когда-нибудь смогут отсюда уехать. Порой, пока мы занимаемся, я ловлю их взгляды. Они смотрят на нас, как на зверей в зоопарке. Даже не знаю, как эти взгляды описать. Не то восхищенные, не то напуганные. А может, смесь и того, и другого. Держу пари, учителя, как и медсестры, следят за появлением симптомов. Интересно, говорят ли они о нас по вечерам? Делают ли ставки, кто будет следующим? Или решают, кого хотят увидеть следующим?

Мне приходит в голову скатать бумагу в шарики и попробовать попасть Эшли по башке, но я передумываю. Во-первых, нет никакого желания устраивать беспорядки, а во-вторых, это верный путь привлечь внимание Хозяйки. Становиться нарушителем спокойствия я не хочу. Не хочу, чтобы она меня заметила. Поэтому быстренько записываю ответы и тупо просиживаю утро на заднице.

К концу обеда солнце скрывается за тяжелыми серыми тучами. Мы, как крысы, разбегаемся по длинным коридорам, а к двум часам уже идет капитальный ливень. На улице не холодно, но дожди идут каждый день. Впрочем, мне вовсе не хочется выходить из дома. Я устал.

В комнате отдыха, которой практически никто не пользуется, за столом в углу пристроились Уилл с Луисом. Между ними лежит пластмассовая шахматная доска. Луис подробно объясняет, как ходят фигуры, а Уилл уже успел запутаться. Комната отдыха – странное место, как будто существует вне времени. Собственно, как и весь дом. На полках полно настольных игр в потертых коробках. У стены стоит старый проигрыватель, но музыка на пластинках совершенно незнакомая. Да и кто вообще в курсе, как пользоваться проигрывателем? В комнате еще четверо или пятеро детей, но ни Луис, ни Уилл даже не смотрят на дверь, у которой я остановился. Неудивительно. Если Луис чем-то занят, то погружается в дело с головой. Может быть, мы знакомы всего ничего, но уже хорошо друг друга знаем.

В библиотеке у батареи сидит Элеонора. Не обращая на нее ни малейшего внимания, прямо на полу играют в карты два пацана. В руках у Элеоноры какая-то тонкая книжка с пожелтевшими страницами в мягкой красочной обложке. Читая, она то и дело поправляет прядь волос. Похоже, ее целиком захватил оживющий на страницах мир. Я тоже подумываю выбрать книгу, но ни одна из них не кажется интересной. Я и раньше-то не особенно читал, даже по школьной программе, а сейчас чтение вообще кажется тяжким трудом. Плюс не хочется читать о том, что мне никогда не светит пережить. Темный сгусток в животе только больше станет.

Эшли в комнате для рисования. Потеет над куском желтоватого ватмана. Такие дают детям в начальных классах. Гарриет рисует пустую вазу,

которая стоит на столе среди полчища книг. Между зубами торчит кончик языка. Она сосредоточенно пытается оживить пустую стекляшку, «поставив» в нее на рисунке выдуманные яркие цветы. Эшли оглядывается и с серьезным видом мне кивает. Что он задумал? Как бы там ни было, лучше бы попросил Гарриет закончить за него. Она хорошо рисует. В конце концов я ухожу.

Прислоняюсь к подоконнику с облупившейся краской и какое-то время смотрю на дождь. В саду вокруг дома пусто. Прямо посередине стоит старый дуб. Ветра нет, ничто не тревожит ни ветки, ни листья. Дерево как будто смотрит на меня в ответ и чего-то ждет. В тишине я слышу, как бьется мое сердце, сердито отсчитывая секунды недоступного мне времени. Глаза слипаются. Надо спать. Я привык к тому, что постоянно чувствую себя уставшим. Привык к скуке. Иногда думаю, что скука мне даже нравится, потому что из-за нее время словно замедляет свой бег.

В мыслях возникает грудь Джули Маккендрек. Я спускаюсь вниз, закрываюсь в одной из ванных комнат и тону в воспоминаниях. Футболки с глубоким вырезом, короткие шорты, под которыми видна почти вся задница. Иногда я нервничаю, потому что почти не помню ее лица, хотя прошло всего около месяца. Но нервозность уступает фантазиям о груди и заднице Джули, о теплой коже. Я представляю ее почти голой. Мы обнимаемся, мои пальцы внутри нее. Она горячо дышит мне в ухо и говорит, как ей все это нравится. Описывает, что хочет со мной сделать. А потом берет меня в рот. Не знаю, делала ли Джули хоть кому-нибудь минет, но у меня в голове она уже не совсем Джули. Ее образ

густо приправлен порнухой, над которой мы когда-то смеялись с одноклассниками, и которую я с болезненным любопытством смотрел в одиночестве. Наверное, уже не важно, что я делаю с Джули в своих фантазиях. Она никогда об этом не узнает.

Наконец усталость побеждает. Я возвращаюсь в спальню, закрываю за собой дверь и ложусь в постель прямо на одеяло. Какая бы ни стояла за окном погода, днем в доме тепло. Так и подмывает вздремнуть. Зеваю и закрываю глаза. Прислушиваюсь к ритму дождя, молотящего по старому стеклу, чувствую, как растекаются мысли, и засыпаю. После обеда я сплю каждый день. Завел себе такое правило. Никто меня не беспокоит. Общаться с остальными я все равно не хочу. Не вижу смысла.

Уже перед тем, как я погружаюсь в манящую темноту, всплывает последняя мысль: «Говорят, кровь прямо из глаз брызжет».

Сплю я крепко. Когда меня будит звонок, на мгновение кажется, что я снова в школе и сработала пожарная сигнализация. Вскакиваю с кровати и несколько секунд смотрю в никуда. Постепенно окружение становится четче, и я вспоминаю, где нахожусь. Моргаю. Я еще не готов куда-то идти. Звонок выключается. Во рту сухо, и я еще слишком сонный, чтобы испытывать голод, но на ужин идти придется. На протяжении дня Хозяйка с медсестрами прячутся где-то в стенах дома, но я точно знаю, что у них каждый из нас на счету и что они незримо, как призраки, за нами наблюдают. Потягиваюсь и выхожу из комнаты. На полпути вниз по лестнице встречаю остальных. Все

идут обратно и о чем-то непрерывно болтают. Спросонок не разобрать.

- Нам сказали оставаться в комнате! – кричит Уилл. – До самого ужина!

Он пробегает мимо меня, следом за ним – Луис. Усталость и сонливость растворяются в зареве их энергии и моего собственного замешательства. Под десятками ног гудят ступеньки, и дом словно оживает. Появляются медсестры. Стоят на каждом лестничном пролете и молча смотрят, как все мы мчимся в спальню. Внимательные глаза отмечают каждого из нас. Медсестры не улыбаются, не пытаются подбодрить – не для этого они здесь.

Эшли заходит в спальню последним. Когда за ним закрывается дверь, мы все уже приклеились к окну.

- Смотрите, – говорит Луис. Он практически уткнулся в окно носом. Стекло запотевает от его дыхания. – Новенькие. Так вот в чем дело!

Прямо у дверей дома два черных фургона. Кто-то под большим зонтом стоит на крыльце, и все мы знаем, что это Хозяйка. Нас тоже встречала она. Правда, фургонов тогда было больше. Восемь или девять. Казалось, они выстроились в бесконечную линию от высоких и внушительных автоматических ворот до конца улицы.

- Новички, – еле слышно выдыхает Уилл с огромными как блюдца глазами.

Мы привыкли, что количество обитателей дома сокращается, а не наоборот.

- Там видно, сколько их? – спрашивает Эшли, касаясь стекла зелеными от фломастеров пальцами. Даже ему любопытно. Несмотря на то, что все находят, чем заняться днем, им так же скучно, как

и мне.

- Похоже, не так уж много, - отвечаю я.

Дверь одного из фургонов отъезжает назад, но со ступенек спускается Хозяйка со своим зонтом, и теперь мы вообще ничего не видим.

- Интересно, откуда они? – Луис уже думает о своем бесполезном сборе информации.

- Через минуту их, наверное, ждет познавательная беседа, - говорит Уилл. – Как нас.

Выходя из фургона, он почти не чувствовал ног. Люди в форме, которые забирали его у рыдающей матери, пристегнули его к сиденью и сделали какой-то укол, поэтому большая часть поездки прошла как в тумане. Он не спал, но ясно чувствовал, что не может говорить. Поначалу казалось, что все это какой-то дурной сон, но лекарство постепенно растворялось в крови. Окон не было, однако в какой-то момент он почувствовал под фургоном вибрации более мощного двигателя и покачивание волн. Потом фургон снова завелся, и сквозь узкие зазоры между дверью и корпусом просочился прохладный свежий воздух. Он стал задавать вопросы, но никто не отвечал. Все сидели и смотрели прямо перед собой, словно его здесь вообще не было. В конце концов он замолчал.

Из фургона он вышел один. Стоя на земле и удивленно моргая, он услышал, как закрылась дверь, и машина уехала, бросив его в тени величественного, но потрепанного временем особняка. Сзади подъехали другие фургоны. Из первого вышли трое, и он задумался, так ли очевидно его беспокойство, как то, что было

написано на этих трех лицах. С крыльца на них смотрела женщина в накрахмаленной белой форме. Когда уехал последний фургон, она повела всех в дом.

Их собрали в столовой. Около пятнадцати растерянных ребят всех возрастов и разношерстной наружности. Без сумок и чемоданов. Из одежды – только то, что было на них. Женщина, которая привела их сюда, терпеливо ждала, пока медсестры разносили стаканы с апельсиновым соком, от которого не отказался никто, а потом призвала к тишине.

- Здесь какая-то ошибка, - сказал мальчик, стоявший рядом с ним. – С моими анализами наверняка что-то напутали.

Ему было около тринадцати. Чудаковатый на вид, в огромной черной футболке с какой-то научно-фантастической дребеденью спереди. Оказалось, его звали Генри, и он был первым, кого забрали посреди ночи. Ошибкам здесь не было места. Генри явно пытался говорить уверенно, но голос дрожал, и всем было ясно, что он напуган. Кто-то позади рассмеялся. Остальные последовали примеру. Даже Тоби. Все стали переглядываться, и в этот момент зародилась некая необъяснимая связь, хотя каждый из собравшихся в столовой думал именно о том, о чем Генри сказал вслух.

- Меня вы будете называть Хозяйкой, - проговорила женщина, не обратив никакого внимания на жалкие слова Генри. – Вы здесь потому, что анализы крови показали у вас наличие дефектного гена. Таких, как вы, называют «дефективными». Нужно объяснить, что это значит?

Голос у нее был не добрый и не злой и прекрасно сочетался с пустым выражением лица. У кого-то вырвался еще один нервный смешок. Всем было известно, что это значит, хотя никто пока не верил, что это произошло именно с ним. Тоби никогда не был знаком с теми, чей анализ показал бы положительный результат. Теперь такие встречались крайне редко. Так говорила ему мама. Со знакомыми людьми такого не случается. Это вроде крушения самолета.

Хозяйка продолжала говорить:

- Отныне это ваш дом. Вас обеспечат едой и одеждой, предоставлят свободное время для развлечений. Если угодно, вы можете гулять на окружающей территории. Как и дома, у вас будут определенные обязанности. Расписание найдете в коридоре у входа в эту комнату. Раз в неделю вы будете менять постель – верхней простыней застилать матрас, а нижнюю сдавать в мешки для стирки. Кроме того, по утрам вы будете продолжать учиться.

- Хрена с два, - громко сказал кто-то из собравшихся.

Снова послышался смех. Тоби посмотрел на говорившего. В отличие от Генри, тот не показывал ни тени беспокойства. Высокомерная развязность была видна даже в том, как он стоял. В заднем кармане джинсов торчала пачка сигарет. Тогда Тоби еще не видел выбритого на затылке символа, но Джейку сходу удалось заявить о себе как о вожаке в этом разнокалиберном собрании малолеток.

- Без необходимости ни я, ни медсестры не будем вмешиваться в вашу жизнь. Наша задача –

заботиться о вас и предоставить комфортные условия проживания. Мы будем поддерживать ваше здоровье, пока это будет в наших силах.

«Пока это будет в наших силах».

Смех тут же стих. Невозможная действительность медленно, но верно заполняла все пространство. Однако никто не поддался панике. Тогда Тоби и задумался впервые, не подсыпали ли в сок какие-нибудь препараты, чтобы все сохраняли спокойствие. Вместо ожидаемой бури по комнате пронеслось лишь легкое прикосновение прибрежных волн из океана ужаса, который вдруг разлился у их ног.

Глава 4

- Как тебя зовут? – спрашивает Луис.

- И сколько тебе лет? – подключается Уилл. Он опять сидит на своей кровати по-турецки. – Ты вроде старше Тоби.

Появление новичка мутит спокойные воды четвертой спальни. Он бледный, но глаза и волосы темные, а зубы стиснуты так крепко, что и без того квадратные челюсти кажутся еще более угловатыми. На его кровати лежит одежда – джинсы, футболки, толстовки. Все подходящего размера. По приезду в дом всех обмеривают и взвешивают. Медсестрам сегодня пришлось потрудиться.

- Том, - цедит новичок сквозь зубы. – Мне семнадцать. – Его глаза темнеют. – С половиной.

- Вот блин, - выпаливает Луис.

Воцаряется тишина, которую нарушает только скороговорка дождя за окном. Все мы пытаемся переварить услышанное. Я понимаю, почему

новичок так злится. Сгусток в животе становится туже. Если бы это не произошло до восемнадцати, то уже не произошло бы никогда. Нам всем не повезло, но невезение Тома сродни пинку по яйцам.

- Кто еще с тобой приехал? – интересуется Эшли, который стоит у батареи. Ну конечно, мять задницей аккуратно заправленную постель он не станет.

- Еще шесть месяцев. – Том ни на кого не смотрит, а слепо глядит на незнакомую одежду, которую теперь должен считать своей. – Всего-то и оставалось – прожить шесть, мать их, месяцев.

- Иногда случается всякое деръмо. – Это первое, что я ему сказал.

Том мне не нравится. Я его не знаю, но он уже мне не нравится. А вдруг его появление все перепоганит? Логика в трубу, понимаю, но все равно поддаюсь страху. Четвертая спальня уже не та, что была утром. Приезд Тома – как трещина в старом камне.

- Да, точно, – подхватывает Луис, – расскажи нам про остальных.

- А вы знаете, как называют это место? – наконец поднимает голову Том. – Дом смерти.

- Кому какое дело, как его называют? – слегка ощетиниваюсь я. – Теперь это наш дом, и точка.

Мы научилисьправляться со своими страхами и как-то с ними жить. А теперь придется терпеть страхи Тома.

- Так его называют в Лондоне. Не только этот дом, а все такие дома.

- Значит, ты из Лондона? – Луис достает из кармана маленький блокнот и с сияющими глазами что-то в нем записывает. – А откуда конкретно?

Том мрачно поджимает губы:

- Какая теперь разница?

- Так что там с остальными? – напоминает Уилл.

Вопрос звучит уже в третий раз.

Мы не специально так себя ведем, просто сочувствие совершенно бесполезно. Сочувствовать надо тем, кому хуже, чем тебе. А здесь в дерьме все поголовно. Это общее игровое поле. Тому хоть до семнадцати с половиной удалось протянуть.

- Только одна девочка, - наконец отвечает он и отводит глаза. – На вид вроде ничего.

- Девочка? – переспрашивает Уилл, чуть-чуть сморщив нос. – Девчонок тут маловато. Интересно, а у них тоже из глаз кровь пойдет?

Лиус хихикает над его словами, а может, над тем, как побелело от ужаса лицо Тома. Уилл вполне мог сказать об этом намеренно, чтобы перепугать новичка к чертовой бабушке. Жестоко, конечно, зато смешно.

- Давай вернемся к игре, - предлагает Луис, и Уилл улыбается.

Волнение, вызванное приездом новичка, изнашивается быстро. Тем более Том никуда не денется. Познакомиться с ним поближе будет еще уйма времени, а если нет, то не стоит и пытаться.

- Напомни-ка, как там лошадь ходит?

- Не лошадь, а конь. И ходит он буквой «Г». Две клетки плюс одна. – Даже когда они закрывают за собой дверь, Луис продолжает объяснять.

- Я в комнату для рисования. – Эшли отлипает от батареи и берет с деревянного комода Библию. Даже он, насквозь пропитанный своим чопорным христианским милосердием, не предлагает Тому показать дом.

И вот нас осталось двое.

- А ты, видимо, Тоби, - говорит Том.

Я закрываю глаза. Разговаривать не хочется. Спать тоже, но трепаться не хочется больше. Так или иначе, мне придется привыкнуть к Тому, но сделаю я это, когда сам захочу.

Он еще раз пытается завязать разговор:

- Ты старше других.

Я молчу. Думаю о том, как хотел подружиться с Джейком, чтобы рядом был хоть кто-то моего возраста, и вот теперь есть Том, а я отказываюсь с ним даже говорить. Вот только Том не один из нас. По крайней мере пока. Другое дело Джейк, хоть он и полный отморозок. К тому же, Том старше меня. Придется попотеть, чтобы не потерять репутацию босса четвертой спальни. Я валяюсь на кровати и ничем не выдаю своего беспокойства. Но на самом деле приезд новичков сильно меня тревожит.

Больше Том ничего не говорит, но раздраженно испускает нарочито громкий вздох. Я слышу, как выдвигаются и задвигаются ящики – он убирает с постели шмотки. Обустраивается. Потому что иного выхода нет.

Вечер тянется бесконечно, тревога растет. На ужине все взгляды прикованы к Тому и новой девочке, которую, судя по всему, зовут Клара. Мне она до лампочки. Сидит далеко, еще и спиной ко мне, так что виден только растрепанный хвост. Из-за стола девочек непривычно слышать столько смеха. К тому же я замечаю, как улыбается Элеонора. Даже Гарриет выглядит не такой строгой, как обычно. Джейк явно воспрянул духом – рисуется, громко матерится. Том сидит с нами, но

по пути за чашкой чая останавливается рядом с девочками, разговаривает с Кларой и внезапно густо краснеет. Через минуту Джейк следует его примеру. Если Том думает, что у него больше прав на Клару только потому, что они вместе приехали, то ему предстоит многое узнать о порядках в доме. Уилл с Луисом украдкой смеются, глядя, как двое парней на глазах у всех соперничают за внимание одной девчонки. Мне лично глубоко наплевать на происходящее. Наверняка она идиотка, раз улыбается и смеется, как будто попала в летний лагерь или поехала с классом на экскурсию. Я перед ней заискивать точно не собираюсь.

Зато внимательно слежу за близнецами. Именно они – воплощение действительности в этом доме, а не какая-то там дура, из-за которой все рисуют себе шеи свернуть. Эллори и Джо абсолютно одинаковые. Ну или были одинаковыми. Один из них (наверное, Эллори, потому что у него прыщей больше, чем у брата) сильно потеет. Между нами метра три, но я отчетливо это вижу. Покрытая густым слоем пота кожа кажется жирной. Он громко шмыгает носом. Изредка его грудь сокращается, а лицо превращается в напряженную маску, как будто он с трудом сдерживает кашель. Его брат ест с двух тарелок. Запихивает ложку за ложкой в рот и сидит вполоборота, чтобы прикрывать Эллори от всевидящих глаз медсестер. Я смотрю на близнечев со смесью восхищения и ужаса. Медсестры тоже смотрят. Их взгляды холодные и тяжелые, как у орлов, выискивающих добычу. Все остальные из седьмой спальни слегка отвинулись от своих соседей, хотя в крови каждого из них живет тот же недуг. Они

разговаривают о близнецах так, словно тех и нет вовсе. Видимо, я буду должен Луису пару смен на посуде.

- Как думаешь, его сегодня и заберут?

Только услышав голос Эшли, я понимаю, что на Эллори смотрю не один. Эшли тоже за ним наблюдает, поджав тонкие губы.

- Скорее всего.

- Я за него помолюсь.

- Ага, это офигеть как поможет. – Я сосредотачиваюсь на еде. Запихиваю вилкой в рот картофельное пюре и тщательно пережевываю комочки. Говорить с Эшли нет ни малейшего желания. Пусть засунет свою высокомерную набожность себе в зад.

После ужина медсестры ставят какой-то допотопный фильм. Уилл с Луисом пытаются уговорить меня пойти с ними, но я отказываюсь. Долго и нудно лежу в горячей ванне, потом заваливаюсь на кровать и пялюсь в потолок. На улице все еще идет дождь. Интересно, о чем сейчас думает Эллори? Пошел ли он смотреть фильм? От мысли, что однажды я окажусь на его месте, сводит живот. Жаль, что я не могу просто взять и перестать думать. Даже фантазии о Джули Маккендрик не могут меня отвлечь. В итоге я пытаюсь представить, помнит ли она меня вообще, или уже улыбается Билли из выпускного класса, и теперь ему, а не мне, светит залезть ей в лифчик наяву, а не в мечтах.

В конце концов все возвращаются в спальню, и начинается ритуал по чистке зубов, умыванию и подготовке ко сну. Медсестра приносит поднос с таблетками и маленькими стаканами с водой. Все

послушно глотают, а она задвигает занавески, выключает свет и бросает на прощание ничего не значащее «Спокойной ночи».

- Папа Клары был чиновником, - говорит Уилл. - Правда ведь, Том? Самый настоящий министр в правительстве.

- Ага, точно. - Том замолкает. Тишину заполняет шепот. - Какого хрена он делает?

- Молится. Не обращай внимания, он скоро закончит. Чиновник... Круто! А где работал твой папа?

Замечает ли Уилл, что говорит в прошедшем времени? Как будто наших родных больше нет, как будто где-то там, в реальном мире, они не продолжают жить без нас.

- Да так, в одной ремонтной фирме. Ничего особенного. - Том провел в доме всего несколько часов, а уже не горит желанием вываливать свою подноготную. Заранее закрываются в себе по нашему примеру.

- Мне фильм понравился, - меняет тему Луис. - Только никак не могу отделаться от мысли, зачем нам его показывали.

- Вампиры классные, - говорит Уилл. - А собака вообще суперская была. Но мне не понравился момент, когда мужику череп проломили.

- Но ведь фильм, по сути, о бессмертных подростках, - размышляет вслух Луис, - внутри которых живет нечто, что превращает их в чудовищ. И название какое - «Пропавшие ребята»! Иногда я думаю, что у Хозяйки или очень нездоровое чувство юмора, или напрочь отсутствует понимание иронии как таковой.

- Точняк, - смеется Уилл, хотя ясно: он понятия

не имеет, что такое ирония.

- Мы все можем жить в царствии Господнем, - вставляет Эшли. – Там воистину вечная жизнь.

- Он всегда такой? – с отвращением выплевывает Том. Среди нас он новичок, но аутсайдер всегда и везде Эшли.

- К сожалению, да. – Луис устраивается в постели. Шелест накрахмаленного белья подхватывает возобновленный шепот.

- Тоби, ты-то как? – Уилл пытается рассмотреть меня в темноте. – А то что-то притих совсем. Я думал, ты захочешь фильм посмотреть и с новой девочкой познакомиться.

- Все в порядке. Просто устал.

- Ты всегда уставший. Спишь по полдня. – Вдруг у него вырывается резкий вздох. – А ты случайно не...

- Нет, не заболел, – заканчиваю я за него.

- Это хорошо. – Уилл теребит край одеяла. – Мне бы этого не хотелось.

В его голосе звучит что-то такое, отчего сердце в груди сильно сжимается.

- Спокойно夜里, Уилл, – говорю я в ответ и замолкаю.

Постепенно все засыпают, даже Эшли. В комнате слышно только равномерное дыхание. Закончился еще один день. У нас осталось еще на один день меньше. Я закрываю глаза.

Глава 5

Через два часа после последнего обхода Хозяйки я слышу приглушенный грохот – скрипучий лифт в самом сердце дома начинает

путешествие вниз. Я знал, что это произойдет сегодня, и малодушно хочу спрятаться под подушку, пока все не кончится. Но от желания встать гудят ноги, а внутренности завязываются в узлы вокруг темного сгустка в животе. Я должен это увидеть. Лучше смотреть, чем лежать и слушать. Крадусь к двери и тихонько ее открываю. От холода покрываюсь мурашками. Никто даже не шевелится. Том храпит, но остальные не издают ни звука.

Я на лестничной площадке. Сердце так колотится, что чувствую его в горле. Лифт останавливается выше. С мягким шипением, похожим на вздох в ночной тишине, открываются большие металлические двери. Лифт вполне себе современный и кажется совершенно неуместным в этом доме. Поднимаюсь на полпролета, вжимаюсь в тени, льющие к стене, и превращаюсь в статую. Отсюда лифта не видно, но этажом выше мимо пройдут медсестры на обратном пути. Я жду, и наконец тишину нарушает едва различимый скрип старых колес. В последний раз Эллори выходит из седьмой спальни, но даже не знает об этом, потому что спит. Может быть, он знал, когда ложился спать. А может быть, думал, что у него есть еще один день. Трудно представить, что завтра не наступит.

Появляются белые мокасины под белыми штанами униформы. Медсестры из лазарета катят кровать к лифту. Эллори я не вижу, но знаю, что это он. Кроме него, никто не болел. По крайней мере не так. Медсестры не торопятся. Спокойно, не сбиваясь с шага, продолжают свой путь. Эллори никуда не денется, и лазарет тоже. Это не те медсестры, которые следят за нами днем. Я точно знаю, потому что этих видел не раз. Они как

ангелы смерти. Появляются только по ночам, чтобы забрать спящих больных детей.

Иногда я представляю себе лазарет как страшное чудище, которое нами питается. Наверное, лучше так, чем пугающая пустая неизвестность. В маленьком «окошке» между лестничными полетами проезжает кровать, но я по-прежнему липну к стене. Мне известно, как все происходит, а потому я знаю, что ничего еще не кончено. Приблизительно через минуту слышатся шаги двух или трех пар ног в сопровождении шелеста пакетов с одеждой и туалетными принадлежностями. На память о брате у Джо не останется ничего. Эллори сотрут, как будто его и не было. Интересно, что делают с вещами? Может быть, мы все носим одежду умерших из предыдущей волны дефективных? Есть ли в доме какой-то склад, где новоприбывших ждут целые стопки шмотья всевозможных размеров? Двери лифта опять закрываются, и я с дрожью и облегчением выдыхаю. Адреналин зашкаливает.

Прощай, Эллори. Было приятно тебя не знать.

Меня подташнивает. Во рту привкус горечи. Срочно нужно в ванную и попить воды. Я отворачиваюсь и только теперь краем глаза замечаю что-то за перилами двумя этажами выше. Долю секунды оно плывет в воздухе, как водоросли на отмели. От неожиданности у меня отвисает челюсть. Наверное, я даже испустил короткий резкий вздох. Это волосы. Кто-то еще не спит. Мысли мчатся вскачь. Я уже не думаю об Эллори, о болезни, о пугающей и наверняка кошмарной неизвестности на верхнем этаже. Новым мыслям не находится определения, но я знаю, что они толстым

слоем оборачиваются вокруг сгустка в животе, оседают на языке горьким привкусом. И быстро исчезают. Ночью не сплю только я.

Волос я больше не вижу. Но тень движется, и скрипят ступеньки. Значит, там кто-то действительно есть. Я мигом возвращаюсь в свою спальню и сквозь щель в прикрытой двери вижу, как мимо проплывает силуэт. Да кто это, блин? И сколько можно?! Перемены за переменами. Сначала Том, теперь еще и это. Всерьез думаю вернуться в постель и на все забить, но сейчас я не чувствую усталости. Да и с каких хренов? Ночь – мое время!

Ее я нахожу в кухне. Она отрезает по куску ветчины и сыра и делает бутерброд.

- Тебе сделать? – спрашивает девчонка, как будто это в порядке вещей – вот так встретиться в темноте в два часа ночи.

Я не отвечаю. Молча смотрю на нее с порога. Ветер обдувает дом снаружи и посвистывает в щелях задней двери.

Она намазывает сантиметровый слой масла на кусок белого хлеба.

- Мама не разрешала мне есть масло. Говорила, это плохо для фигуры. Тем более для танцовщицы. Зато теперь мне можно все. Толстая попа уже не самая большая моя проблема, согласен?

Улыбаясь, девчонка накрывает бутерброд вторым куском хлеба, грациозно запрыгивает на кухонный стол из нержавейки и начинает есть. В темноте видно плохо, но, по-моему, у нее на лице веснушки. Зубы белые и крепкие, а густые рыжие волосы растрепанными прядями укрывают плечи.

Смотрю на бутерброд, и в животе все

сжимается. Ночи мне больше не принадлежат. Теперь придется переживать из-за чужих косяков. Она следит за моим взглядом.

- Не волнуйся. Я аккуратно. И все приберу. Никто не узнает, что я здесь была.

- Ты приехала с Томом, - наконец говорю я.

Она кивает:

- Бедняжка, он всю дорогу так сильно злился!

Все это время она сидит и болтает ногами. Даже под ночной сорочкой видно, что они стройные и слегка загорелые. На ногтях – розовый лак. Отголосок прежней жизни. С набитым ртом девчонка смотрит на меня. Я бы тоже чем-нибудь перекусил, но не буду. Из-за нее пропал весь аппетит.

- Ты не выпила витамины, - снова подаю голос я.

От порога я сделал в кухню один шаг, но ближе подходить не собираюсь. Я хмурюсь, даже говорю угрюмо, но она как будто и не замечает вовсе. Смеется. Смех теплый. Дружелюбный. Да что с ней такое? Неужели она не знает, куда попала?

- Витамины, как же! Моя мама на таких «витаминах» годами сидела. И запивала скотчем. – Отложив бутерброд, девчонка тут же о нем забывает. – А ты почему свои не выпил?

Я научился быстро засовывать таблетки под верхнюю губу. Медсестры до сих пор ничего не замечают. А практиковался на горохе, который иногда дают на ужин. Таблетки я заворачиваю в кусок туалетной бумаги и храню в одном из прутьев кровати. Каждый вечер добавляю новые. Наверное, надо бы смыть их в раковину, но так я считаю дни. Отмечаю время, пока еще жив.

- Не люблю спать по ночам.
- И что же нам теперь делать? – опять улыбается девчонка. Улыбка озорная и радостная. – Дом ведь сейчас, считай, наш.
- Делай, что хочешь, только не вздумай мне все перепаскудить.

Улыбка мигом увядаeт.

- Но ведь веселее же...
- Я серьезно. – Вдруг начинаю ужасно ее ненавидеть. Она не имеет права не спать. Это мое время. Сгусток внутри меня вспыхивает жарким пламенем, которое поднимается прямо в рот, и я выплевываю огонь сердитыми словами: - Забудь о своей идеальной жизни с папашей чиновником, громадным домом и всем, что только душа пожелает. Ты такая же дефективная, как и мы. Можешь сидеть, смеяться, шутить и думать, что все это охренеть как смешно, но ты заболеешь и сдохнешь, как Эллори, я и все остальные тупые ублюдки. Ты не какая-то там особенная. Так что не стой у меня на пути и привыкай.

Тяжело дыша, я злобно смотрю на девчонку. От жгучей ярости меня трясет. Она перестает болтать ногами и больше не улыбается. Я отворачиваюсь. Не хочу на нее смотреть. Не хочу жалеть о своих словах. Дом большой. Не факт, что мне придется с ней пересекаться. Может быть, теперь, зная, что ночью ей никто не рад, она даже начнет принимать таблетки.

Я иду к выходу и слышу тихий обиженный голос:

- Ну уж нет. Сам привыкай.
- Сучка. Хренова сучка! Да что, черт ее дери, она о себе возомнила?

Анализы крови брали во вторник после физкультуры, и для радости было сразу два повода. Во-первых, это законное освобождение от естествознания на целых десять минут (а может, и на двадцать, если не торопиться на обратном пути). А во-вторых, на анализ приглашали в алфавитном порядке, и Джули Маккендрик всегда ждала своей очереди в то же время. С другой стороны, там будет и Билли Мэтьюз. Тоби сомневался, что сможет поговорить с Джули, даже если придумает интересную тему для беседы. Зато хоть увидит ее, а это лучше, чем ничего.

В коридоре у кабинета медсестры было жарко. Из-за окон вдоль стен солнечный свет становился невозмож но горячим. Тоби только что стоял под душем в спортзале, но успел вспотеть, пока занимал очередь среди болтающих детей всех возрастов. Никто не волновался. В конце концов, к анализам давным-давно привыкли. Он посмотрел вперед, но Джули не увидел, и настроение совсем испортилось. Вчера на математике – единственном предмете, на который они ходили вместе, – она с ним заговорила, и ему удалось весь разговор шутить о ненужности алгебры и ни разу не взглянуть на грудь собеседницы. Джули рассмеялась на шутку о мистере Грее и сказала Тоби, что с ним весело. Может быть, тот факт, что он главный шутник в классе, наконец-то принесет свои плоды.

- Привет, Тоби.

Джули с Амандой стояли прямо за ним. Фамилия Аманды начиналась вовсе не на «М», так что она, должно быть, прогуляла какой-то урок,

чтобы прийти сюда с подругой. Обе симпатичные блондинки, но у Аманды не было той особой изюминки, которая была у ее подруги. Зато была плоская грудь и чересчур тощие ноги.

- Привет. – Одно простое слово далось ему с таким трудом, словно в горло плеснули клея. Тоби засунул руку в карман, чтобы придать себе небрежный вид, но самому ему казалось, будто все суставы вышли из строя. – С какого урока тебя отпустили?

- С английского, причем у нас диктант.

- Шикарно! – послышался чей-то голос.

За прекрасными плечами Джули к очереди присоединился Билли. Замечательно.

- В субботу у Аманды вечеринка. Ты ведь живешь где-то рядом, да? Может быть, придешь?

Аманда демонстративно закатила глаза, но Джули словно не заметила. А у Тоби так горело лицо, что он всерьез стал опасаться, как бы кожа не оплыла с костей. Сама Джули пригласила его на вечеринку! И не на какую-нибудь, а на крутоую! Все, что делали Джули с Амандой, было круто.

- Не вопрос. Вряд ли в субботу буду очень занят.

Он собирался потусоваться с Джонси, но Джонси может подождать. На миг у Тоби возникла мысль взять друга с собой, но он тут же передумал. Джонси никогда не впишется в такое крутое событие, как вечеринка у Аманды. Тоби был из того же теста, но провалиться ему на месте, если он упустит такую возможность.

- Да ничем он не будет занят! – нараспев протянула Аманда. – Можно подумать, ему есть чем заняться.

- Заткнись, Мэнди. – Не обратив ни малейшего

внимания на недовольство подруги, Джули улыбнулась Тоби. По-настоящему улыбнулась. И только ему.

У нее была безупречная кожа, а глаза, накрашенные тушью и подводкой, ярко блестели. Самые классные девушки в школе всегда красили глаза, несмотря на то, что учителя постоянно отправляли их умываться. Тоби задумался, можно ли любить кого-то больше, чем он любил Джули Маккендрик.

- Классно, - сказала Джули. – Тогда там и увидимся. Приходи к восьми.

Он кивнул, опасаясь сказать что-нибудь лишнее, и отвернулся к очереди в кабинет медсестры. Было слышно, как громко говорит Билли, и как смеются над его словами девушки, но Тоби казалось, что они просто не хотят обидеть выпускника. Из-за волнения Тоби весь гудел. От макушки до пят. Только подумать! Вечеринка с Джули! Мало того, она сама его пригласила. Он не мог дождаться, когда расскажет обо всем Джонси. И улыбался, как дурак, когда вошел в кабинет сдавать кровь. Впереди ждала целая жизнь.

- Или удваивай, или сразу сдавайся, - напоминаю я, когда мы выходим из столовой после завтрака. Луис мчится к расписанию, чтобы вычеркнуть свое имя и написать мое, но я его останавливаю. – Уговор есть уговор.

Вот и все, что этим утром сказано об Эллори. Только мы с Кларой видели, как его забрали, но его исчезновение никого не удивило. За завтраком седьмая спальня была заметно встревожена, но, в отличие от Джо, все старались делать вид, будто все

в порядке, даже слегка перебарщивали с высокомерием. А Джейк и вовсе вел себя вызывающе. За их столом теперь на один стул меньше, и оставшиеся обитатели седьмой спальни намеренно сидели поближе друг к другу. Ничего не напоминало о том, что за этим столом кого-то не хватает.

У доски объявлений мы смотрим, как мимо нас к лестнице проходит седьмая спальня.

- Полагаю, я ничем не рисковую, - говорит Луис, глядя на Джо.

С опущенными плечами и покрасневшими глазами одинокий близнец выглядит совершенно раздавленным. Кажется, у него на щеках красные пятна, но из-за прыщей трудно сказать наверняка.

- На что уставились? – рычит на нас Джейк.

В ответ я молча пожимаю плечами. Седьмая спальня проиграла соревнование. Нетронутой осталась только четвертая.

Глава 6

Дождь наконец-то перестал, но воздух на улице сырой и туманный, как будто кто-то проколол облака, и они, медленно сдуваясь, опустились на землю. Том не мигая смотрит в кухонное окно, а я сполоскиваю в раковине последние тарелки и ставлю на стопку сбоку.

- Времени вагон, приятель, - саркастично цежу я. На лице каплями собирается пар от горячей воды.

Том рассеянно берет следующую тарелку, счищает обедки, но продолжает смотреть на сад за окном. У меня и в мыслях не было выглядывать на улицу, но сдержаться сложно, потому что окно

прямо над раковиной, а девчонки смеются практически у нас под носом. На старом пне сидит Элеонора с книгой в обнимку, но читать явно не собирается. Она внимательно наблюдает за тем, как у шершавой кирпичной стены Клара учит Гарриет стоять на руках. У Гарриет катастрофически не получается, но обе смеются, пока «ученица» дрыгает ногами, а Клара пытается поймать их в воздухе и как следует выпрямить.

Потом они снова и снова делают на траве «колесо». У Клары получается прекрасно. У нее сильные и стройные ноги, крепкие руки. На носу и правда россыпь веснушек, а волосы ярко отливают богатым медным оттенком, хотя от сырой серости вокруг все потемнело. Она опять делает «колесо», и на мгновение, когда она стоит на руках, край футболки задирается, обнажая плоский бледный живот. Том тяжело сглатывает – не услышать невозможно.

- Наверное, она гимнастка, - с трудом выдавливает он.

Ставлю последние трусы, что говорит он не о Гарриет. Та изо всех сил старается, но нескладное тело попросту не способно повторить движения за старшей подругой.

- Танцовщица, - внезапно вырывается у меня.
- Откуда ты знаешь? – Весь вид Тома так и кричит о любопытстве.

Я неуклюже пожимаю плечами:

- Слышал где-то.

Клара не стала принимать таблетки из-за моего беспардонного поведения при первой встрече, которая произошла две ночи назад. Я честно старался придерживаться плана избегать ее любой

ценой, но проще сказать, чем сделать. Оказалось, знать, что кто-то еще не спит, не так-то легко. Поэтому я ходил за ней тенью, ждал, когда она перейдет из одной комнаты в другую, а потом проверял, все ли она положила на свои места. Меньше всего на свете мне нужно, чтобы кто-нибудь заподозрил неладное. А прошлой ночью я собирался пойти в комнату отдыха. Когда ночи принадлежали мне одному, я успел облюбовать кресло-мешок, на котором сидел у окна и смотрел на небо. Однако сквозь незапертую дверь увидел Клару. Проигрыватель был включен, но тишину нарушало только тихое поскрипывание иглы по винилу. Перед ним с огромными наушниками на голове покачивалась в такт неслышной мне музыке Клара. Совершенно спокойная, с закрытыми глазами, она словно затерялась в своем собственном мире, позабыв о доме. Сквозь окно с раздвинутыми занавесками на пол лился лунный свет, в луже которого она и танцевала. Хотя я бы не назвал это танцем. Она просто плавно двигалась и вдруг улыбнулась, когда ее руки взметнулись вверх, а бедра закачались в неведомом мне ритме.

Во рту пересохло. Стало очень не по себе. Поначалу я даже не понял, в чем дело. Точно не в голых ногах и руках, не в очертаниях фигуры под ночной сорочкой. То есть, по-своему, эффект они, конечно, производили, хотя я и отказывался это признавать. Но не затрагивали тугой сгусток в животе. А потом до меня дошло. Зависть. Вот что я испытывал. Горько-кислый вкус зависти. Клара улыбалась, была счастлива, наслаждалась моментом полной свободы в музыке. Какое право она имеет быть счастливой?!

В конце концов Клара выключила проигрыватель и ушла из комнаты. Я ждал в тенях, пока она не поднялась по лестнице, а потом пошелсмотреть, что она слушала. Это оказался незнакомый альбом, записанный, когда меня еще на свете не было. На пару секунд я прикоснулся к наушникам, но потом отошел. Я не хотел слушать эту музыку. Не хотел втягиваться. И уж точно не хотел снова испытывать любопытство.

Вернувшись в постель, я все никак не мог удобно улечься. Пробовал думать о маме с папой, о Джули Маккендрик, но дикий страх уже просочился в кровь и сковал ужасом позвоночник. В ушах эхом отдавался звук колес, когда кровать Элори катили к лифту. Перед глазами стояло жалобное лицо Генри, когда он сказал «Здесь какая-то ошибка». А в голове болезненным пульсом билась одна-единственная мысль: я не хочу умирать, не хочу становиться чем-то ужасным, не хочу превращаться в ничто – ни сейчас, ни когда-нибудь потом.

- А точнее? – спрашивает Том, выдергивая меня из размышлений.

- Ну, видимо, кто-то из девчонок говорил, – отвечаю я.

Она не имеет права быть настолько беззаботной. Ни у кого нет на это права.

Протираю тряпкой поверхность из нержавейки, Том насухо вытирает полотенцем последние тарелки. Откуда ни возьмись появляется медсестра, проверяет, как мы потрудились, и отпускает нас из кухни. На сегодня наш долг по дому выполнен.

Не дожидаясь Тома, который опять плялится в окно, я иду обратно в четвертую спальню, чтобы

поспать. Поднимаюсь до середины первого лестничного пролета и вижу Эшли, шагающего прямиком к кабинету Хозяйки. Я застываю. Никто просто так к Хозяйке не ходит. По крайней мере я такого ни разу не видел. На наши вопросы у нее ответов нет, а если и есть, то делиться с нами она не станет. С первого дня она ясно дала понять, что не намерена тратить на нас больше времени, чем того требуют ее обязанности. Зачем кому-то по собственной воле привлекать к себе ее внимание? Все решения в доме принимает Хозяйка. Иногда я даже думаю, что она лично решает, кого увезут в лазарет следующим. Кто знает, что нам подсыпают в еду? Так или иначе, все мы с радостью находимся за пределами ее радара.

Глубоко вздохнув, Эшли трижды стучит в дверь и поправляет сверток, который держит под мышкой. Там несколько кусков ватмана, раскрашенных разным цветами. На внутренней поверхности свертка видны надписи убористым почерком, но слов не разобрать. Чтобы хорошенъко присмотреться, я свешиваюсь через перила, но тут дверь в кабинет открывается, и Эшли исчезает внутри. Пару секунд стою на лестнице. Наверху ждет кровать. Меня не должно беспокоить, что понадобилось Эшли от Хозяйки. Честно говоря, мне действительно до лампочки, но знать охота. Поднимаюсь еще на две ступеньки и снова останавливаюсь. Смотрю туда, где только что комком нервов стоял Эшли. Не зная, куда идти – вверх или вниз, вместе со штанинами от напряжения дрожат ноги. Эшли в кабинете Хозяйки. Против воли в голове возникают тысячи догадок. Я никогда не хотел и до сих пор не хочу

связываться с местными обитателями. Какой в этом толк? Если не считать Уилла и Луиса (избегать которых уже бесполезно, потому что я к ним привязался), я прекрасно справляюсь с задачей не лезть в чужие дела. Все мы умрем в одиночестве, а значит, и жить я должен так же. Тут уже ничего не поделать.

Но Эшли, блин, в кабинете Хозяйки, и мне хочется знать почему. На вид он вроде не болен. Но даже если бы и заболел, то вряд ли пошел бы сказать ей об этом лично. И к чему все эти куски бумаги? Сомневаюсь, что он наваял кучу жалоб по поводу проживания в доме. Даже такой самодовольный ублюдок, как Эшли, не додумался бы до подобной глупости. Я мрачно сдвигаю брови. А если все-таки додумался? Вдруг этот его поход к Хозяйке как-то связан с нашей спальней? Если так, то это напрямую касается меня.

Я смотрю на утопающую в тенях зевающую лестницу. Сверху донизу она изгибается так и эдак, как покореженный позвоночник дома. В конце концов спускаюсь туда, откуда пришел. Внизу пусто. Заглядываю во все коридоры – зрители мне ни к чему. И только потом прижимаюсь ухом к двери кабинета, но слов разобрать не могу. Слышу только гул приглушенных голосов. Сердитыми они мне не кажутся. Впрочем, по голосу Хозяйки никогда не скажешь, сердится она или нет. Она – просто Хозяйка, всегда спокойная и безликая. Не удивлюсь, если под кожей у нее окажется сеть проводов и процессоров.

Оставаться под дверью дольше нет смысла. И так уже чувствую себя шпионом. Хотя как раз этим я и занимаюсь – шпионю. В итоге нахожу в

комнате отдыха Уилла и Луиса. Они стоят отдельно от других мальчишек – в углу возле проигрывателя. Пытаются найти в идиотском собрании допотопных записей то, что может понравиться, и спорят, что поставить дальше.

- Я только что видел, как Эшли заходил в кабинет Хозяйки. Вы не в курсе, в чем дело?

- Смотри! Она прокрутилась вокруг ветки! Как у нее это получается?

Шахматная доска забыта. Белых фигур заметно меньше, чем черных. Держу пари, черными играл Луис.

- Идемте поиграем на улице с остальными. – От волнения Уилл аж пританцовывает. – Дождя же нет.

- Там Джейк.

- Так ведь и Том тоже.

Всего пара дней – и Том один из них. Принят в стаю. По крайней мере Луисом и Уиллом.

- Зуб даю, он ее окучивает. Весь из себя такой крутой!

- И раз за разом терпит сокрушительное фиаско. Сразу за этими словами – взрыв хохота.

Я опять пытаюсь привлечь их внимание:

- Я сказал, что видел, как Эшли в кабинет Хозяйки заходил. Догадки есть, на кой он туда поперся?

Наконец-то их головы поворачиваются ко мне.

- Не-а, - отзыается Уилл. – Я его не видел.

- Он ничего странного не говорил?

- Не больше, чем обычно. – Луис вдруг широко улыбается, когда до него доходит, что я нарушил привычный распорядок дня. – А ты, значит, не спишь. Пойдешь с нами в сад?

Я едва не испускаю мучительный стон:

- Зачем? Не хрен там делать.

- Клара по дереву лазит. Смотри. – Уилл тычет пальцем в окно, как будто с порога я что-нибудь увижу.

- Я не собираюсь вам мешать. Хотите поиграть, как дети, - вперед.

Ей-богу, надо было сразу завалиться в постель, а не париться по поводу планов «преподобного» Эшли.

- Так ведь мы и есть дети.

- Тогда отвяжитесь и валите к чертовой матери. Я вам на что сдался?

- Пойдем! Будет весело! – уговаривает Уилл. – Побудем все вместе. И дождя нет.

- Солнца тоже.

Луис смотрит себе под ноги, но, похоже, не замечает, что один шнурок развязался. Когда он сюда приехал, ботинки были новыми. В первый же вечер он сам с вселенской печалью в глазах рассказал нам, что их ему купила мама. Теперь коричневая кожа потерта и поцарапана. Понятия не имею, как он умудрился их так покалечить, когда большую часть времени только и делает, что слоняется призраком по дому. Вот только Луис поразительно неуклюжий. Его мозг работает слишком быстро, и тело просто не успевает за ним угнаться. От смущения на его щеках проступают красные пятна. Он сует руки в карманы джинсов и только потом смотрит на меня, слегка пожимая плечами.

- Там Джейк, - повторяет он тише, чем в первый раз, потому что ему стыдно.

- Том тоже, - говорю я. Что ж, признаю: это проверка. Том старше меня.

- Да, но... - Луису настолько не по себе, что он высоко приподнимает одно плечо, только чудом не коснувшись им порозовевшего уха. - Том не станет... ну, ты понимаешь. Не станет за нами приглядывать.

- Пожалуйста, Тоби, - просит Уилл.

Оба смотрят на меня с надеждой в глазах.

Я перевожу взгляд с одного на другого и поражаюсь, как я до такого докатился. Громко вздыхаю. Мне все еще хочется узнать, что там у Эшли с Хозяйкой, перед тем как пойду спать. А значит, надо как-то убить время.

- Десять минут, - говорю я, точь-в-точь как мой отец. - И ни минутой больше.

- Охренительно! - выпаливает Луис. Слушать из его уст такие слова непривычно до потери пульса.

- Спасибо, Тоби, - приглушенно говорит Уилл, потому что уже натягивает свитер. Из воротника появляется сияющая физиономия. - Бежим!

Я иду за ними по коридору, выхожу через заднюю дверь и мысленно обалдеваю: с каких пор выйти в сад стало таким важным событием? Если это так весело, то какого черта мы не ходили туда раньше? Может быть, я не единственный, кто прячется от судьбы. Я прячусь, пока сплю. А остальные вполне могут прятаться по-своему – сидя в четырех стенах. Может быть, на улице – слишком яркий настоящий мир, частью которого мы больше не являемся. А может быть, всему виной бесконечные дожди.

Делая шаг за порог, я ужасно хочу перестать так много думать. Наверное, надо пить больше чая за завтраком.

- Смотрите, как она высоко! – восхищается Уилл, когда мы подходим к дереву.

Из дома старый дуб кажется совсем не таким большим, как в сыром саду. Сейчас он просто огромный. Чтобы обхватить толстенный кривой ствол, понадобилось бы три человека. Под ногами ярко-зеленым блестит разросшаяся мокрая трава. Влажные спортивные штаны липнут к ногам, но мне не холодно. Даже если и есть ветер, высокий забор вокруг прилегающей территории не пропускает его в сад.

Иду я не торопясь. Уилл с Луисом подстраиваются под мой шаг. Если бы речь шла только о Джейке и других обитателях седьмой спальни, я бы не пришел. Но тут и девочки, и народ из других спален. Как будто все снова, как в самом начале, объединяются.

Высоко в ветвях дуба, скрывшись среди листвы и задрав голову, сидит Клара. Все пришли сюда из-за нее. От девчонок одни проблемы. У них как будто есть какая-то тайная сила, которая приходит в действие лет в четырнадцать. Наверняка Луис с Уиллом думают, что эта сила на них не действует, но они ошибаются. Начало уже положено. В конце концов, они ведь тоже здесь. Голова набивается воспоминаниями о Джули Маккендрик и о том, какую ядерную смесь страха, неловкости и жалкого нервозного волнения я испытывал всякий раз, когда она появлялась рядом.

Оказывается, сад больше, чем я думал. Почти такой же, как сам дом, и тянется во все стороны. Слева – сомнительного вида качели, на которых без всякого энтузиазма качается Джо. Ногами он задевает землю, выковыривая пучками траву.

Голова опущена, челюсти крепко сжаты. Не хочу на него смотреть. В ушах тут же просыпается жуткий скрип старых колес.

Кто-то нашел футбольный мяч. Том с Джейком гоняют его по саду, а мелкий жирный Дэниел с раскрасневшейся от усилий физиономией бегает вокруг них и то и дело вопит охрипшим голосом:

- Сюда, Джейк! Мне, мне бросай!

Может быть, теперь, когда Джо ушел в себя, а Эллори больше нет, Дэниелу кажется, что они с Джейком стали друзьями. Но если и так, то он полный кретин. Джейк специально со всей дури пинает мяч, чтобы тот пролетел высоко над головой Дэниела и отскочил от стены, до которой мелкому жиртресту бежать еще метров шесть. Дэниел мчится за мячом. Джейк смеется. Добрый этот смех не назвать даже с большой натяжкой. Догнав мяч, пацан наклоняется, чтобы поднять его, и в этот момент из-за пояса джинсов на всеобщее обозрение выскакивает жирная задница. Мне тоже хочется хорошенько похохотать, но я сдерживаюсь.

Отхожу от дерева и остальных ребят. Места тут завались, а путаться с другими нет ни малейшего желания. Зато Уилл стоит прямо под дубом и смотрит вверх.

- Как ты забралась так высоко? – спрашивает он у болтающихся Кларинных ног.

- Она подпрыгнула на ветку и крутанулась вокруг нее, - отвечает ему Элеонора. Они с Гарриет как какие-то древесные создания. Ну или лесные нимфы. Обе выглядывают из-за толстого ствола с разных сторон. – А потом полезла выше.

Уилл подпрыгивает, но не достает даже до самой нижней ветки и с надеждой смотрит на

Луиса:

- Может, подсадишь?
- Слишком высоко.

И Луис прав. Может быть, для меня, Тома или Джейка и не слишком высоко, но для всех остальных – однозначно. Я смотрю на ветки и понимаю, почему ни Том, ни Джейк не попытались залезть на дерево. Даже если бы им удалось добраться до нижней ветки и не выставить себя дураками, то выше никто бы не полез. Ветки там намного тоньше. Чтобы их не сломать, нужно мало весить. А Клара, должно быть, сильная, раз смогла подпрыгнуть так высоко без чужой помощи.

- Не узнаем, пока не попробуем, - настаивает Уилл. – Ну давай же, подсади меня, а потом я затащу тебя на ветку. Я никогда не лазил по деревьям.

Луис все еще сомневается:

- У меня не очень хорошо получается поднимать тяжести.

- А на что ты там смотришь? – спрашивает Уилл у Клары.

Джейк ловит мяч и сует под мышку. Подходит ближе к дереву и бросает мяч Тому. Тот ловит его в полете и пасует, слегка споткнувшись. Но показуха проходит даром. Все это время Клара смотрит на что-то вдалеке.

- Отсюда видно море, - говорит она, сидя на ветке верхом так спокойно, будто ветка в метре от земли. Причем даже не держится, а раздвигает руками листья. – Так красиво!

- Далеко? – не выдерживает Луис.

- Не очень. Кажется, там утесы. А вот домов не вижу. Похоже, мы здесь одни.

- Определенно, - отзывается гений. – На острове, кроме нас, никого нет.

- Откуда ты знаешь?

- Когда-то двое пацанов пытались сбежать, - вмешивается Джейк. Видимо, ему не понравилось, что Клара не обращает на него внимания. – Но их поймали, потому что бежать было некуда.

- И что с ними случилось? – спрашивает Клара, по-прежнему глядя вдаль.

- Хозяйка, - отвечает Джейк. – Вот что с ними случилось. Она взяла монету и заставила их выбирать, орел или решка. Орел выиграл. Парень, который выбрал решку, тут же оказался в лифте. Она волокла его за шиворот, а он извивался, орал и умолял ее взять второго. Прямо у всех на глазах. Больше никто его не видел. А он даже не болел. Хозяйка сказала, что это был урок для остальных.

Эту историю слышали все. Хотя в то время никого из нас в доме не было. Нам рассказали об этом ребята, которые уже жили здесь, когда мы приехали. А им рассказали те, что были до них. Понятия не имею, есть ли тут хоть слово правды. Однако никто, даже Джейк, не станет рисковать, если бежать действительно некуда. К тому же никто не сомневается, что Хозяйка способна на такой поступок.

- Наверное, я тоже поднимусь и посмотрю, - заявляет Джейк. Может быть, ему тоже хочется сменить тему.

Мы все слишком часто и много думаем о лазарете, поэтому говорить о нем не хотим.

Джейк хватается за нижнюю ветку и висит, как шимпанзе. Вида не показывает, но я точно знаю, что он пытается понять, получится ли залезть выше

и при этом не выставить себя на посмешище.

- Не советую, - говорит Клара. – Ветка и правда очень тонкая.

Внезапно раздается крик Дэниела:

- Джо чихает!

Я и забыл, что пузатая мелочь здесь. Штаны подтянуты, но живот торчит наружу. Сейчас пацан стоит у качелей и тычет пальцем в одинокого близнеца:

- Джейк, Джо заболел!

- Заткни пасть, недомерок! – рычит Джейк, и мелкая свинья с визгом убегает к группе других мальчишек.

- Но он же больной!

- Оставь его в покое, - говорит Дэниелу Гарриет, выходя из-за ствола. – И не кричи. – Ее лицо больше не похоже на строгую маску. Не так чтобы симпатичное, но и не недовольное, как обычно. – Медсестры услышат.

- Я всего лишь говорил Джейку, что...

- Твою мать, Дэниел! Отвали, - перебивает Джейк, спрыгивая на землю. – На хрен мне не нужно такое слышать.

На ум приходит Хрюша². Ей-богу, Дэниел как Хрюша из книги, на вопросы по которой я отвечал сегодня утром. Отчаянно хочет влиться в компанию крутых ребят, но вечно терпит неудачу.

- Прости, Джейк. Я только подумал...

- Я сказал, отвали.

За обменом любезностями внимательно следит Луис. Его глаза сияют, когда Дэниел, обиженно бормоча себе под нос, убегает в дом. Но свет тут же гаснет, когда Джейк, щурясь, смотрит на Луиса.

---

² Персонаж романа У. Голдинга «Повелитель мух».

Нашего гения все еще мучают воспоминания о стекающем по лицу яйце.

- А вот это, случайно, не каштан? – интересуется Уилл, глядя на второе дерево у стены справа. По сравнению с дубом, оно непрятательное и скромное, как будто льнет к земле. – Когда я был маленьkim, дедушка играл со мной в каштаны³. – На мгновение он хмурится. – А ты когда-нибудь играл в каштаны, Луис?

- Нет.

- Это проще, чем в шахматы. – Уилл тянет Луиса за рукав. – Идем, поищем те, что побольше.

- Я с вами! – Из-за дуба высакивает Элеонора и, все еще прижимая к груди книгу, догоняет мальчишек.

Несколько секунд Гарриет неловко переминается с ноги на ногу, а потом идет к качелям и садится на свободные. Джо она ничего не говорит, но слабо ему улыбается. На улыбку он не отвечает.

Между Джейком и Томом ощущается напряжение. Что-то сродни дуэльным сценам в старых фильмах о ковбоях. Каждый намерен стоять до последнего, потому что уйти первым – значит, проявить слабость. Мне до их противостояния дела нет. Уилл с Луисом нашли, чем заняться, поэтому я могу спокойно вернуться в дом. Но в тот момент, когда я уже готов развернуться, сверху доносится голос Клары:

- Море такое красивое! Интересно, как оно выглядит ночью? – Наклоняясь к ветвям, она вытягивает шею, чтобы посмотреть на меня. Через

---

³ Детская игра, в которой одним каштаном, привязанным к веревке, нужно бить по другим.

плечо водопадом огня струятся рыжие волосы. – А тебе не интересно, Тоби?

Клара улыбается. Том с Джейком злобно зыркают на меня. Я молчу, и мы втроем смотрим, как девчонка с кошачьей ловкостью спускается с дерева. Она встает прямо посередине и по-прежнему на меня пялится. Лучше бы отвернулась, честное слово. Воздух между мной, Джейком и Томом так и искрит.

- Кажется, я знаю, где достать бухла и сигарет, - ни с того ни с сего выпаливает Джейк.

- Да ладно! – поражается Том. – Что, прямо здесь?

Клара взгляда не отводит, засовывает руки в карманы джинсов и покачивается с носка на пятку. Она бросает мне вызов. Смеется надо мной. Мне вдруг становится не по себе. Мало того, я начинаю чувствовать себя идиотом и понятия не имею почему. Не собираюсь я ввязываться в дурацкую драку с Джейком и Томом из-за девчонки, которая мне даже не нравится.

- Ага, - уже громче продолжает Джейк. – В комнатах учителей. От некоторых так и разит табаком. Зуб даю, спиртное у них тоже имеется. Наверняка им здесь охренеть как скучно. Мне так точно. – Он смотрит на Клару. – Что скажешь?

В конце концов она переводит взгляд на него и слегка пожимает плечами:

- Не вопрос. Сможешь достать – я в деле.

В ответ Джейк по-волчьи ухмыляется.

- Я помогу. – Тому явно не хочется оставаться в стороне. – Ты как, Тоби?

Джейк смотрит на меня, Клара тоже. А я отчаянно жалею, что не остался в доме. Что не

поднялся по лестнице двумя минутами позже. Что увидел, как Эшли заходит в кабинет Хозяйки. Вдруг вспоминаю, как пару раз, гуляя ночью по дому, слышал из учительских комнат джаз. Скорее всего Джейк прав. Я бы тоже выпил, раз уж и так здесь застрял.

- Может быть.

- Эй! – слышим мы от задней двери и видим, как по траве к нам ковыляет Дэниел.

- Твою за ногу! Что опять? – ворчит Джейк, и во мне зарождается намек на сочувствие. Ему тоже приходится играть роль няньки.

- Вам надо это увидеть! – улыбается жирдяй. Ему не терпится снова подняться в глазах Джейка. – Всем вам!

Глава 7

Мы стоим перед плакатом, прилепленным к стене над звонком в коридоре.

- Есть еще, – до сих пор задыхаясь от беготни в саду, говорит Дэниел. – Один в комнате отдыха, другой – на лестничной площадке.

- Ну и деръмо! – заявляет Джейк.

Как с языка снял. Вот, значит, что замышлял Эшли.

На плакате черным фломастером аккуратно прописаны печатные буквы:

«Открыта церковь!

*Последняя комната на втором этаже,
возле крыла медсестер.*

*Ежедневно вечерняя служба. Начало в 19.30.
Здесь рады всем!»*

Вокруг ровных букв – по-детски неуклюжие

рисунки ангелов и крестов, а внизу стикер с надписью: «Сегодня мы помолимся об Эллори».

- Господи Иисусе, - говорю я, и Луис смеется над шуткой, которая получилась у меня без задней мысли.

- Может быть, теперь он перестанет молиться в спальне, - подает голос Том.

Я с ним согласен. Одна беда – Джейк явно насмехается над нами, из-за чего Эшли с его сраной набожностью бесят меня еще больше, чем обычно. Джо молчит. Его взгляд прикован к стикеру внизу плаката.

- А давайте посмотрим, - предлагает Уилл. Любопытства ему не занимать. Впрочем, как всегда.

На несколько минут все забывают о разногласиях. Мы поднимаемся по лестнице, оставляя за собой на старом дереве мокрые следы. Девочки молчат, но идут за нами. А чем еще тут заниматься?

- Сюда! – кричит Дэниел, как будто мы сами не знаем, куда идти.

В коридоре темно, но сквозь одну распахнутую дверь льется свет. Во время своих ночных прогулок я ни разу так далеко не заходил – слишком близко к комнатам медсестер. А Эшли молодец, помещение выбрал что надо. Даже Джейк не рискнет прийти сюда выбивать из него дурь. «Преподобному» надо будет только хорошенъко крикнуть, чтобы привлечь чье-то внимание.

Мы все собираемся у двери, и Эшли суетливо тараторит:

- Проходите, проходите.

У меня нет ни малейшего желания переступать порог, но в комнату протискиваются Гарриет и

Элеонора. За ними – Уилл с Луисом. Вместо кроватей здесь двенадцать стульев по три в ряд. Впереди стоит стол, накрытый простыней.

От перетаскивания мебели Эшли вспотел, но улыбается:

- Проходите! Здесь всем рады!

Кто-то смеется, и улыбка чуть-чуть увядает. Эшли делает вид, что занят бумажками, которые лежат на одном из стульев.

- Ты конченый кретин, - говорит Джейк. Дэниел заливается хохотом.

Я оглядываюсь и вижу в коридоре Клару. Кажется, церковь ей не по душе, но наше агрессивное поведение ей, похоже, нравится не больше. Может быть, пожив тут с недельку, она начнет нас понимать.

- Какое красивое окно! – восхищается Гарриет, глядя вверх.

Она права. Окно действительно красивое. Арочное, прямо в центре стены.

- Из-за него я и присмотрел эту комнату, – подхватывает Эшли. – Оно похоже на церковное. – На мгновение он затихает, а потом добавляет: – Если хочешь, можешь его разрисовать. Хозяйка возражать не будет.

- А вы с Хозяйкой, как я посмотрю, на короткой ноге, - ухмыляется Джейк. – Только это ничего не изменит.

Эшли молчит.

- Ты все равно дефективный, - встревает Дэниел. – Как и все остальные.

- Я знаю, - говорит Эшли.

- Да пошел он к черту, - выплевываю я в бешенстве. Эшли меня и правда бесит до белого

каления, но он один из нас, из нашей спальни. – Будет сидеть тут сам со своими стульями. Вот и пусть сидит. Зато не будет ходить за нами хвостом.

Отворачиваюсь и ухожу. Том идет за мной.

- И то правда, пошел он к черту.

Все ясно. Я по-прежнему вожак в четвертой спальне.

Толпа у двери рассасывается. Все идут по своим делам. Уилл с Луисом вприпрыжку мчатся по коридору на поиски веревок для каштанов, а я решительно шагаю в спальню. Поспать – вот что мне нужно.

Сегодня холоднее, чем вчера. Словно невидимый туман, холод пробирается сквозь старые камни. По спящему дому я брожу в носках, хотя на отполированном полу может быть скользко, и если я упаду, то точно перебужу всех медсестер. В постели я валялся дольше, чем обычно. Ждал, не заберут ли Джо, но лифт так и не заурчал, как голодный желудок лазарета. В доме царит тишина.

Спускаюсь в кухню, делаю себе бутерброд с маслом и ем, глядя в окно на старый дуб. Ночью он кажется неповоротливым черным гигантом. Внизу тихо, в комнате отдыха пусто. Может быть, Клара все-таки решила принимать таблетки, как все остальные, и оставила мои ночи в покое. По идеи, мне должно полегчать, но почему-то в животе все сжимается, и возникает ощущение, что там вообще ничего нет. Я подумываю послушать в наушниках музыку, но тут же отбрасываю эту затею. В конце концов, я не Клара. Плясать в темноте может только круглый идиот. К тому же я хочу иметь возможность услышать шаги, если кому-то

вздумается сюда заглянуть.

Возвращаюсь наверх и вдруг понимаю, что иду прямо в церковь Эшли. Вернувшись вечером в спальню, он надменно улыбался. Никто не спрашивал, как прошла его дурацкая служба, но он явно был собой очень доволен. В глубине души мне хочется разбить стулья в щепки, но я не знаю, откуда взялось это желание. Может быть, надо их хотя бы переставить, чтобы попугать «преподобного». Подходя к двери, я вижу мерцание тусклого света и понимаю, что Клара меня опередила. Но на этот раз я не собираюсь прятаться. Ночи по-прежнему мое время, а она по-прежнему влезает на мою территорию. Если кто и должен уйти, то точно не я.

- Где ты взяла свечу?

Клара стоит ко мне спиной и в свете желтого огонька пытается прочитать какую-то бумажку. Свеча приклеена воском к блюдцу, которое стоит на столе с простыней. Сам стол отчаянно пытается прикинуться алтарем, но все без толку.

- Здесь была. А спички я из кухни принесла.

Она даже не вздрогнула. Слышала, что я иду, или ей просто наплевать? Клара поворачивается в мою сторону, но все еще смотрит на бумажку.

- За Эллори, - читает она, - любимого брата Джо, сына Мэри и Стивена, обитателя седьмой спальни. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло». Откровение, глава двадцать первая, стих четвертый. Красиво, если хорошенько подумать. И печально.

- Только не говори, что тебе по душе все это божественное дермо, - ухмыляюсь я.

Клара качает головой. В свете свечи сияют рыжие волосы.

- Нет. Я верю в природу. Мы умираем, разлагаемся, питаем землю, растения, насекомых. Как-то так.

- Обхохочешься, – говорю я, словно мне плевать на все на свете, но ее слова оседают на лед у меня в животе, и я начинаю жалеть, что не остался в кухне.

- Ну мы-то пока живы, - пожимает плечами она. – Ничем от других не отличаемся.

- Еще как отличаемся. Потому нас и называют дефективными. – Мой голос так и сочится сарказмом, но Клара как будто и не замечает.

- И все-таки мне так не кажется. Каждое утро для всех начинается новый день. Никому не дано знать, что будет завтра. – Она широко улыбается, глаза горят. – А вдруг завтра найдут лекарство? Или в дом ударит молния, и все мы сгорим заживо. Или в Лондоне произойдет землетрясение, и все мои одноклассники умрут раньше меня. Теперь понимаешь?

Я улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Логика в ее словах есть. Чем не соломинка в океане ужаса?

Клара снова смотрит на бумажку и тихо говорит:

- Хотя для Эллори уже поздно. Гарриет ходила на службу. Говорит, из седьмой спальни пришел только Джо. Грустно, правда? Они должны были прийти хотя бы ради Джо.

- Здесь так не бывает.

Улыбка испаряется. Клара не понимает, как все устроено в этом доме. Пока не понимает. Она думает, что все как раньше, но ошибается.

Сомневаюсь, что сумею объяснить ей разницу, даже если захочу. Этому нужно учиться самостоятельно. На языке возникает комок желчи, и я уже собираюсь сказать что-то злобное, как вдруг слышу звон из-за двери, ведущей в крыло медсестер.

- Что это такое? – спрашивает Клара.

- Будильник. – Бросаюсь к свече и гашу ее пальцами, не обращая внимания на боль от горячего фитиля. Так хоть запаха не будет. А потом, не задумываясь, хватаю Клару за руку: - Бежим!

Мы выскакиваем в коридор и уже на бегу слышим звуки возни. Похоже, просыпаются и медсестры из лазарета, и даже сама Хозяйка.

- Что происходит? – шепчет Клара, вжимаясь со мной в темную стену.

- Не знаю.

- Сюда. Быстрее! – Она дергает меня за руку, и мы поднимаемся на один лестничный пролет.

До ее спальни рукой подать. Она затаскивает меня в комнату и закрывает дверь. Ни Элеонора, ни Гарриет не просыпаются, а мы, тяжело дыша, бежим в дальний угол. И как раз вовремя – за дверью слышатся чьи-то тяжелые шаги.

В окне виден яркий свет, а потом мы слышим хруст гравия под колесами. Спальня Клары дальше от главного входа в дом, чем моя, но мы все равно с опаской выглядываем из-за занавесок. К дому подъезжает большой грузовик. Передние фары – как две луны в ночной темноте. Двигатель с пыхтением переключается на нейтралку. Из кабины выпрыгивает водитель и обходит грузовик сзади. Со скрипом открываются металлические двери. Слышатся разные голоса.

- Да в чем, блин, дело? – шепчу я. Вряд ли в таком грузовике привезли очередных новичков. Мы все приехали сюда на черных фургонах.

- Наверное, продукты привезли, – говорит Клара. Мы с ней стоим так близко, что я вижу каждую бледную ресницу. Рот Клары приоткрыт. Когда она говорит, запотевает стекло. – Мы же бог знает где! Наверняка еду и все остальное сюда откуда-то привозят. Ты раньше такого не видел?

Я качаю головой:

- Это в первый раз.
- Как думаешь, это надолго?
- Грузовик большой. Пока разгрузят, пройдет какое-то время.

- Тогда мы тут застряли, пока машина не уедет и все не разойдутся по комнатам.

- Или никто никуда не разойдется, и тогда мы по уши в дерьме.

- Будем решать проблемы по мере их поступления. – Клара заметно дрожит. – Холодно-то как! – Отпускает занавеску, идет к кровати и залезает под одеяло.

И то правда. Теперь, когда мы никуда не бежим, мне тоже холодно. Но на незанятых кроватях одеял нет. Несколько секунд я молча стою, не зная, что делать.

- Залезай давай, – шепчет Клара и смотрит на меня, словно ждет, когда я решусь. – Ну же!

Хорошо, что в комнате темно, и Клара не видит моего лица, когда я забираюсь к ней и пытаюсь устроиться на узком матрасе. Зуб даю, я покраснел, как вареный рак. Руки и ноги кажутся слишком длинными, во рту пересохло. Секунду назад мне было холодно, но теперь кожа просто горит. Клара

сдвигается, чтобы освободить мне место. Мы лежим бок о бок и пялимся в потолок. Рыжие волосы не умещаются на половине маленькой подушки и щекочут мне лицо, но они мягкие и кажутся теплыми.

- Так-то лучше, - говорит Клара, а потом поворачивается ко мне лицом. – Ведь лучше?

- Ага, - отзываюсь я и громко сглатываю.

Я еще никогда не лежал в постели с девушкой. По жилам вихрем гуляет смесь беспокойства и волнения, с которыми я никак не могу справиться. Как можно тише делаю глубокий вдох. Так реагировать – это же идиотизм. Мой правый бок прижат к левому боку Клары. Щиколоткой я чувствую пальцы ее ноги. Даже сквозь пижаму ее кожа кажется невероятно теплой. И тут до меня доходит, что уже несколько недель я вообще ни к кому так близко не подходил. Я чувствую едва уловимые движения, когда Клара делает вдох или выдох. Дышит она медленно и спокойно, а я с трудом выдавливаю из легких воздух.

- Когда я была маленькой, - говорит она все так же шепотом, поворачивается ко мне, и наши головы соприкасаются, - лет приблизительно до десяти или одиннадцати, мне хотелось учиться в каком-нибудь интернате. Ну, знаешь, которые только для девочек. Я запоем читала дурацкие детские книжки про такие школы. Там у героев вечно былиочные игрища, они нарушали правила, заводили друзей и подруг на всю жизнь. И вот я здесь. Не совсем то, на что я надеялась, но все-таки. Забавно, да?

Она снова смотрит в потолок, и моя неуверенность в себе слегка ослабевает.

- Ну, - начинаю я, - таких друзей, как здесь, ты вряд ли смогла бы завести где-нибудь в другом месте. Эти точно будут на всю жизнь. Гарантирую.

Голос у меня самый беззаботный на свете, и Клара тихонько хихикает. На несколько секунд я словно становлюсь старым Тоби – главным шутником в классе. Хотя юмора чернее не придумаешь.

- Наверное, ты прав, - соглашается Клара. – Хотя думать об этом жутковато.

Я намеренно меняю тему:

- Знаешь, я удивлен, что ты не училась в каком-то шикарном интернате. Сыпал, твой отец чиновник.

- Ну что ты! Моя школа была очень даже шикарной. – Она играет с локоном. Вытягивает его вверх. Волосы такие длинные, что бледная рука полностью выпрямляется. – Одна из лучших, само собой. Но я там не жила. Нельзя контролировать того, кого нет рядом, а я должна была быть идеальной дочерью. Если бы родители позволили мне там остаться, у меня было бы слишком много времени, чтобы быть самой собой. – Клара улыбается. – Но теперь-то они, наверное, места себе не находят. Я у черта на куличках, да еще и дефективная. Бедный папа! Видел бы ты его лицо, когда за мной приехали. Но оно того стоило. Почти. Мне кажется, он уже тогда думал, как бы все это сохранить в тайне. Скорее всего он всем сказал, что я погибла в какой-нибудь ужасной катастрофе. А потом и сам в это поверил.

Мы оба молчим. Я ведь успел навыдумать, что у нее была сказочная жизнь.

- Похоже, он у тебя тот еще козлина, - говорю я

наконец.

- Он политик, а они все такие, разве нет? – Клара вздыхает. – Но раньше, когда мне было лет пять, он был замечательным папой. И мама была замечательной. Просто они слишком много для меня хотели.

Я смотрю на нее, и на пару секунд ее задумчивое лицо становится серьезным, но складка между бровей быстро исчезает, и Клара вдруг спрашивает:

- А ты в какую школу ходил?

- В самую обыкновенную. – В мыслях призраками встают Джонси, Билли и Джули Маккендрек. – Нормальная была школа. Скучная.

Не хочу об этом думать. Не хочу вспоминать, как долгими жаркими днями гонял в футбол или просто слонялся по улице. Сейчас вокруг – холодная ночь. И пусть рядом лежит Клара, а у меня в животе творится черт знает что и я ничего не могу с этим поделать, я бы все отдал, только бы вернуться в прежнюю жизнь. Если бы я мог вернуться домой целым и невредимым и снова стать здоровым, то оставил бы всех умирать и ушел, ни разу не оглянувшись. А через несколько дней забыл бы даже имена.

«Говорят, кровь прямо из глаз брызжет».

«Здесь какая-то ошибка».

Нам все еще слышно, как гудит двигатель и как по гравию ходят чьи-то ноги.

- Наверное, грузовик сюда переправили на лодке, как и нас. Была бы дорога, мы бы ехали по ней. Луис считает, что мы на острове. Наверное, он прав.

- Надо как-нибудь ночью хорошенько все

осмотреть. Перелезть через стену.

Моя очередь вертеть головой.

- Ага, конечно.

- Я серьезно. – Клара смотрит на меня сияющими глазами. – Что тут такого? Никто ведь не узнает.

- Ты уже забыла, как Джейк рассказывал про двух мальчишек, которые пытались сбежать?

- Не забыла, но ведь мы и не собираемся убегать. Немножко погуляем и вернемся. И никто нас не поймает.

Наши лица так близко, что мы почти касаемся носами. В животе опять что-то переворачивается и падает ниже. Я в курсе, что сейчас происходит у меня в штанах, и усилием воли пытаюсь это прекратить. Клара – обычная девочка. И близко не такая классная, как Джули Маккендрек. Два часа назад она мне даже не нравилась. Я и сейчас не уверен, что в этом смысле хоть что-то изменилось. Она как существо со дна неподвижного океана. Ходит в воде и поднимает ил, из-за которого ничего не видно. Жизнь в доме была четкой и ясной, пока она не приехала. А теперь все меняется.

- Надо пойти завтра же ночью. – Клара смотрит в потолок, как будто пытается принять решение. – Все равно более подходящего времени не будет. Надо жить сегодняшним днем и все такое.

- Ты точно спятила, - ворчу я.

Какое-то время мы лежим молча. Наверное, мы оба задремали, потому что, когда я открываю глаза, грузовика уже нет, а по небу разлился сероватый свет. В доме тихо. Будить Клару не хочется, поэтому осторожно выбираюсь из постели, но в последний момент поворачиваюсь и поправляю на

Кларе одеяло, чтобы не замерзла. Она сонно улыбается с закрытыми глазами, утыкается носом поглубже в подушку и вдруг тихо бормочет:

- Я же говорила.
- Что говорила? – шепчу я.
- Вместе веселее.

Я ухожу и возвращаюсь в свою спальню. Если медсестры с Хозяйкой до сих пор не спят, то ничем себя не выдают. В коридорах пусто, запертый от всего мира дом снова безмятежно спит. Снимаю носки и залезаю под одеяло. Постель холодная и кажется какой-то незнакомой. Я снова и снова думаю, что Клара действительно спятила. Лезть через стену – чистое безумие. Но сердце бьется, как сумасшедшее, и уснуть не получается.

По ночам Клара не спала с самого приезда, но сегодня за завтраком у меня впервые такое ощущение, будто у нас один секрет на двоих. Я уже совсем не злюсь на нее за то, что она крадет нечто исключительно мое. Пока обитатели спален занимают места в столовой, мы с ней даже не переглядываемся. Зато у буфета с едой Клара и Том обмениваются шутками и смеются. Он возвращается за стол слегка покрасневший и весьма довольный собой. Черт знает почему, но от этого и я чувствую себя довольным.

- Кто хочет молока? – спрашивает Том.
- Если сам не хочешь, зачем тогда взял? – интересуется в ответ Луис.
- Он окучивает Клару, - хихикает Уилл.
- Ничего подобного, - огрызается Том. – Просто передумал.
- Ага, как же.

Лицо Тома покрывается красными пятнами. Вид такой, словно у него поднялась температура. К разговору я даже не прислушиваюсь. Уилл уже озвучил все, что я и сам думаю.

- Народ, посмотрите на Джо, - говорит Луис, кивая в сторону стола седьмой спальни.

Я поднимаю голову, Том обворачивается. Трое сидят на одном конце стола, Джо – на другом, в полном одиночестве. Троица спокойно болтает, словно он пустое место. Посередине сидит Джейк. Слева от него – Дэниел, который так и светится от того, что внезапно сблизился с лидером. Справа – чернокожий пацан Элби, который большую часть свободного времени играет джаз на саксофоне в музыкальной комнате. Если каким-то чудом медсестры до сих пор не заметили, что Джо болен, то теперь это очевидно для всех.

Он сидит, ссутулившись, и вяло засовывает ложкой в рот хлопья из тарелки. С каждым глотком вздрагивает, как от боли. Нос забит, и приходится дышать через рот. Перед нами словно повторяется история с Эллори, вот только никто даже не пытается прикрыть Джо.

- Готовь резиновые перчатки, Тоби. – Луис вгрызается в тост. – Тебя ждет гора посуды.

Рядом со мной по полу скрипят ножки стула. Эшли отодвигается от стола и встает. Сначала я думаю, что он хочет взять еще один тост, но он, поджав губы, подхватывает тарелку и чашку с чаем.

- Закончил? – спрашиваю я.

Эшли не отвечает. Выпрямившись, словно проглотил кочергу, он идет к столу седьмой спальни. Болтовня стихает, все пялятся на него, но он ни на кого не обращает внимания и садится прямо

напротив Джо.

- Ну почему он не может быть нормальным, как все? – притворно хнычет Уилл. – Из-за него нам всем от Джейка перепадет. Зачем ему это надо?

- И почему за завтраком? – ворчу я, чувствуя, как портится настроение. – Сдалось мне это дермо прямо с утра.

Слегка расправив плечи, Джо благодарно улыбается Эшли. Я смотрю на остальных и вижу, как внимательно глазеют на Джейка Дэниел и Элби. Их глаза сияют. Они ждут, когда Джейк отреагирует. В доме выживает сильнейший. В буквальном смысле. Здесь нет места сочувствию в адрес тех, кто слабее. От близнецов из седьмой спальни удача уже отвернулась. Джейк заметно стискивает зубы и уже явно собирается встать, как вдруг появляется Гарриет и садится на последний свободный стул. Эшли с Джо – по обе стороны от нее. Она притащила несколько тостов и, улыбаясь обоим мальчишкам, ставит тарелку прямо посередине.

Джейк оглядывается на Клару и Элеонору, которые как ни в чем не бывало продолжают завтракать. Все ждут, что будет дальше. У меня учащается пульс. Здесь так не принято. С того самого дня, как у всех на глазах расплакался Генри, умоляя не забирать его в лазарет. О таком лучше навсегда забыть. Если бы дело было только в Эшли, Джейк наверняка что-нибудь бы сказал, и я даже не попытался бы с ним спорить. Но за стол пришла и Гарриет. А это уже совсем другое дело. Тем более с тех пор, как здесь появилась Клара. Через несколько секунд Джейк продолжает есть, не обращая внимания на двух лишних людей за

столом. У меня возникает ощущение, что вся столовая вздохнула с облегчением.

- Почему он ничего не делает? – хмурится Луис.

- Не один Том помешался на новой девочке, – говорю я.

Том одаривает меня злым взглядом, Уилл тихонько хихикает. Аппетит пропадает. Снова становится не по себе. Стai менятся. У Эшли теперь свой маленький Божественный Отряд. И пусть вся эта затея обречена на провал, а самого Эшли начнут еще больше недолюбливать, происходящее все равно вызывает рябь на спокойной поверхности. Уже не только Клара поднимает со дна ил. Я хочу, чтобы все оставалось, как прежде. Когда ничего не меняется, не чувствуешь течения времени.

- Черт с ними, – говорю я. – Пусть этот ханжа лучше сидит там, чем с нами. Может, даже переедет в спальню к Джо.

- Вы только представьте! – Лицо Уилла озаряется весельем. – Начнет там бубнить свои молитвы по вечерам!

Иногда я жалею, что вырос из его возраста. Хорошо быть мелким и не понимать, что происходит.

Сегодня холодно. На учителе, который ждет нас в классе, толстый шерстяной джемпер. Вид у этого человека усталый. Может быть, учителям тоже пришлось проснуться посреди ночи, чтобы разгрузить машину. Пока мы занимаем места, Уилл подходит к батарее и кладет что-то сверху.

- Это чтобы подсушить каштаны, – объясняет он, заметив, что все на него смотрят. – Так они

крепче будут.

- А мне ты об этом не говорил, - обижается Луис.
- Забыл. Зато теперь ты знаешь. Чтобы каштаны были крепче, их надо подсушить.

Луис мигом вытаскивает из кармана пару каштанов и кладет на другой конец батареи.

Уилл ухмыляется:

- Все равно тебе меня не победить!
- Занимайте места, ребята, - говорит учитель. – Сегодня отвечаем на вопросы по пройденному материалу.

Он садится за стол и смотрит, как мы достаем из парт тетрадки и учебники, а потом поворачивается к окну. Так он и будет сидеть, пока не решит без всякого энтузиазма пройти по комнате и посмотреть, чем мы занимаемся. Честно говоря, я сомневаюсь, что он настоящий учитель. Настоящий наверняка бы попытался нас хоть чему-то научить. Мы рассаживаемся, воцаряется тишина. Слышно только поскрипывание ручек по бумаге. Я рассеянно рисую на задней обложке учебника, пока не замечаю, что нарисовал морские волны. Неужели мы действительно решимся? А вдруг нас поймают? Может быть, до конца дня Клара успеет передумать. Я даже не знаю, хочу этого или нет.

- Продолжай работать, пожалуйста. – Учитель смотрит на меня.

- Извините. – Я опускаю голову и изучаю абзац с вопросами под ним. В «Повелителе мух» у Хрюши не самый удачный день.

Через час учитель отлипает от стула и начинает ходить по классу. Когда он нависает надо мной, я чувствую запах сигарет вперемешку с бальзамом

после бритья. Учитель старый. Ну уж точно старше, чем когда-нибудь стану я. Короткая бородка почти седая и редкая – сквозь нее виднеется кожа. Ему однозначно больше сорока. Он кивает и идет дальше. По одному только виду ясно: он понимает, насколько все это бессмысленно.

- Ты теперь всегда будешь сидеть в столовой с Джо? – спрашивает у Эшли Луис.

Первые два часа прошли. Учителя переходят из класса в класс, а у нас – никому не нужная десятиминутная перемена.

- Зачем тебе это? Он ведь болен.

Эшли даже не поднимает глаз:

- Я больше не стануходить на другую сторону дороги⁴.

Даже его манера говорить меня раздражает. И голос у него противный и гнусавый.

Уилл пришибленно смотрит на меня:

- Что это вообще значит?

- Библейская ерунда, – отвечает Луис. – Это он так умничает.

- Никто не должен бояться в одиночестве, – заявляет Эшли, открывая учебник по математике.

Меня так и подмывает хорошенъко ему врезать за тупость. Со страхом все остаются один на один. Если бы не соревнование, ей-богу, я бы хотел, чтобы Эшли был следующим.

После обеда ложусь спать. Приятно следовать привычному распорядку и не путаться с остальными. О Кларе и предстоящей ночи я не думаю. Вообще стараюсь ни о чем не думать, кроме усталости, иправляюсь на ура – сплю до самого

---

⁴ Отсылка к «Притче о добром самаритянине».

ужина. Потом иду отмокать в ванне. Утром я был в душе, но если запереться в ванной, то не придется идти в комнату отдыха, думать о дурацкой церкви и с зачарованным ужасом наблюдать, как сдает Джо. Лежу в воде, пока она не становится прохладной. Вылезаю и тщательно осматриваю себя в поисках каких-нибудь изменений. За месяц я запомнил на себе все родинки. Ощупываю подмышки, но никаких уплотнений нет. Дальше – пятки, лимфоузлы на шее. Все вроде бы в порядке. По крайней мере пока.

Когда я возвращаюсь в спальню, там сидят Луис, Уилл и Элеонора. Привязывают веревки к каштанам. Том валяется на кровати и делает вид, что ужасно занят книжкой-пазлом.

- Какого черта вы все здесь? – Я в одном полотенце. Никак не ожидал кого-то здесь увидеть. Тем более одну из девочек.

- Не можем попасть в комнату отдыха, – отвечает Луис, сосредоточенно пытаясь проделать отверстие в каштане.

Я пристально смотрю на Элеонору. Та вскакивает, опустив голову, и собирает вещи, но оставляет потрепанную книжку.

- Если хочешь, можешь почитать, Уилл. Я уже закончила. Очень интересно.

Тот широко улыбается:

- Круто, спасибо. Спокойной ночи.

Она бегом выметается из спальни, и я успокаиваюсь, когда за ней закрывается дверь.

- Если Эшли и Гарриет теперь сидят за столом седьмой спальни, может, Элеонора сядет с нами? И Клара тоже. – Уилл смотрит на меня полными надежды глазами.

Я отвечаю злым взглядом:

- Через день-другой Джо заберут, и Эшли вернется.

- Повезло нам, - говорит Луис, продевая шерстяную нитку в ушко здоровенной иглы.

В комнате отдыха я не видел ни ниток, ни иголок. Где они их раздобыли? У Хозяйки? Неужели забыли, почему мы все здесь торчим?

- Да я просто так сказал, - бормочет Уилл.

- И сморозил чушь. - Я надеваю пижамные штаны. Одеваться в повседневную одежду при всех – несусветная глупость. Вот когда все уснут...

От волнения покалывает в животе, и на пару секунд сгусток ужаса рассасывается. Меня это немножко пугает. Темный сгусток – якорь, который тащит меня на дно. С ним нужно подружиться, принять его. Хотеть чего-то большего нет смысла.

- Почему вы не смогли попасть в комнату отдыха? – спрашиваю я.

- Из-за Джейка, - отвечает Луис, как будто я сразу все пойму. – Он даже Тома прогнал.

- Тома – в первую очередь, - уточняет Уилл и берет в руки каштаны. – Я готов. Скажешь, когда закончишь.

- И почему? Потому что Эшли сидел за их столом? – За это Джейк нам еще отомстит, это уж наверняка.

- Нет. Он всех выгнал. Некоторые пошли играть в музыкальную комнату, а мы решили прийти сюда.

- Он там с Кларой, - наконец встревает Том. – Смотрят какую-то комедию. – Он не отводит взгляда от книжки, но и так заметно, что он в бешенстве. – Джейк хотел остаться с ней наедине.

- Не знал, что он ей нравится, - спокойно

говорю я и тщательно вытираю ноги. Не хочу, чтобы все заметили, как я краснею.

Джейк и Клара вместе смотрят фильм. Это что-то типа свидания? Как по мне, иначе и не назовешь. Понятия не имею, что я чувствую, но точно что-то странное.

- А еще они посуду вместе мыли, - добавляет Уилл. – Вернулись все в пене и много смеялись. – По его каштану бьет каштан Луиса, но безрезультатно. Уилл улыбается: - Мне Клара нравится. С ней не так скучно, как раньше.

На это мне ответить нечего.

- Я думал, посуду моют спальнями, - говорит Том. – Как это она оказалась в паре с Джейком?

Мне хочется пойти к расписанию и посмотреть, кого Джейку пришлось запугать, чтобы поменяться сменами. Ложусь в постель и рассеянно слушаю, как болтают и смеются Уилл и Луис. Каштаны отскакивают друг от друга и бьют их по пальцам. Все мои мысли заняты тем, что происходит внизу в комнате отдыха. Может быть, у Джейка с Кларой теперь тоже есть один секрет на двоих? Он ей и правда нравится? Несколько дней подряд я мечтал о том, чтобы она от меня отвязалась, а теперь чувствую себя так, будто меня предали. Глупее некуда. Вспоминаю о Джули Маккендрик и Билли. Неужели так всегда и бывает? И тут возникает мысль, которая затмевает все остальные: а вдруг Клара расскажет Джейку о ночных? Вдруг попросит его не принимать таблетки? Все волнение напрочь исчезает, как только я представляю себе картину: сегодня ночью в кухне нарисуется Джейк и уйдет с Кларой под ручку бродить по дому. Но самое худшее – Джейк об этом наверняка проболтается.

Если она ему расскажет, то все обо всем узнают.

Я закрываю глаза. Может быть, останусь сегодня в спальне. Всегда можно вернуться в плотный пузырь одиночества. Она ведь даже не симпатичная. К черту Клару. К черту Джейка. Пусть хоть до смерти затрахают друг друга в каждом, мать его, углу. Мне плевать.

Глава 8

- Бутерброды не раздави! – шепчет мне Клара, сидя верхом на заборе. – Скорее! – Она перебрасывает ногу и исчезает с другой стороны.

Мы подтащили к стене видавшую виды садовую скамейку. В сырой земле от ножек остались ямки, так что мы точно знаем, куда ее вернуть. Я залезаю на спинку скамейки и хватаюсь за край старой кирпичной кладки. За месяц полного отсутствия всяческих тренировок я, оказывается, капитально обленился. Суставы рук горят, но мне все-таки удается подтянуться достаточно высоко, чтобы задрать на забор ногу. На улице холодно, но я весь вспотел уже к тому моменту, как тяжело спрыгиваю на землю с другой стороны стены. Плечи не просто ноют, а нечеловечески болят. В голове бьется мысль, что мы вот-вот окажемся в луче яркого прожектора, и к нам примчится Хозяйка с визгом «Орел или решка? Орел или решка?!», но ничего не происходит. Вокруг темнота и холодный свежий воздух.

- Ну и куда теперь? – спрашиваю я, глядываясь во тьму.

- Предлагаю идти по дороге. Может быть, она приведет нас к морю. Оно вон там, сама видела.

Вряд ли очень далеко.

Я оглядываюсь на дом. Он спокоен и тих. Выбраться было непросто, но никто явно не потрудился сделать это невозможным. Видимо, Луис был прав. Мы действительно на острове. Что ни капельки меня не удивляет. Если бы болезнь как-то вырвалась на свободу, ей бы не позволили свободно разгуливать среди людей. Так рисковать никто бы не стал.

- Нам не стоит задерживаться. – Я бегом догоняю Клару, которая бесстрашно шагает по скошенной траве к полуночной ленте дороги.

- Пара часов у нас точно есть, паникер. Расслабься и получай удовольствие! – Клара смеется, и я вижу белые зубы. – Разве это не замечательно? Быть свободным?

Мы выходим на гладкий асфальт, и в эту самую минуту облака над головой расходятся, уступая место луне, которая висит в небе непривычно низко и ярким серебристым светом освещает неописуемую красоту дикой природы вокруг нас. Я глотаю холодный воздух, наполняю им легкие до упора и страшно хочу бегать, прыгать и орать, как душевнобольной. Клара права. Это невероятно классно. Пусть только на какое-то время, но я все-таки могу оставить все в прошлом – и дом, и болезнь, и холодный ужас. Сейчас мы просто два человека, которые пустились в ночное приключение.

Несколько минут мы идем в полной тишине. Дом уже едва виднеется позади, как вдруг я что-то слышу. Рокот набегающей на гальку воды. Размеренное дыхание спящего моря. Запах вереска сменяется соленым воздухом, от которого щекочет в носу.

- Смотри! – показывает вперед Клара, останавливаясь. – Вон там. Это же проход?

Она хватает меня за холодную руку, и мы бежим от дороги к белеющей тропинке между разросшихся кустов. Ветер набирает силу. Голос моря становится громче. Мы на краю невысокого утеса. С берега в лунном свете нам подмигивают камешки.

- Твою налево, под ноги смотри, - бормочу я, но Клара уверенно спускается по рваному белесому расколу, который ведет в темноту. – И меня подожди.

- А ты копуша! – доносится снизу звенящий смех, и я улыбаюсь. По-настоящему. Как когда-то.

Я осторожно продвигаюсь вперед. От холодного морского бриза мерзнут уши, но мне хорошо. Хорошо по-настоящему. Мы за стеной, одни, и наш секрет по-прежнему только наш. Что бы ни произошло в комнате отдыха, Джейку Клара ничего не рассказала.

Сгорая от ненависти к самому себе, я все-таки спустился в кухню, абсолютно уверенный, что увижу там их обоих. От злости мои руки крепко сжались в кулаки – я был готов убить Клару и Джейка за то, что они отобрали у меня мое и отдали его всем остальным. Но в кухне была только Клара в спортивном костюме. Она заворачивала бутерброды в пергаментную бумагу и ждала меня. Джейка не было. Не было и предательства.

Стараясь не отставать от Клары, я спускаюсь ниже и уже не вижу нависающую надо мной вершину утеса. Даже думать не хочу ни о Джейке, ни об Уилле, ни о Луисе. Вообще ни о ком. Все они остались в доме с Хозяйкой, медсестрами,

голодным лазаретом и леденящим душу страхом. Странно не чувствовать в животе пылающую черную бездну. Я даже как будто стал меньше весить. Знаю, все это вернется, но сейчас я чувствую себя живым и не хочу нарочно лишать себя этого удовольствия.

Наконец под ногами ощущается галька. На ветру волосы Клары словно живут своей жизнью, разеваясь вокруг лица. Она протягивает мне руку.

Мы снова держимся за руки. Ее ладонь кажется маленькой, но сильной. Мы смеемся и бежим по гальке и песку к белому прибою. Волны непроглядного моря то накатывают, то отступают. Тяжело дыша, мы останавливаемся и смотрим в гипнотизирующую бесконечность воды. Красота природы безгранична. Как и красота самой жизни. Мне даже немножко больно от ощущения подавляющей загадочности бытия, и я чуть крепче сжимаю ладонь Клары, напоминая себе, что здесь и сейчас я жив.

Мы идем по пляжу, но далеко от пути назад не отходим. Клара ворошит песок в поисках сокровищ. И тут я замечаю небольшой проем в скалистой стене:

- Пойдем туда.

Клара роняет ракушку, которой только что любовалась (не сговариваясь, мы оба знаем, что брать с собой обратно в дом ничего нельзя), и идет за мной. Я заглядываю внутрь. Это грот с идеальным сводчатым потолком и полом, устеленным илом, водорослями, песком и плавником.

Как только мы заходим в грот, ветра как не бывало.

- Как здесь красиво! – говорит Клара, и ее голос эхом отдается в непривычной тишине. – Надо принести сюда свечу из церкви Эшли. Или обыскать кладовую в кухне – там наверняка свечей уйма. А еще притащить сюда подушки из комнаты отдыха, одеяла и все такое. Сделаем тут наше тайное ночное логово!

Я смотрю на липнущие к ногам водоросли.

- Не получится. С приливом тут наверняка полно воды. Все смоет в море.

Стены влажные и покрыты морской слизью, но нам удается найти пару больших и почти сухих камней. Мы сидим, едим бутерброды и смотрим на воду.

- Красиво, правда? – с набитым ртом спрашивает Клара.

- Правда.

Она смотрит на меня со счастливой улыбкой. Кусок бутерброда, который я с трудом проглатываю, липнет к глотке. Я говорил вовсе не о пляже и о не море. Длинные густые волосы тугими рыжими локонами обрамляют ее лицо. Ветер успел хорошенько их потрепать, и теперь в темноте они немножко похожи на дреды. Щеки разрумянились, глаза горят. Живые, яркие глаза. Как я раньше не замечал, какая она красивая?

- Ты похожа на русалку, - ни с того ни с сего выдаю я, – которая по ночам выходит на берег посидеть в этой пещере и подумать, каково это – быть человеком. А потом начинается прилив и уносит ее обратно к родному народу на дне моря.

Понятия не имею, откуда взялись эти слова. И почему я не смог вовремя заткнуться? Она же меня на смех поднимет! Но ничего такого не происходит.

Несколько секунд Клара молча смотрит на меня, а потом снова принимается за бутерброд.

- Хорошо сказал, - говорит она, когда с едой покончено, и снова смотрит туда, где усыпанное звездами небо касается нашептывающего тайны моря. – Волшебно. Хотела бы я быть русалкой.

- Нам пора возвращаться.

- Нужно снова сюда наведаться.

- Обязательно.

Мы идем по пляжу обратно к проходу в скалах. На грот я не оглядываюсь. Нет нужды.

Выйдя на дорогу, мы останавливаемся, чтобы стряхнуть песок с одежды и обуви. Ни к чему давать всевидящим медсестрам повод для подозрений. Отряхнув друг другу спины, мы идем к дому. Ночь медленно, но уверенно приближается к рассвету, и мы стараемся запомнить все, чего не видели раньше. Остров явно не большой – максимум километра два в радиусе. Домов не видно. Может, где-то и есть один-другой, но вряд ли. Кто бы стал здесь жить? Тут же делать нечего.

- Смотри, - тихо говорит Клара.

Сначала я ничего не вижу, а потом замечаю полоску света между покрытым травой бугром и вершиной утеса.

- Нам надо возвращаться.

- Всего на минутку! – Она бежит на обрыв, я следом. – Там наверняка причаливают катера. – За обрывом действительно виднеются какой-то дом и широкий причал, врезающийся в берег. – Только посмотри – оттуда дорога ведет прямо наверх. – Подъем здесь более пологий, чем в других местах. От причала до того места, где мы стоим, ведет гладкая утрамбованная грунтовка. – Как думаешь,

в этом доме кто-то живет? Какой-нибудь привратник, например?

Клара так говорит, словно мы живем в каком-то сказочном замке, а не в Доме смерти.

- Может быть. Должен же кто-то указывать путь к берегу, - выдумываю я на ходу. О лодках я ничегошеньки не знаю.

- Надо узнать, когда в следующий раз доставят продукты. – Она уже не улыбается. Глаза задумчиво сощурены. – Мы могли бы сбежать на лодке. Уедем туда, где нас никто не знает, и доживем остаток дней, как захотим.

Я не знаю, что ответить. В голове слишком много мыслей. Но пока над нами висит тень дома, одна все-таки звучит яснее остальных: какие бы планы мы ни строили, для начала надо дожить до следующей доставки продуктов.

- Пойдем, - говорю я и тяну ее за руку, как ребенка.

Не хочу, чтобы нас поймали. Не хочу играть в «Орел или решка» с Кларой.

Спину пригревало солнце, а кожа зудела от высохшей соли. Снова и снова они забегали в море и с криками и воплями выбегали обратно на берег. Вода была такой холодной, что смех так и рвался из груди. Мама даже пару раз выругалась, бросаясь в волны вслед за Тоби, лишь бы поскорее пережить шок, а потом, визжа, высекивала на песок, отчего он смеялся до слез.

Ему было тринадцать. Наверное, в таком возрасте уже не радуются отпуску в компании родителей, но школа осталась в другой эре, а те две недели на море были бесподобными. Долгие дни

на залитом солнцем пляже, поездки в аквапарк, на ярмарки и в цирк, тонны сахарной ваты, мороженого и пакетиков с жареной рыбой и картошкой, бесконечные прогулки по мощеным улочкам с магазинами, в которых полно сувениров и украшений ручной работы, и кафеишками, где подают чай со сгущенкой и слойки с мясом. В домике, который они снимали, были джакузи и целая полка с дисками. Каждый вечер они играли в карты или сидели вместе на диване и смотрели фильмы, пока не засыпали прямо перед телевизором.

Иногда в детстве Тоби хотелось, чтобы у него был брат. Или даже сестра. Они бы играли вместе... Но те дни давно прошли. Он не мог себе представить, чтобы в их семье был кто-то еще. Чтобы папа так же ерошил чьи-то волосы, как ерошил у него на макушке. Чтобы мама еще кому-то улыбалась с такой любовью, что у нее морщился нос. Они были его родителями. И только его. И Тоби был счастлив, что они у него есть. Они любили его, а он любил их. Конечно, со временем он перестанет так явно демонстрировать эту любовь – он уже чувствовал зов «крутости» и желания тусоваться с друзьями, а не с родителями. Но в то лето взросление откладывалось на неопределенное будущее, а побывать с мамой и папой казалось самым настоящим на свете счастьем.

Сегодня был последний день. Папа лежал в шезлонге и читал какой-то старый шпионский триллер, а Тоби с мамой бродили по пляжу, выискивая красивые ракушки, которые потом заберут домой.

- Тоби, смотри! – позвала мама.

Он как раз ходил по отмели, снова и снова радуясь тому, как набегающие волны вымывают из-под ног песок. Смотрел на отблески солнечных лучей на воде и ни о чем не думал, как это бывает, когда вокруг тепло и ни на небе, ни в мыслях не сгущаются тучи.

- Иди сюда! Я кое-что нашла!

В руку Тоби легло что-то черное и кожистое на ощупь. Продолговатая штуковина с четырьмя длинными мягкими зубцами с обеих сторон.

- Что это такое? – спросил он, стирая с гладкой поверхности песок.

- «Русалочий кошелёк». Говорят, русалки иногда забывают их на берегу, когда возвращаются в воду. Вроде как сумочку забыть в гостях. А моряки специально их ищут, на удачу.

- Нет на свете никаких русалок, - саркастично заметил Тоби.

- С чего ты взял?

- Да все об этом знают!

Ему было тринадцать. Поздно верить в сказочное волшебство, Деда Мороза и Зубную фею. Может быть, где-то в глубине души он еще верил в страшного полтергейста, но только по ночам, когда не мог уснуть.

- А что это на самом деле? – спросил он.

У мамы поникли плечи, как будто ветер перестал надувать ее паруса, потому что сын уже вырос.

- Яйцевая капсула. Рыбы откладывают туда икру, а потом появляются мальки, которые могут плавать самостоятельно. Но мне больше нравится версия про русалок.

Несколько секунд Тоби смотрел на то, что лежало в его руке. Мама поднялась на ноги и пошла по берегу.

- Мам! – крикнул он.

- Что?

– А давай положим его туда, где ты нашла. Вдруг русалка вернется и будет искать свой кошелек.

Мамино лицо озарилось улыбкой, от которой она выглядела, как подросток, а не женщина в преклонном возрасте за тридцать. И Тоби был счастлив. У него самая лучшая мама на свете, и если она хочет, он поверит в какое угодно волшебство.

- Предлагаю взять папу и съесть по мороженому. Я еще точно не все попробовала, - предложила мама, закапывая «русалочий кошелёк» во влажный песок. – Это же наш последний день. Можем наедаться до отвала! Идет?

- Идет.

Идеальный финал идеального отпуска.

Глава 9

Следующей ночью мы опять перебираемся через стену. Вернувшись, ставим на место скамейку и уже собираемся залезть в дом через кухонное окно, как вдруг находим птицу. Она лежит у больших черных урн для мусора сбоку от запертых ворот. Под странным углом к телу вытянуто крыло, в основании которого зияет рана. Но птица все еще дышит, тельце под перьями теплое. Клара берет ее в руки, и несколько секунд мы молча стоим, не зная, что дальше делать. В

конце концов я снимаю толстовку. Очень осторожно мы заворачиваем в нее птицу.

- Давай ее где-нибудь спрячем. Только быстро.

В кухне мы, даже не сговариваясь, действуем слаженно. Клара находит старую коробку от каких-то продуктов, из которой получится что-то вроде гнезда. Я кладу на блюдце кусок хлеба, смоченного в молоке, и беру еще одно для воды.

В доме по-прежнему тихо и спокойно. Мы крадемся по коридорам и наконец находим пустую комнату. Она далеко от других. К стене придвигнут одинокий, всеми забытый шкаф, на дне которого мы устраиваем для птицы дом. Перед тем как положить ее в коробку, Клара тщательно и очень осторожно промывает рану.

- Это птенец, - говорит она, поднося кусочек влажного хлеба к клюву птицы. – Бедняжечка.

- Наверное, он сейчас не в себе. Может быть, успокоится, когда пройдет немного времени. По крайней мере тут ему будет тепло.

- Не волнуйся, птенчик, - ласково воркует Клара. – Мы поможем тебе поправиться, и ты снова найдешь маму. – Несколько секунд она молчит. – Надеюсь, она лучше, чем наши. – Потом смотрит на меня и явно замечает, что я в замешательстве. – Гарриет говорит, твоя мама была та еще стерва.

Я пожимаю плечами. Не хочу поднимать эту тему. К тому же совсем забыл, что люди помнят, о чем здесь говорили в первые дни. И все-таки Клара разговаривала обо мне с Гарриет. От этого внутри разливается приятное тепло.

- Как мы его назовем? – спрашивает Клара, когда мы с неохотой закрываем дверь шкафа и встаем на ноги.

- Сама выбирай. А вдруг это не он, а она?

- Тогда Джорджи, - решает Клара. – Подойдет в обоих случаях. Нам надо по очереди присматривать за ним днем. У меня опять смена на посуде, так что заглянешь к нему утром, хорошо?

Я уже почти забыл о Джейке и их совместном мытье посуды. Чувствую укол ревности, но напоминаю себе, что Джейк ничего не знает ни о лодке, ни о птице, ни о пещере.

- Не вопрос.

- Вот и славненько. Тогда увидимся завтра ночью! – Она улыбается и вдруг обнимает меня за шею. Потом целует прямо в губы, отворачивается и убегает к себе в спальню.

Я застываю. Даже не дышу. Похоже, я в таком же шоке, как и птица, завернутая в мою толстовку. В губах покалывает. В голове стучит. Она меня поцеловала!

Уже залезая под одеяло, я целиком и полностью убежден, что вел себя как дурак, а поцелуй ничего не значил. Это ведь был не настоящий поцелуй взасос, а обычный дружеский чмок. И все-таки она меня поцеловала. Этого достаточно, чтобы страх отступил хоть на какое-то время. Не успеваю я закрыть глаза, как в предрассветной тишине слышится сухой кашель Джо.

Глава 10

- Какого черта они там делают? – спрашиваю я.

За последние несколько дней заметно похолодало, поэтому, чтобы выйти на улицу, я оделся потеплее. И все равно каждый раз, когда

ковыряюсь в земле, из носа течет. Не помню, чтобы хоть когда-то было так холодно. Ужасно хочется вернуться в дом и завалиться спать до ужина. Мне удалось найти трех дождевых червей, которых я завернул в кусок туалетной бумаги и положил в карман куртки, чтобы потом отнести к Джорджи. Надеюсь, не успею их раздавить.

- Проводят обряд крещения, - отвечает Луис.

- Они теперь постоянно в церкви торчат. Обсуждают библейские сказания и все такое. – Уилл подпрыгивает, чтобы не замерзнуть. – Ты в последнее время ничего не замечаешь.

Ответить мне нечем. Уилл прав. Я и раньше не особенно обращал внимание на окружающих, но теперь все иначе. Даже когда не сплю, я думаю о Кларе, птице и о том, что принесет следующая ночь. Все остальное кажется ненастоящим. И мне это нравится. Я словно отделился от дома. Взять хотя бы текущий момент – прямо сейчас я думаю о птице.

- Сомневаюсь, что от поливания башки водой на таком холоде Джо полегчает.

- Суть крещения не в том, чтобы ему полегчало, - возражает Луис. – В процессе обряда его представляют богу. Ну или что-то в этом роде.

- Как-то их многовато стало.

У качелей стоят Эшли, Джо, Гарриет и пара мальчишек из другой спальни – лица помню, но точно ни разу с ними не разговаривал.

- Очнись уже, Тоби, - говорит Уилл. – У Эшли теперь своя банда.

- Да какая там банда? Кучка жалких уродов.

Джо сидит на качелях. Остальные, опустив головы, слушают тихое бормотание Эшли. Слов не

разобрать, но лицо у него серьезное, глаза закрыты. От температуры Джо весь в красных пятнах. Солнца нет, но жирные волосы блестят от пота.

Эшли начинает говорить громче и поливает запрокинутую голову Джо из бутылки:

- Крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого духа.

На Джо трижды льется вода. Собравшиеся обмениваются улыбками, как будто только что произошло какое-то долбаное чудо, от которого пропадет болячка. Джо встает, его место занимает Гарриет. Не думал, что можно скучожиться еще больше, но Джо, который всегда был тощим, теперь совсем как швабра, на которой мешком висят шмотки.

- И почему его до сих пор не забрали в лазарет? – ворчу я.

Кажется, Джо уже сто лет болеет. А я не хочу замечать реальность. Не хочу видеть дом. Не хочу думать о будущем. После поцелуя мне все это не нужно.

- Так ведь сразу ясно, - говорит Том, появление которого я не заметил. – Чем бы он ни болел, это не оно.

Мы втроем как один поворачиваемся к нему. Даже Луис, у которого необъятный мозг, об этом не подумал.

Том пожимает плечами:

- По-моему, это нормально. Джо скорбит по брату, вот и заболел. Когда умерла мама, я подхватил дичайший грипп. Две недели из постели не вылезал. – Его передергивает. Том отворачивается. – Я возвращаюсь в дом. Элби учит Джейка играть на гитаре. Обещал научить меня

стучать по барабанам.

- Ты же в курсе, что ударнику телочки не светят? – не успев подумать, ляпаю я.

Не знаю, слышал он меня или нет, но на слова никак реагирует.

- Ты знал, что у Тома умер брат? – спрашивает Луис.

- Маму его жуть как жалко, - грустно добавляет Уилл.

- Да кому какое дело? – Слова звучат резче, чем мне бы хотелось.

Зачем Тому нам об этом рассказывать? Я не хочу знать ничего такого. Не хочу его жалеть. Не хочу жалеть Джо. Вообще не хочу о них думать.

Отнести червей наверх не получается. После безумного спектакля Эшли в саду мы с онемевшими пальцами на ногах и руках возвращаемся в дом. Но, как только оказываемся внутри, звенит звонок, и нам всем приходится возвращаться в спальни, где уже ждут медсестры. Причем ждут и преподобного Эшли с его богом, которого он везде за собой таскает, как какой-то щит, способный уберечь его от всех проблем.

- Сегодня мы берем кровь на анализ, - говорит медсестра, щелкая по запястьям резиновыми перчатками, и готовит первый шприц, пока мы в ужасе рассаживаемся по кроватям.

Зачем опять проверять нашу кровь? Здесь все дефективные, и все об этом знают. Или мы для них как лабораторные крысы? Может быть, они изучают нас, чтобы разобраться в болезни?

Смотрю на медсестру, и сердце бешено колотится. Она моложе тех, что я видел раньше.

Наверное, ей под тридцать. Из-под форменного чепчика выбиваются густые рыжие пряди.

- Нам нужно знать, как у вас дела, - говорит она, словно прочитав мои мысли, и втыкает иглу в Эшли.

Уилл бледнеет и жмурился. Рядом сидит Луис, держит его за руку. Никак не могу вспомнить, есть ли у них братья или сестры, но здесь и сейчас они точно братья.

- Дел у нас маловато будет, - говорю я, надеясь хоть чуть-чуть разрядить обстановку. Не хочу, чтобы Уиллу было страшно. И сам бояться не хочу. – А нам поставят зачет, если наши гены окажутся дерзкее, чем у других? – Я улыбаюсь, когда медсестра подходит ко мне. Широко улыбаюсь, до ушей, но она даже не смотрит. – Или дадут медальку на грудь? Ну хоть «пятерку» по дефективности нарисуют? – Подмигиваю Луису и Уиллу.

Оба выжимают подобие улыбки. Ну что ж, на двоих одна как раз получится.

- Постарайся не дергаться, - только и говорит медсестра, завязывая у меня на руке жгут. В вену входит игла.

Я смотрю, как тонкая трубка наполняется густой и красной кровью. Абсолютно нормальной на вид. Такую я видел во время всех предыдущих анализов и когда возвращался домой с царапинами и ссадинами. Даже не помню, чтобы когда-нибудь так пристально ее разглядывал. Сдавая кровь на анализ в последний раз, я думал только о том, что мне выпал шанс целый вечер провести с Джули Маккендрик. Может быть, если бы моя фамилия начиналась на другую букву, я бы успел

сходить на эту вечеринку. Успел бы нормально прожить еще несколько дней.

- Ненавижу иголки, - шепчет Уилл. – Думал, мне больше не придется их терпеть.

- Я пойду следующим, - говорит Том, - ты за мной, а потом Луис, идет?

Уилл кивает. У меня побаливает сердце. Когда медсестра заканчивает с Томом, у Уилла учащается дыхание. Том берет книгу, которую оставила Элеонора, и открывает там, где загнут уголок страницы.

- Хочешь, я тебе почитаю? – спрашивает он Уилла.

- Да ну! – отмахивается тот. – Тебе это все глупостями покажется. Книжка же детская.

- А я бы послушал, - вмешивается Луис.

- И я, - поддакивает Эшли,

На мгновение я проникаюсь к нему симпатией и вдруг слышу собственный голос:

- Почитай немного, Том.

Сколько бы я ни притворялся, что это не так, мы теперь семья. Мы – четвертая спальня. И стоим друг за друга горой.

- Ну лады. Поехали. – Том делает глубокий вдох и начинает читать: - «”Ну и огромный шкафище! – подумала Люси, раздвигая пушистые шубы и пробираясь все дальше и дальше. Тут под ногой у нее что-то хрустнуло. – Интересно, что это такое? – подумала она. – Еще один нафталиновый шарик?” Люси нагнулась и принялась шарить рукой. Но вместо гладкого-гладкого деревянного пола рука ее коснулась чего-то мягкого, рассыпающегося и очень-очень холодного. – Как странно, – сказала она

и сделала еще два шага вперед»⁵. А кто такая Люси? – спрашивает Том, глядя на Уилла.

Медсестра уже приготовилась колоть и ждет, когда Уилл отвлечется и посмотрит на Тома.

- Девочка. Ее с сестрой и братьями послали в большой дом в деревне из-за войны. – Он вздрагивает, и я вижу, как Луис крепче сжимает его ладонь.

- Прямо как нас, - говорю я.

Уилл кивает. Нижняя губа дрожит, но медсестра справляется быстро – за считанные секунды вынимает иглу, подписывает колбу и ставит на подставку вместе с остальными.

- Люси из них самая младшая, - говорит Уилл, шмыгая носом.

Том отдает ему книгу, и Уилл смотрит на обложку, пока у Луиса берут кровь, но сам все еще дрожит. А я думаю о том, как легко мне в школе давались анализы каждые полгода. Совсем не так, как Уиллу. Пять месяцев свободы, и всего месяц на выращивание страха.

Медсестра собирает свои инструменты и идет к двери, но там оборачивается и тихо говорит:

- Интересная книга. Когда я была маленькой, мне читала ее прабабушка.

Она выходит, а мы все смотрим ей вслед с отвисшими челюстями. Медсестры с нами не разговаривают. Никогда.

- Кажется, ему лучше, - говорит Клара.

Джорджи доедает последнего слегка раздавленного червя из тех, что я нашел сегодня днем. Этой ночью через стену мы не полезли.

---

⁵ Пер. Г.А. Островской.

Остров в коконе густого холодного тумана. Наверное, было бы весело побродить в этой пелене, но мы решили посидеть с птицей. Коробка стоит на одной ноге Клары и на одной моей. Сами мы укутаны в одеяла, которые притащили из спален, чтобы не замерзнуть.

- Боюсь, больше у нас нет, - говорит Клара и смотрит на меня, когда маленький клюв открывается, и птица тихонько щебечет. - Черви ему точно нравятся больше, чем хлеб.

Я гляжу пальцем теплую птичью макушку. Перья мягкие и пушистые. Джорджи уже не дергается и не дрожит, как тогда, когда мы посадили его в коробку. Он по-прежнему сидит в моей толстовке, но уже ни капельки нас не боится. Темные глаза мечутся от меня к Кларе и обратно. Наконец Джорджи понимает, что еды больше нет, и закапывается поглубже в теплое «гнездо». Мы еще раз промыли ему крыло подогретой водой с мылом, потому что из раны сочилось что-то похожее на гной. Наверное, Джорджи становится ручным. По крайней мере с нами. Вид у него довольный, плюс он не отказывается от еды, так что скорее всего Клара права. Может быть, он действительно идет на поправку. От этой мысли на душе теплеет, а в толстой защитной стене, которую я тщательно выстраивал со дня приезда в дом, появляется еще одна трещина. Я снова становлюсь самим собой. А это плохо. С этим нужно бороться. Но здесь и сейчас, в ночной темноте рядом с Кларой, у меня нет на это сил.

- Жаль, что мы не можем попросить у медсестер какую-нибудь мазь для раны, - вздыхает Клара.

Мы обшарили весь в дом в поисках аптечки, но

ничего не нашли. Только несколько синих пластырей в кухне.

- Сама знаешь, нельзя. - Я снова гляжу пушистую макушку.

- У тебя когда-нибудь были домашние животные? – спрашивает Клара.

- Нет.

Под спины мы положили подушки, чтобы было удобнее сидеть, но я все равно ощущаю исходящий от стены холод. Подтягиваю одеяла повыше, и Клара льнет ко мне в поисках тепла.

- У мамы была аллергия на шерсть, - добавляю я. – А у тебя?

- Боже упаси! Животное? Беспорядки? Прямо в доме? – Ее голос звучит пискляво и истерично. Видимо, Клара подражает матери. – Нет, это совершенно невозможно. Следы от грязных лап, шерсть повсюду... – Вдруг она начинает смеяться. – Я бы еще могла понять, если бы мама сама прибиралась в доме.

Я слушаю, и мне очень хочется иметь хоть одну причину ненавидеть маму. Так было бы намного легче. Каждый день, проведенный в доме, я снова и снова думаю о том, что не успел ей сказать. И уже не успею.

- Зато теперь у нас есть питомец, - говорю я, и Джорджи, словно соглашаясь, чуть-чуть расправляет здоровое крыло.

- Я не хочу, чтобы он был питомцем. Хочу, чтобы он выздоровел и улетел. Надо лучше о нем заботиться. Мы сумеем его вылечить.

Слова Клары заставляют меня снова вспомнить о медсестре.

- Я все думаю, почему медсестра с нами

заговорила.

До сегодняшнего дня все они были просто медсестрами. А теперь одна из них стала живым, настоящим человеком. После того как она ушла, Уилл читал, пока не выключили свет. Время от времени Луис с любопытством заглядывал ему через плечо. Наверное, гений успевал прочитать страницы за считанные секунды. Со стороны казалось, что проходит целая вечность, пока Уилл, переворачивая очередную страницу, снова не зашуршит бумагой. Книга вовсе не большая, но подозреваю, что столько Уилл вообще никогда не читал. И сейчас он читает не только потому, что книга понравилась Элеоноре, но и из-за слов медсестры. Книга превратилась в связующую ниточку с тем моментом, когда она с нами заговорила. Кто бы мог подумать, что несколько слов от взрослого человека могут так много изменить?

- Думаю, ей нас жалко, - тихо говорит Клара. Кажется, она впервые за все время серьезно относится к тому, что происходит. – Наверное, для них тоже все это странно. Интересно, как их отбирают?

- Мне всегда казалось, что все они тренированные психопатки. Ну типа без намека на чувства.

Клара хихикает:

- Может быть, Хозяйка и правда такая. Ну и еще те, что в лазарете. Как думаешь, они когда-нибудь собираются вместе? В смысле медсестры и учителя. Если и да, то вечеринки, наверное, смахивают на ролевые игры, – снова смеется она. – На тему «Ты оденешься, как я, а я – как ты».

Дальше они меняются одеждой, и начинается оргия.

Мне вдруг становится жарко и неуютно. Клара девочка. А девочки не должны о таком говорить. То есть о том, что можно увидеть в интернете. От одной только мысли, как Клара сморит порнуху, меня передергивает.

- Ты мне ее покажешь?

- Кого?

- Медсестру, дурачок.

- А-а, ну да. Покажу. – И как я это сделаю? Днем мы с Кларой даже не здороваемся. – Если увижу. Ты же целыми днями торчишь с Джейком. – Ну кто меня за язык тянул? Хотя неудивительно. В мыслях все еще стоит картинка, как Клара смотрит порно, и у меня буквально плавятся мозги. Девочки не думают о сексе. По крайней мере не так, как мальчики.

- А ты постоянно спишь. Нет, правда, тебе надо меньше спать. Наверняка нам что-то подсыпают в еду и напитки, чтобы поддерживать спокойную обстановку, но это же не повод целый день дрыхнуть. Ты хуже любого торчка.

Понятия не имею, как она после бессонных ночей не спит днем. У нее ведь на сон остается часа три в сутки.

- В любом случае, - продолжает Клара, - так даже лучше.

- Почему?

- Не хочу, чтобы кто-нибудь что-нибудь заметил. Если мы будем много общаться на людях, то рано или поздно проболтаемся. А меньше всего на свете мне хочется, чтобы меня силой заставляли пить «витаминки».

Она права. Если кто-то почуяет неладное, будет

плохо. Но если неладное почуют медсестры, будет еще хуже. С нами заговорила только одна, но слушают они все. Между прочим, та, которая с нами заговорила, кажется мне самой подозрительной. Зачем ей быть с нами приветливой и милой? Чего она пытается добиться? Как бы то ни было, я решаю подумать об этом позже и выкидываю медсестру из головы.

- Тоже верно. Но Джейк натуральный козел.

- Ничего подобного.

- Ну, может быть, с тобой он ведет себя по-другому, но только потому, что пытается тебя охмурить. – Последние слова я произношу настолько противным гнусавым голосом, что самому тошно. И почему я не могу вовремя заткнуться? – Перед твоим приездом он был тем еще гадом с замашками короля.

- Да нормальный он, - настаивает Клара. – Просто жизнь у него, похоже, была дерьявая. Даже до всего этого.

Я вспоминаю о ее бесчувственных родителях.

- У тебя тоже.

- Я о другом дерьме. О том, что пострашнее.

- Может быть.

Сильно ли отличается этот дом от исправительной колонии? Когда Джейк туда попал, ему скорее всего было столько же, сколько сейчас Луису. Вряд ли он был там самым крутым. Зато оттуда он все-таки вышел. В животе растет темный сгусток.

- Все равно он козел, - бурчу я.

- Ты как будто ревнуешь. – Клара удивленно смотрит на меня. – Минуточку, ты ревнуешь к Джейку?

Разговор явно свернул не туда. Внутри все переворачивается, но я умудряюсь всего лишь пожать плечами:

- С чего мне ревновать? Просто, по-моему, он тот еще мудак, вот и все.

- Может, ты и прав, - говорит она. – Но зачем тратить время на то, чтобы негативно относиться к людям? С тем же успехом можно попробовать подружиться.

Что на это ответить, ума не приложу. Честно говоря, не вижу смысла привыкать к людям, тем более здесь. В голове главным мотивом играет мысль, что Клара никак не отреагировала на мои слова об ухаживаниях Джейка. Может быть, она уже сама обо всем догадалась. Или даже испытывает к нему взаимную симпатию. А может быть, мне просто надо перестать думать о том дурацком поцелуе. Настоящим он все равно не был. Так могут целоваться друзья хоть каждый день. И почему я вообще так зациклился?

Вдруг из коробки слышится щебет. Джорджи прыгает мне на колени, пару секунд смотрит то на Клару, то на меня, а потом начинает по-птичий кивать. Я смеюсь, не могу удержаться.

- Вот видишь? – улыбается Клара. – Она со мной согласна.

- Или он согласен со мной, что Джейк козел.

Птица крутит головой и еще дважды чирикает. На этот раз мы с Кларой смеемся вместе. Джорджи быстро становится скучно, и он начинает клевать одеяло.

- Я знала, что если кого и встречу в ту первую ночь, то это будешь ты. – Клара с улыбкой смотрит на птицу. – Я видела тебя на ужине. Ты

единственный смотрел на меня, как на идиотку, а не пялился, как на очередного новичка. Потом не пришел в комнату отдыха смотреть фильм. А ведь пришли все, даже бедный Эллори. Всем было любопытно поглязеть на нас с Томом.

Говорит она тихо, но ее слова током бьют по нервам. Мне и в голову не приходило, что она заметила меня до встречи в кухне.

- Я обрадовалась, что это был ты, - продолжает Клара, а я сижу и слушаю, боясь, что сердце вот-вот выскочит наружу. Оно бьется так же быстро, как и у Джорджи. Кожа опять начинает гореть. – Даже несмотря на то, что ты ужасно психовал. С кем-то другим все было бы иначе.

- Ничего я не психовал, - выдавливаю я. – Всего лишь...

- Еще как психовал! Ты же собирался меня возненавидеть. – Клара улыбается мне, и внутри все переворачивается. – Но я знала, что сумею тебя победить.

- Рано еще цыплят считать, – пытаюсь отшутиться я, но в горле пересохло, и образовался такой здоровый ком, что еще чуть-чуть, и я точно задохнусь.

- Джорджи не цыпленок. И вообще никаких цыплят у меня нет.

Несколько минут мы молча сидим и смотрим, как неуклюже в темноте прыгает Джорджи. Он такой легкий, что я почти не чувствую его через одеяло.

- Ты когда-нибудь встречался с девушкой по-настоящему? – спрашивает Клара.

Я чуть было не ляпнул что-то вроде «А то как же! Менял как перчатки!», но вовремя вспоминаю, как

сильно ненавижу всю ту ложь, что уже нагородил. К тому же не понимаю, зачем вообще сейчас врать.

- Ну, вроде как встречался с парочкой, но ничего серьезного.

- Значит, тебе никто не разбивал сердце?

Говорить об этом странно. Мы с Джонси никогда толком девчонок не обсуждали. А если и заходила о них речь, то из оперы «А что вы делали?» или «А чем бы ты хотел с ней заняться?».

- И никого особенного в прошлом не осталось?

Я думаю о Джули Маккендрик. Она – девушка-мечта. Призрак.

- Нет. Ну а ты? Встречалась с кем-нибудь по-настоящему?

Понятия не имею, что Клара имеет в виду под этим «по-настоящему». Что это значит? Секс?

- С моим-то папой? И в школе для девочек? – Она качает головой. – Наверное, в этом мы с тобой похожи. Один или два пытались. Только мне совсем не нравились мальчики, которых одобряли родители.

- Зато теперь у тебя есть Джейк, – говорю я.

Сама мысль о том, что Клара и Джейк вместе, бесит меня до белого каления. И чувство это сильнее, чем все чувства, которые я испытывал со дня приезда в дом, вместе взятые. Уж точно это меня бесит сильнее, чем мысли о Джули Маккендрик с Билли. Джули уже даже настоящей мне не кажется.

- Наверное, – отвечает Клара.

В животе все сжимается так сильно, что я чувствую спазм в желудке и жалею, что мы не пошли гулять в тумане. Жалею, что завели этот разговор, и что Клара вообще здесь появилась.

Хочется уйти в спальню и обо всем забыть.

Внезапно Клара начинает весело смеяться:

- Боже мой! Иногда до тебя так тugo доходит! –
Она разворачивается и садится ко мне лицом. –
Джейк мне нравится, но на его ухаживания я
отвечать не собираюсь. И не его я, между прочим,
расспрашиваю о девушках.

Я молча смотрю на Клару. Мозги отказали. В голове только безумное гудение, потому что кровь мчится по телу во всех направлениях и несет за собой целый клубок эмоций. Не успеваю я хоть что-то сказать (хотя сказать мне откровенно нечего), как Клара подается вперед, хватает меня за пижаму и тянет к себе. Моя физиономия не знает, куда деваться, и я бьюсь носом о нос Клары. Но секунду спустя она наклоняет голову в сторону и целует меня.

Этот поцелуй совсем не похож на тот, о котором я столько думал. Дико страшно, что Кларе не понравится, но, несмотря ни на что, я чувствую, что вот-вот взорвусь, и дрожу с головы до ног. Щека под моей ладонью теплая и мягкая. Второй рукой я нервно обнимаю Клару за талию, сминая ткань ночной сорочки. Клара пахнет свежевыстиранным хлопком, и в этом запахе кроется что-то живое и очень земное. Горячий язык трется о мой, и я чувствую привкус мятной зубной пасты. Мы целуемся минуту и целую вечность в придачу, а когда наконец отрываемся друг от друга, я едва дышу. Все тело горит и пульсирует.

- Офигеть! – хрипло выдыхаю я.

Клара хихикает:

- Хорошо целуешься.
- Ты тоже ничего.

Я пытаюсь взять себя в руки. Магию момента разрушает еле слышный писк.

- Бедняжка Джорджи!

Когда Клара села лицом ко мне, складки одеяла накрыли птицу. Теперь нам виден только клюв, торчащий между нашими коленями. Очень осторожно Клара берет Джорджи в руки и садит в коробку. Он словно качает головой, чистит перышки, которые может почистить без боли, и щебечет, как будто отчитывает нас за то, что мы о нем забыли. Мы с Кларой смеемся. Мне очень хорошо. Нет, потрясающе. Потому что я чувствую себя живым.

- Пора по спальням, - говорит она.

Я киваю:

- Бери вещи и иди, а я верну коробку с Джорджи в шкаф.

Меня охватывает легкая паника. Ни за какие коврижки я не встану сейчас на ноги перед Кларой. Тем более в тонкой пижаме. Случись все в пещере, на мне хоть были бы джинсы.

- Точно? – спрашивает Клара и снова меня целует. Быстро и сладко. В ответ внутри меня все отзывается болью. – Кстати, чтобы ты знал. Ты симпатичнее Джейка. И забавнее.

- Ты тоже.

Она снова смеется. Мне нравится ее смех. Нравятся необузданые локоны вокруг ее лица. Нравится, что она всегда полна энергии и сил. Но больше всего мне нравится, что ей нравлюсь я.

Клара складывает одеяло, берет подушку и идет к двери. Я смотрю, как она уходит, и от вида голых ног болезненная пульсация только нарастает. На пороге Клара останавливается и говорит:

- Странно, да? Ты будешь моим первым настоящим парнем. Первым и последним. – На несколько секунд она задумчиво замолкает. – Странно, но чудесно. Как будто так и суждено.

Клара исчезает в коридоре. А я остаюсь один на один с ночью и неясным мне самому трепетом. Она назвала меня своим парнем.

Глава 11

- Я слышал, как об этом разговаривали двое ребят из второй спальни, - говорит Луис. – Называли случившееся чудом и обсуждали возможность того, что тоже примут крещение.

- Бред сивой кобылы, - ухмыляется Том.

Мы смотрим на новый плакат в коридоре. Ярко раскрашенный, он приклеен к стене пластилином с блестками, кусочки которого виднеются из-за уголков бумаги. И где только Эшли находит все это дермо? Откуда вообще в доме пластилин и блестки? Кому здесь придет в голову думать о таких вещах? Буквы крупные и красивые, словно рисовал настоящий художник, завиваются по краям и складываются в слова «Праздничная служба в честь выздоровления Джо!». Интересно, не Гарриет ли теперь главная по плакатам? Как бы то ни было, я на сто процентов согласен с Томом. Все это вонючая чушь, а не какое-то долбаное чудо. У Джо просто прошел грипп, и точка.

- Может, нам его сорвать? – спрашивает Уилл. – Пока Джейк не увидел.

- Зачем?

Ничего Джейк с церковью Эшли не сделает. Он не идиот. К тому же в курсе, что Хозяйка знает о

церкви. Да и кому какая разница, что подумает Джейк? Захочет пободаться с Эшли – это проблемы Эшли, а никак не наши.

- И почему люди такие тупые? – бормочет Том.

В ответ я молча пожимаю плечами. Все равно я здесь только наполовину. А второй половиной заново переживаю момент, когда Клара назвала меня своим парнем, и изо всех сил стараюсь сдержать широченную довольную улыбку.

- Забей и займись чем-то еще. Фильм посмотри, например.

- Наверное, заскочу в музыкальную комнату, – как бы между прочим сообщает Том, но я-то знаю: идет он туда только потому, что там сейчас Клара.

Приходится прикусить язык, чтобы не ляпнуть, что он зря теряет время. Потому что Клара – моя девушка.

- А ты, видимо, спать пойдешь, – тускло говорит мне Уилл.

- Не знаю. – Усталости нет. По идее, к этому времени я уже должен устать, но вместо этого мне с трудом удается не стучать ногой по полу от бурлящей внутри энергии. – А что?

- Вчера мы нашли старую настольную игру. Называется «Побег из Кольдица»⁶. Классная, честно.

- Впервые слышу.

В настольные игры за всю свою жизнь я играл только на Рождество. И то исключительно тогда,

---

⁶ «Побег из Кольдица» - настольная игра-стратегия с картами и кубиками. Кольдиц – средневековый замок в одноименном городе в Германии, где в 1933-1945 гг располагался концлагерь (с 1939 г – для военнопленных). Суть игры заключается в противостоянии немцев и заключенных. Немцы играют черными, заключенные – красными, синими, коричневыми, оранжевыми и зелеными (британцы, американцы, французы, голландцы и поляки соответственно). Играть могут от двух до шести человек. Игра впервые появилась в продаже в 1973 г.

когда приезжала бабушка.

- Играть весело, но лучше, если, кроме нас с Луисом, будет играть кто-то еще.

Оба смотрят на меня, но сразу ясно, что на согласие не очень-то рассчитывают.

- Ладно, - говорю я, - идем.

А почему бы и нет? Если не пойду с ними, то буду валяться на кровати и, глядя в потолок, считать бесконечные часы, пока все не уснут и нам с Кларой снова не выпадет шанс побывать вдвоем. От этих мыслей чувствую себя последним ублюдком, но поделать ничего не могу. Так хоть время пройдет быстрее.

Оказывается, игра действительно ничего. Мы втроем то и дело смеемся и огляднусь не успеваем, как подходит время ужинать. Уилл мчится в столовую в поисках той самой медсестры, но у буфета с едой ее нет. А утром была. Уилл ей улыбнулся, когда подошел взять тост, и был уверен, что она подмигнула ему в ответ. Не знаю, так ли все было на самом деле, но раз уж Уилл в это верит, то какая разница? Он еще маленький. Скучет по маме. Между прочим, Уилл единственный, кто признался в этом после того, как заболел Генри. Из-за Генри и его криков обитатели дома о своих матерях больше не говорят.

Если не считать ужаса, который вспыхивает каждый раз, когда я думаю о Генри, мне с трудом припоминаются подробности того дня. Прошло всего несколько недель, а кажется, будто целая вечность. Может быть, теперь нам подмешивают в еду что-то посильнее. Зуб даю, утром после случившегося с Генри нас напичкали седативами по самые помидоры. Порой я думаю, почему нас

просто не накачивают наркотой. Может, потому, что нас изучают, как лабораторных крыс. Мы же типа избранные. Дефективные. Редкая порода. Отголоски ужасного времени, когда чуть не рухнул мир.

Как правило, от этих мыслей я тону в молчаливом жутком кошмаре, потому что боюсь оказаться в пустом мраке, боюсь лазарета, боюсь превратиться во что-то ужасное, боюсь поджидающего меня неизбежного небытия. А в этот раз все иначе. Странно, но мне хочется смеяться. Похоже, не так уж пристально за нами наблюдают, раз до сих пор никто не знает о нас с Кларой и о Джорджи. Мы как будто смогли сбежать. Я жив, счастлив, и плевать на все остальное.

Перед сном у Эшли запредельно самодовольный вид. И у него есть на то причины. После ужина я, как всегда, долго валялся в ванне, но Уилл с Луисом успели мне рассказать, как тихо было в комнате отдыха во время просмотра фильма.

- Слыхал, заболел пацан из третьей спальни, - ворчливо говорит Том. – Его тоже исцелять будешь, Иисус?

- Не называй меня так. Это непочтительно. – Эшли даже не смотрит на Тома. – И я не говорил, что вылечил Джо. Я сказал, что ему стало лучше.

- Непочтительно то, что ты в это веришь, - бормочет Луис. Он прислушивается к разговору и одновременно читает, заглядывая в книгу через плечо Уилла.

Глаза Тома темнеют.

- Держу пари, ты не рассказываешь своим последователям, что никакое это не чудо.

Обычно от подобного дерьяма я взрываюсь первым, но на этот раз Том меня опередил.

- Но и в обратном я никого не убеждаю.

- У Джо был самый обычный грипп. Тошнит от того, как ты этим пользуешься. Даешь детям надежду, лишь бы они повелись на твою чушь.

Уилл наклоняется ближе к страницам. Споры – не его конек. Он, конечно, может отпускать шуточки, посмеиваться над Эшли из-за угла, но вступить в полноценный конфликт – ни за что.

- Говоришь, я этим пользуюсь? Ты не прав. Я всего лишь хотел отпраздновать тот факт, что Джо стало лучше. Что в этом плохого? И что плохого в надежде, если благодаря ей люди меньше боятся?

А Эшли, оказывается, умнее, чем я думал. Хотя от его безразмерного спокойствия так и хочется хорошенько ему врезать. Тому, судя по всему, хочется того же.

- А то, что все это бред собачий. И ты это знаешь. Но ты, видите ли, плывешь на волне вдруг обретенной власти, черт бы тебя побрал! Надо же! Люди вдруг стали прислушиваться к тому, что говорит жалкий мудак, у которого никогда не было друзей!

- Какая тебе разница, чем я занимаюсь? И почему это так тебя злит?

- Давайте прекратим этот разговор. – Я сажусь и смотрю то на одного, то на другого. – Вообще перестанем об этом думать. Все равно только зря теряем время. Единственная наша задача – извлекать как можно больше удовольствия из сложившейся ситуации.

На несколько секунд воцаряется звенящая тишина. Все пялятся на меня. Даже Уилл

отрывается от книги.

- Вот это да! Мистер Дрыхнущий Целыми Днями Ворчун вдруг решил взяться за ум! – первым подает голос Луис, и Уилл тихонько хихикает. – Как, по-твоему, что мы с Уиллом пытались втолковать тебе с самого приезда?

Я улыбаюсь – не могу удержаться:

- Наверное, до меня туда доходит.

Том бурчит себе под нос и ложится в постель. Вид у него недовольный, но Эшли он больше не донимает. Мне Тома жалко. Я знаю, каково ему сейчас. Пока не появилась Клара, я сам был таким же. А может быть, еще злее. Иногда злость – единственное, что затмевает страх. Не будь у меня Клары и наших ночей, я бы, наверное, уже врезал Эшли. Понимаю, почему Тома так бесит церковь. Причины те же, что и у меня. Дело вовсе не в вере в какого-то там бога, а в том, что всегда – всегда! – церковь лишь подчеркивает приближение финала. Заставляет думать о том, что будет после. Думать здесь о прежней жизни и так сложно, а о будущем – по-настоящему страшно. Если тебе до лампочки рассказни о рае, то Эшли с Библией в руках и полным отсутствием страха – как постоянное напоминание о том, что ждет впереди. А здесь никому это не нужно. И без того трудно собирать радость по крупицам. Если дом и научил меня чему-то, то именно этому. Несколько секунд я пытаюсь разобраться в мыслях. Нет, этому научил меня не дом, а Клара.

- Думаешь, он все-таки заболел? – волнуется Клара.

И не зря. Крыло Джорджи пахнет ужасно. Из

раны, пока я ее промываю, сочится еще больше гноя. Сам Джорджи как будто полусонный. Макушка под моими пальцами кажется горячей.

- Может быть, - говорю я. - Но он у нас крепкий парнишка. Поправится.

Словно соглашаясь, Джорджи тихонько щебечет, и Клара немного успокаивается. Не хочу, чтобы она всю ночь смотрела на больную птицу. Если Джорджи заболел, то сейчас уже ничего не поделать. От того, что мы будем на него пялиться, никому лучше не станет. К тому же сегодня Клара меня еще не целовала. Пусть это неправильно, но поцелуй волнует меня больше, чем птица. Я все еще ее парень? Или она передумала и просто не хочет мне говорить? В голове кружатся миллионы сомнений. Почему она меня еще не поцеловала? Сердце рвется на части, и куски падают прямо в живот.

- Дождя нет. Пойдем на улицу, - предлагаю я. - Заглянем к нему, когда вернемся.

Клару долго уговаривать не нужно. Она – сгусток энергии, рвущийся на свободу. И создана не для того, чтобы сидеть взаперти в доме, который, хоть и огромный, но все равно вызывает приступы клаустрофобии.

- Хорошая идея. – Клара встает на цыпочки и легко меня целует. Поцелуй мимолетный, но сердце уже несется вскачь, а по коже гуляет ток. – Идем, красавчик.

Внезапно я будто пьянею. Хочется на все плонуть и остаться. Целовать ее, прикасаться к ней, таять от ее прикосновений. Но сказать об этом вслух не решаюсь. Да и отпугнуть ее боюсь. Не хочу, чтобы она знала, что я постоянно о ней думаю. Уже сто раз я успел представить ее голой. И себя вместе

с ней. Кажется, у меня это на лице написано, а Клара все понимает, глядя, как я дрожу и задыхаюсь. Я знаю, что веду себя, как извращенец, но ничего не могу с собой поделать – мысли сами лезут в голову. Может быть, прогулка поможет отвлечься. Хоть немного остыну.

Ночь стоит сухая, но холодная и пасмурная. Лишь изредка из-за туч выглядывает луна, проливая на дорогу крошечные лужицы света. Но теперь темнота не проблема – мы знаем каждую кочку, каждую ямку на острове, словно он целиком и полностью наш. Перелезая через стену, я больше не нервничаю. Наоборот, с нетерпением жду, когда смогу сняться с себя дом и все, что с ним связано. Держась за руки, мы идем по тротуару. Извилистая дорога ведет прямо к воде. Перчаток мы не взяли. У меня мерзнут пальцы, но руку Клары я отпускать не собираюсь. По пути мы шмыгаем носами, разговариваем о том, о сем и тихо смеемся. Рядом с ней я чувствую себя свободным. Все остальное не имеет ни малейшего значения.

Оказывается, в пещеру мы не идем. Подкрадываясь к синему домику у причала, мы замолкаем и жмемся к скале у дороги, чтобы нас не заметили. На всякий случай. Прийти сюда – идея Клары. Само собой, я, как всегда, беспокоюсь, что нас поймают, но не могу не согласиться – есть что-то бодрящее в том, чтобы вот так красться к маленькому строению, зная: там может кто-то быть, и этот кто-то вполне может нас заметить.

- Идем! – шепчет Клара и крепче сжимает мою руку.

Мы пригибаемся и крадемся по гальке вокруг

домика. Даже в темноте видно, что краска на старом камне облупилась. То тут, то там на стенах, побитых ветром и дождем, проглядывают светлые пятна. Наверное, дом стоит тут дольше, чем я могу себе представить. Забытый дом на забытом острове, где живут забытые дети. Прямо как начало приключенческого романа. Может быть, так оно и есть. А роман этот – обо мне и Кларе.

Держась за потрепанный непогодой и временем подоконник, мы заглядываем в окно. Но внутри так темно, что в стекле видны только наши собственные призрачные сероватые отражения. Я прижимаюсь носом к окну и щурюсь. Кажется, в углу стоит старая плита. И раковина.

Клара кивком указывает наверх:

- Должно быть, спальня там.
- Если здесь вообще кто-то живет.

Легко, едва касаясь земли, она обходит дом, а я иду следом и дергаюсь от каждого хруста под подошвами кроссовок. Ветра нет, спокойное море едва слышным рокотом поддразнивает берег, поэтому мои шаги в тишине кажутся ужасно громкими. Поверить не могу, что меня никто не слышит. Но в доме по-прежнему темно, и я начинаю думать, что в нем никого нет. Вот было бы круто! У нас с Кларой появилось бы нормальное теплое убежище за стеной.

- Смотри, - Клара показывает на что-то у задней двери. На ступеньке стоят ботинки. – Кто-то тут все-таки живет.

Ботинки явно мужские. Старые и тяжелые. Мощные подошвы покрыты засохшей грязью. Я пытаюсь представить, как кто-то разувается и оставляет ботинки на ступеньке. Куда ходил этот

человек? Куда здесь вообще можно ходить? Стремно думать, что кто-то еще, кроме нас, бродит по острову. Разве что учителя да медсестры уходят после обеда прогуляться. Сам я никогда не видел, чтобы они выходили за ворота, но ведь раньше мне и в голову не приходило обращать на это внимание. Возникает ощущение, будто кто-то вторгся на нашу территорию. Ночи принадлежат нам – мне и Кларе. Так же я стал думать и обо всем острове.

- Всего одна пара. – Клара приседает на корточки и проводит пальцем по кожаному краю ботинка. Волосы падают на бледное лицо. – Представляешь, каково тут жить в полном одиночестве? Даже собаки нет.

- А может, есть.

- Была бы собака, давно бы залаяла. – Клара поднимается на ноги и улыбается, глядя на меня. – Хорошо, если тут только один человек. Будет проще тайком пробраться в катер.

Я улыбаюсь в ответ, а потом мы с минуту целуемся в гуще холодного воздуха. Обнимаем друг друга и трепимся замерзшими носами. Это, несомненно, возбуждает, но есть и что-то еще. Как будто Клара согревает меня с головы до ног, но все это тепло не умещается внутри, и мне больно от счастья. Потому что от этого счастья что-то во мне обрывается. Словно оно никогда не даст мне того, чего я хочу. Я никогда не принимал наркотики, не считая тех, что подсыпают нам в доме, но, наверное, именно такой эффект они и оказывают.

Мы уходим от дома к концу дороги, где от асфальта убегает в море деревянный причал. Под ногами что-то тихо постукивает, и мы оба подпрыгиваем от неожиданности. Внизу с одной

стороны причала к деревянному столбику, который, как кость, торчит из воды, привязана маленькая гребная лодка. Будто застенчивый ребенок, она то заплывает под причал, то выплывает снова. Мы ложимся на холодный песок и смотрим на находку.

- На этой штуке далеко не уплывешь, - шепчу я.

На вид лодка старая и вот-вот развалится. Да и весло только одно. Тот, кто здесь живет, видимо, любит побродить по грязи, но он совершенно точно не рыбак.

Порыв холодного ветра опять уносит лодку под причал, а мы с Кларой дрожим.

- Согласна, зато в ней можно спрятаться. Если узнаем, когда в следующий раз доставят продукты, улизнем и пересидим в лодке. А пока все будут заняты разгрузкой, прокрадемся на катер и сделаем отсюда ноги. Вряд ли кто-то поймет, что к чему. Держу пари, на борту будут только капитан и водитель грузовика.

- Может, и правда получится. – Сердце несется вскачь. Я очень стараюсь не думать о том, что я дефективный, и будущее внезапно кажется бесконечным. – Осталось только узнать, когда ждать доставку. Думаю, продукты привозят раз в месяц.

- А значит, у нас недели две.

Я встаю на ноги и тяну Клару за руку:

- Идем в пещеру. Составим план.

Мне нравится пещера. Нравится даже то, что каждый день ее вымывают волны, и каждый раз, когда мы туда приходим, она новая и свежая.

Мы мчимся бегом по дороге, которую знаем как свои пять пальцев, и громко смеемся, потому что никто нас не услышит. Добежав до пещеры,

успеваем согреться. Оба светимся от счастья и то и дело хихикаем. Зажигаем свечу, которую принесли сюда из церкви. Эшли и не заметил, что одна из свечей «сгорела дотла» всего за одну ночь. Он слишком занят мыслями о том, чего не существует, и не замечает того, что у него под носом. Зато мы с Кларой – очень даже настоящие. И нет ничего лучшего нашего настоящего. Мы ставим свечу на выступ в задней каменной стене пещеры, садимся рядышком и разговариваем. От волнения слова так и сыплются. Сейчас мы даже не в пещере – уже уплыли и обрели свободу. Мы поедем куда-то далеко-далеко. Клара пострижется и покрасит волосы. Мы украдем паспорта у старых школьных друзей, которые не заметят пропажи, и двинем в теплые края, где будем сидеть часами у океана и продавать прямо на пляже всякую дребедень, чтобы сводить концы с концами. А ночью будем спать под звездами. Если замерзнем, разведем костер, будем играть на гитаре и петь песни. И все наши друзья будут такими же беззаботными бродягами, как мы. Может быть, мы поженимся – устроим скромную церемонию в духе хиппи на каких-нибудь древних развалинах. Идеально. То есть будет идеально. Мы будем бежать и бежать и никогда не оглянемся назад. Может быть, через несколько лет пошлем родным открытки и сообщим, что у нас все в порядке. А может быть, и не пошлем.

- И не важно, сколько нам осталось, - счастливо говорит Клара и кладет голову мне на плечо. – Все будет великолепно.

Позади нас отчаянно старается выжить в холода пламя крошечной свечи, а впереди, с шелестом перебирая песок, лениво разлилось в

ночи черное море.

- По-моему, все и сейчас великолепно, - говорю я, крепче прижимая к себе Клару.

- Да. Да, так и есть.

Прислонившись к неровной стене, мы снова целуемся, но на этот раз дольше. Клара дышит так же тяжело, как и я, и вдруг просовывает руки мне под куртку и под футболку. Когда ко мне прикасаются холодные пальцы, из горла вырывается какой-то звук. Нечто среднее между стоном и вздохом. Ничего нового со мной не происходит. Может быть, «этого» я никогда и не делал, но мне и раньше случалось доходить с девушками до таких вот ласк. Вот только теперь со мной Клара, а вокруг – совсем другой мир, и происходящее кажется совершенно незнакомым. Она прижимается ближе, а я неуклюже пытаюсь нащупать трясущимися пальцами пуговицы на ее куртке. Клара улыбается прямо мне в губы и ловко справляется с оставшимися двумя пуговицами. Распахивает куртку и вытаскивает из штанов край футболки, глядя мне в глаза. Я слатываю подступивший к горлу ком, и мы опять целуемся. Пальцы Клары рисуют дорожки у меня на груди и животе. Мышцы сокращаются, все тело болит. До смерти хочется прикоснуться к Кларе, но сама мысль об этом приводит в ужас. Неловко просунув руку под футболку, я копирую движения Клары. Она мягкая и теплая и, как только я к ней прикасаюсь, стонет, не отрываясь от моих губ. Звук получается глубокий, земной и естественный. Взяв за запястье, она ведет мою руку выше, к лифчику. Сердце у меня в груди колотится так сильно, что, кажется, вот-вот разорвется. Я нащупываю хлопок

и кружева, прикрывающие еще не знакомые округлости. Клара сильнее вжимается в мою ладонь, и я, пока не умер от страха или предвкушения, тяну ткань вниз. Мгновение – и моя рука на обнаженной груди. На секунду я застываю, не зная, что делать дальше. Будто подбадривая, Клара гладит языком мой языкок, и я осторожно провожу по ее груди пальцами. Сосок твердеет, а дыхание Клары уже обгоняет мое собственное.

Нетерпеливо оторвавшись от меня, она сбрасывает куртку. На несколько секунд я растерянно и беспомощно впадаю в ступор. Вижу ее бедную, как мрамор, кожу и безупречные округлости груди – совсем не такой, у Джули Маккендрик. У Клары грудь меньше и выше. И потрясающе настоящая. Клара даже больше не Клара. По крайней мере у меня в мыслях. То есть она, конечно, все та же Клара, но как будто и нет. Все та же моя подруга, но теперь еще и незнакомка – таинственное создание, переполненное пугающими силой и властью. Русалка, вышедшая на берег. Ее губы приоткрыты, а руки уже у меня в волосах, тянут лицом к груди. Я наклоняюсь, и от запаха Клары кружится голова. Отчаянно надеясь, что все делаю правильно, прикасаюсь к соску языком и слегка посасываю. Рука растеряла весь страх и робость и уже тянется к другой половинке лифчика.

Ладонь Клары опускается мне на бедро, пальцы движутся вверх-вниз по джинсам, не задевая самого главного. Ужасно хочется повалить Клару на пол пещеры и тереться об нее, пока я не сдох от растущего напряжения. В голове бьется кровь. Точнее не только в голове. Закрывая глаза, я вижу

звезды.

Поднимаю голову и снова целую Клару, на этот раз требовательнее, как будто куда-то тороплюсь. Страх и неуверенность смыло волной жуткого, но прекрасного желания. Через несколько секунд Клара отстраняется. Мы смотрим друг на друга, едва дыша. Знакомые незнакомцы. Мы уже не те, кем были раньше, но еще и не те, кем когда-нибудь станем. Клара волшебная. Теперь я даже сомневаюсь, настоящая она или нет.

- Надо возвращаться, - говорит она. – И заглянуть к Джорджи перед сном.

Я киваю. Еще не могу говорить.

Задув свечу, мы пускаемся в обратный путь. Идем молча, держась за руки, и время от времени улыбаемся друг другу. Мне хорошо, как никогда. Не мешает даже сумасшедшая похоть, роем пчел гудящая под кожей.

- Ты счастлив? – спрашивает Клара, когда впереди уже виднеется дом.

- Да. А ты?

- Тоже.

Когда я в очередной раз гляжу на дом, он уже не кажется таким большим. Ему нас не одолеть. Мы уедем и забудем о нем навсегда.

- Да не болен я. Честно. Просто нервничаю. Скоро все пройдет, - снова и снова повторял Генри каждому, кто готов был слушать.

Никто ему не верил. Все видели, что с ним что-то происходит. Что-то очень нехорошее. Приехав в дом, Генри вовсе не дергался, как ни старался убедить всех в обратном. Когда он стал бродить по коридорам в тщетных попытках взять под

контроль непроизвольные движения рук и ног, за ним зачарованно наблюдали все обитатели. В том числе и Тоби. Все догадывались, в чем дело. Так бывает в фильмах о заложниках, где бандиты выбирают одного, чтобы пристрелить. А он недоверчиво озирается по сторонам и видит виноватые, но радостные лица остальных. Потому что их очередь еще не пришла. Генри предстояло стать первым.

Судороги у него начались на третий день. А до того жизнь в доме даже казалась каким-то веселым приключением. Никто еще толком не верил в происходящее. В комнате отдыха было не протолкнуться, обитатели спален непринужденно общались друг с другом, хотя Джейк уже тогда был заводилой. Все смотрели фильмы, которые он выбирал. Играли в игры, которые он предлагал. Все лгали друг другу о том, какую прекрасную или ужасную жизнь вели до того, как оказались здесь. В доме было не так тихо. Со всех сторон лился смех.

Поначалу ни спазмов, ни подрагиваний никто не замечал. Как знать, может быть, Генри всегда таким был. К тому же он явно не относился к числу тех, кого называют душой компании. Никто не обращал на него внимания. Тем более что со дня приезда он умудрился показать себя настоящим нытиком. Даже когда судороги сделались более явными (однажды он собирался засунуть в рот полную ложку хлопьев, но плечи свело, и он промахнулся), остальные лишь пожали плечами и вдоволь посмеялись. Генри казался всем нервным чудаковатым типом. Может быть, эти судороги – просто какая-то странная реакция на дом.

«Здесь какая-то ошибка».

- Это ненормально.

Первым, кто сказал об этом вслух, был Луис. Генри держался правой рукой за левое запястье, притворяясь, будто все в порядке, но Тоби видел, скольких усилий ему это стоило. Пальцы левой руки дрожали и сжимались, словно Генри пытался удержать задыхающуюся скользкую рыбку.

- Ты как, Генри? – спросил Уилл. – Может, тебе к Хозяйке смотраться?

- Все в порядке, – натянуто улыбнулся Генри. – Ерунда. Иногда бывает.

- Ну лады, – спокойно пожал плечами Уилл и стал дальше смотреть старый научно-фантастический фильм по телевизору.

Луис покосился на Тоби. Оба видели то, чего не видел Уилл, – ужас в глазах Генри. Дикий страх. Что бы ни рождало судороги, нормальным это не было.

Медсестры тоже не сводили с Генри глаз. Их бесстрастные взгляды повсюду следовали за ним и постоянно оценивали.

На третий день Генри сломался. Ни с того ни с сего. Было время ужина. Генри сидел за столом с ребятами из своей спальни и пытался есть суп. Сидевший рядом с ним мальчик пришел на помощь. Смотрели на них все. Потому что не смотреть было невозможно. Тоби, например, и не думал пялиться на Генри, но что-то в том, как другой человек медленно разваливается на куски, некой жуткой силой вынуждает смотреть. Особенно – когда это впервые.

Стол Джейка стоял как раз между столами Тоби и Генри. И Джейк тоже смотрел.

- Эй, Генри! – позвал он. – Неужто

превращаешься в пускающего слюни имбетила? – Он сунул язык под нижнюю губу и заворчал, размахивая руками.

Все засмеялись. Тоби улыбнулся. Впервые они отвернулись от кого-то вместе, как одна команда. Мальчик, который помогал Генри есть суп, опустил ложку. Никто бы не пошел против Джейка.

Несколько секунд Генри молча смотрел на Джейка. В глазах Джейка горело злобное веселье, а глаза Генри казались черными безднами, глядящими на мир с убийственным, калечащим душу страхом, которого никто не понимал. Генри как будто находился в своем собственном пузыре, а все остальные – снаружи. Но, когда он вдруг расплакался, все встало на свои места.

- Я хочу к маме. Домой хочу.

Еле слышный всхлип оставил рану в сердце каждого. Кто-то робко хихикнул, а потом воцарилась тишина. Задвигались по полу стулья. К горлу Тоби подкатила тошнота.

- Я не хочу здесь быть. Не хочу здесь умирать. – Не вставая со стула, Генри развернулся к медсестрам. Говорил он тихо, но в тишине четко слышалось каждое слово: - Я не хочу умирать. Я хочу домой. К маме.

С совершенно пустыми, безразличными лицами медсестры молча смотрели на него, и почему-то это было страшнее, чем неожиданный срыв Генри.

После этого никто почти не ел. Генри заозирался в поисках поддержки, но все уставились в тарелки, которые больше не вызывали аппетита. Только Тоби украдкой взглянул на Генри и увидел в потном лице то, чего не ожидал. Генри

знал, что все испоганил. Знал, что из-за его срыва что-то изменилось. Он заставил всех увидеть то, чего никто видеть не хотел. И никто ему этого не простит.

Позже Тоби не раз обдумывал, как Генри в один момент стал изгоем, и как всем им хотелось тогда избить его, только бы он замолчал. И со всей очевидностью Тоби понимал, что из-за Генри изменился весь дом. Генри вслух сказал о том, что чувствовали все. Хотел поделиться с другими своим страхом, в то время как другие пытались хоть как-то справиться с собственными. Тогда-то спальни и обособились, защищая своих. Имя Генри оказалось первым, которое никто больше не упоминал.

После ужина народ, перешептываясь, разбежался по спальням. Генри пытался перехватить детей помладше, которые проносились мимо. Объяснить им, что судороги – ерунда, что он просто рассстроен, а вовсе не болен. Но ему даже в глаза посмотреть боялись. Вырывали руки из его пальцев и отталкивали, чтобы поскорее убежать.

Какое-то время Генри вел себя тихо, но не прошло и часа, как все услышали, что он снова плачет. Сначала он просто звал маму, а потом пытался до нее докричаться. Снова и снова, пока не охрип. Тоби думал, не поднялась ли у Генри температура.

- Заткнулся бы уже, что ли. – У Луиса было такое напряженное лицо, будто все мимические мышцы втянуло в череп. – Почему он не затыкается?

Уилл тихонько напевал себе под нос. Тоби ушел

и впервые долго-долго валялся в ванне, слушая, как текущая вода заглушает звуки, от которых скручивает в узел живот. И этот узел остался навсегда. В тот вечер родился сгусток страха. Наверное, медсестры в конце концов накачали Генри успокоительным, потому что, когда Тоби вышел из ванной и вернулся в четвертую спальню, в доме было тихо.

Наутро Генри никто не видел. Как и его следов. Ни одежды, ни зубной щетки, ни дурацкой футболки, которую он не снимал. Словно его никогда и не было. Хозяйка сказала только, что Генри забрали в лазарет. Короткая, резкая фраза, пресекшая все вопросы. По комнатам пронесся приглушенный шепот, но больше никто и никогда не упоминал о Генри вслух. Потому что для всех так было проще. Можно притвориться, будто ничего не произошло.

Но проще было для всех, кроме Тоби. В ту ночь, когда забрали Генри, Тоби впервые не выпил «витамины». Причем даже не знал почему. В горле пересохло, и что-то мешало свободно дышать. Тоби хотелось отвергнуть хоть что-нибудь, что касалось дома, и в тот день он нашел только такой вариант. Маленький, незаметный протест. Но Тоби обрел больше, чем рассчитывал.

Тогда он впервые услышал, как пыхтит сердце лифта и повизгивают колеса кровати. И потом не раз слышал снова. Хотя обитатели дома со всем энтузиазмом выбросили из памяти воспоминания о Генри, он их многому научил. Например, что нет смысла плакать и звать на помощь. Но самое главное: когда придет твоя очередь, ты останешься один. Еще один урок они получили,

когда заболел второй мальчик. Выхода нет. И нет однозначных симптомов.

А если хорошенько об этом подумать, то начнешь бояться и собственной тени.

Глава 12

- Даже не помню, когда еще было так холодно. – Элеонора прижимается носом к окну в комнате отдыха. Снаружи льет как из ведра. Судя по тому, как бьет по земле, дождь с градом.

Сегодня день стирки, поэтому все послушно сменили постельное белье. Верхними простынями застлали матрасы, а нижние с наволочками сложили в специальные мешки. Остается как-то убить день. У батареи в потрепанном кресле читает свою книгу Уилл, а Луис учит нас с Кларой играть в шахматы. Мы только начали, а мне уже неимоверно скучно. Не могу сидеть напротив Клары и думать о чем-то еще, кроме нее. Жалкое я, должно быть, зрелище. Похоже, влюбился.

- А вы помните? – Элеонора оглядывается на нас, и все мы качаем головами.

Погода и правда странная, но ведь я никогда раньше не бывал так далеко на севере, так что хрен его знает, что здесь считается нормальным.

- Черт возьми, тут одно старье! – Том перебирает пластинки в поисках чего-нибудь знакомого.

Так и подмывает сказать, что в местной коллекции есть неплохие вещи, но я все-таки молчу. Танцы в темноте – секрет, который поначалу был только Кларинным, а теперь стал нашим общим. Мы танцевали здесь прошлой ночью. Когда она

заставила меня закрыть глаза и просто слушать музыку, я даже идиотом себя не почувствовал. Скорее всего именно так я и выглядел – как стопроцентный идиот, но ничего подобного не чувствовал. Да и кому какая разница? Как ты себя чувствуешь – гораздо важнее, чем как ты выглядишь. Слова Клары. Хотя ей легко говорить. Она-то выглядела потрясающе.

- А чего ты ждал? – спрашиваю я. – Ты проигрыватель хоть раз видел до того, как попал сюда?

- Твоя очередь, Тоби, – напоминает Луис, и я понимаю, что даже не заметил, как Клара сделала ход.

Открывается дверь, и в комнату вваливается Джейк с Элби и Дэниелом на хвосте. Сразу видно: Джейк старается вести себя как ни в чем не бывало, но его глаза тут же замечают Клару. Нет смысла спрашивать, куда подевался Джо, который намертво спутался с Эшли и церковью. Каждый день их банда все больше и больше времени проводит наверху. Эшли мы никогда не расспрашиваем. Зачем давать ему лишний повод нести чванливую околесицу? Вот только раньше мы делились на спальни, а теперь все идет к тому, что народ начнет делиться на тех, кто верит в бога, и тех, кто нет. Тома это бесит до белого каления, а мне наплевать. Все, что происходит днем, меня больше не касается, хотя я и перестал спать после обеда. Слишком много волнений, чтобы дрыхнуть. Проще чем-нибудь себя занять, чтобы убить время. Я все еще помню, как старался растянуть часы, доводя себя до смертной скуки. Да уж, сейчас все перевернулось с ног на голову.

- Народ, не хотите куда-нибудь отсюда сдымить? – интересуется Джейк. – Потремся в музыкальной комнате или еще где.

На самом деле ответа он ждет только от Клары. На всех остальных ему насрать.

- Нам всем там места не хватит, - бормочет в ответ Клара, не поднимая глаз от доски.

- Может, в прятки поиграем? – с надеждой предлагает Элеонора.

Дэниел ухмыляется, как будто в жизни не слыхал предложения глупее. Так и видно по жирной роже, какая злобная у него душонка. Хуже хулигана только тот, кто под хулигана косит.

- Согласен, - говорю я. – Все равно в шахматах мне ни черта не светит. Уилл, ты как?

- Играю! – Он уже откладывает в сторону книгу.

Элеонора взволнованно хлопает в ладоши:

- Я вожу! А вы прячтесь! Считаю до ста.

- Только считай медленно. – Клара поднимается со стула. – Никаких хитростей.

- Ага, никаких хитростей, - вторит ей Джейк.

От того, как он готов на все, что захочет Клара, я откровенно смеюсь. А вот Дэниел никак не может решить, фыркнуть или улыбнуться.

- Дружище, но это ж детская игра, - ворчит Элби.

- Есть идеи получше? – рявкает в ответ Джейк.

Элби втягивает голову в толстовку:

- Да я просто так сказал...

- Ну фиг с ним, разок попробовать можно. – Дэниел важно сопит и сует руки в карманы джинсов, отчего пузо торчит даже больше, чем раньше. Пусть Дэниелу не суждено повзрослеть, но он уже тень того, кем мог бы стать.

На него пристально смотрит Том:

- Играть тебя никто не заставляет.

Во взгляде Тома столько презрения, будто Дэниел – таракан, которого надо срочно раздавить. Том как я. Сто раз подумает, связываться ли с Джейком, но не позволит какому-то мелкому куску дерьма строить при нас мужика.

- Я же сказал, что поиграю, - почти хнычет Дэниел, так и не получив поддержки ни от Джейка, ни от Элби.

Интересно, издевались ли над ним в школе? Если да, то все ясно. От одного диагноза тот, кто когда-то жрал говно, сам стал говнюком.

- Один, два, три...

Стоя лицом к стене, Элеонора медленно считает, а мы мчимся в коридор. Пока никто не видит, Клара быстрым движением сжимает мою ладонь, и тепло поднимается по руке прямо к сердцу. Я подмигиваю в ответ, и Клара слегка розовеет. Значит, я ей нравлюсь не меньше, чем она мне. И, несмотря на все странности в доме, это мне кажется самым странным. Невероятно классно, но охренеть как странно. Я все жду, что она как-нибудь проснеться и передумает, но ничего подобного не происходит.

На лестнице мы расходимся в разные стороны, и Джейк бежит за Кларой. Видимо, хочет спрятаться там же, где она, и провести с ней хоть немного времени наедине. Дэниел ковыляет к душевым. Никто не бежит по коридору к церкви. Поднимаясь на этаж выше, я слышу, как в церкви поют. Долбаный Эшли учит своих прихвостней петь чертовы гимны! Не могу вспомнить, когда в

последний раз слышал гимн. Может быть, на свадьбе, на которую меня когда-то затащили родители. Я пытаюсь отгородиться от музыки, но она будто нарочно плывет ко мне по воздуху.

Беда в том, что дом слишком большой и мест, где можно спрятаться, до фига, но все равно недостаточно. Мебели в комнатах по минимуму. Все подчинено единственной цели – практичности. В конце концов я прячусь под кроватью в одной из пустых спален. От половиц исходит богатый и насыщенный аромат отполированной древесины. Я жду, и в ушах начинает звенеть от тишины. Лежать здесь неудобно. Надеюсь, Элеонора скоро меня найдет. Я смотрю на матрасные пружины, чтобы не видеть заблокированных колес и не слышать их скрипа в мыслях. Идею Элеоноры я поддержал только для того, чтобы побесить Джейка, но, честно говоря, из подобного дерьяма я давно вырос. Скучно. Вот если бы я был на месте Элеоноры, или если бы мы играли в «сардины»⁷... Может, в следующий раз предложу. Я ерзаю, пытаясь улечься так, чтобы пол не вдавливался в кости, и нос чешется от поднявшейся пыли. Блин, надо было спрятаться за занавеской.

- Клара! Уилл! Сюда! Скорее!!!

Я валяюсь под кроватью уже минут десять, как вдруг слышу крик Элеоноры. Она где-то поблизости.

- Я кое-что нашла!

До меня доходит не сразу, но, вылезая из-под

---

⁷ «Сардины» – прятки наоборот. Прячется один человек, остальные его ищут. Когда «охотник» находит место, где спрятался первый игрок, он не оглашает победу, а присоединяется к прячущемуся. И так до тех пор, пока не останется последний «охотник», а все остальные не соберутся в одном месте, где, разумеется, им будет тесно, как сардинам в банке. Игра заканчивается, когда последний «охотник» находит остальных.

кровати, я с ужасом осознаю, что так взволновало Элеонору. Пролетаю по лестнице и бегу по длинному коридору. Мне не нужно прислушиваться к голосу – я и так знаю, куда бежать. Черт меня дернул согласиться на эту дурацкую игру! Почему я раньше не подумал?!

Едва дыша, я врываюсь в комнату. Элеонора сидит перед открытым шкафом. У нее на коленях коробка. Здесь уже Клара и Джейк, но больше пока никого. Где бы ни прятались остальные, они, судя по всему, не слышали, как звала Элеонора. Я украдкой смотрю на Клару. Мы оба в ужасе.

- Она была тут. Сидела в коробке, представляете? – Лицо Элеоноры сияет от восхищения. Она подается вперед и внимательно смотрит на заднюю стенку шкафа. – Прямо как платяной шкаф из Нарнии, – говорит она. – Настоящее волшебство!

- Не мели ерунду, – резко осекает ее Джейк. – Кто-то ее сюда принес. – Он присаживается рядом и забирает коробку. – Шурий отсюда и закрой за собой дверь.

Глядя на него с Джорджи, я сглатываю приступ тошноты. Джейк мрачно смотрит на Элеонору:

- Иди, говорю, и поищи остальных. И больше не ори.

Элеонора открывает рот, но, видя, что мы с Кларой молчим, делает, как было велено.

Дверь с щелчком закрывается, и несколько секунд в комнате царит тишина. Джейк смотрит в коробку, а потом гладит птицу по голове. Ласково и осторожно, чему я от души удивляюсь. Впрочем, в воздухе так и трещит напряжение.

- От крыла разит, – говорит наконец Джейк и

вытаскивает Джорджи из коробки.

Джейк прав, крыло воняет. Как ни старались мы с Кларой промывать рану, из нее сочится все больше гноя, а птице становится только хуже. Рана не заживает.

- Он мой, - быстро говорит Клара. – Не трогай его. Я нашла его в саду. Хотела вылечить.

Джейк поднимает голову:

- Когда ты его нашла?

По его лицу ничего понять нельзя. Джейк кладет птицу себе на колени и осторожно расправляет раненое крыло. С моего места видно грязные перья. Джорджи тихонько щебечет. Не будь мы в ловушке жуткой, острой тишины, я бы не услышал.

- Недавно. – Клара падает на колени рядом с Джейком, а я стою как истукан и не знаю, что сказать и что сделать. – Не обижай его.

Джейк смотрит на нее с каким-то неясным отвращением:

- Зачем мне его обижать?

Клара молча и неуверенно пожимает плечами.

Мы балансируем на тонком канате – это ясно. Мало того, я чувствую, что мы вот-вот сорвемся, но не понимаю почему.

- Он умирает, – говорит Джейк. – Эта вонь – от яда в его организме. Крыло гниет. Надо было оставить его там, где нашла. Все случилось бы быстрее.

- С чего ты вдруг экспертом стал? – ляпаю я, не успев подумать.

Джорджи наш. Наш с Кларой. Мы его вылечим и отпустим на свободу. На глаза Клары наворачиваются слезы. У меня горит лицо.

- У меня дядя в животных шарил. Любил поохотиться, - отвечает Джейк, даже не глядя на меня, как будто я ноль без палочки. – Значит, он твой, Клара? Ты его здесь спрятала?

Она пытается улыбнуться:

- Да. Хотелось иметь хоть что-то, что принадлежит только мне.

Джейк медленно кивает, словно обдумывает какую-то мысль. Никогда не видел его таким спокойным.

- Если это твой секрет, - тихо говорит он, - то откуда в коробке его толстовка?

Лихорадочно придумывая ответ, Клара открывает рот, а я смотрю на свою толстовку на дне «гнезда» Джорджи, покрытую птичьим пометом и перьями. Вот и все. Мы сорвались с каната и падаем на землю. Но хуже всего – лицо Джейка. Смущенное. Обиженное. По глазам видно, что он вспоминает, как крутился вокруг Клары, стараясь привлечь ее внимание. Как она смеялась над его дурацкими шутками и все это время делила тайну о Джорджи со мной. О ночах Джейк ничего не знает, но того, что ему сегодня открылось, достаточно. В его глазах стоит боль, на которую я не могу смотреть. Клара ему нравилась. По-настоящему нравилась.

- Понимаешь...

- Я все понимаю, - перебивает меня Джейк. Он до сих пор ласково гладит птицу по голове. Джорджи льнет к его руке, будто чувствует, сколько заботы в этом прикосновении. Мир встал с ног на голову. – Не дурак.

- Послушай, Джейк, ты мне нравишься, но... - Клара протягивает к нему руку, и мне хочется

сказать ей, чтобы остановилась, иначе будет только хуже.

Джейка сжигает злость. По нашей милости он чувствует себя конченым идиотом, и этого не исправишь словами, в которых звучит одна лишь жалость. Хочется сквозь землю провалиться. Или убежать в пещеру. Быть где угодно, только бы не здесь.

- Ой, блин, заткнись, - устало говорит Джейк, и это пугает меня больше, чем если бы он орал. – А теперь валите оба и ждите за дверью. Смотреть на это вам точно не захочется.

- Что ты задумал, Джейк? – Глаза щиплет от слез. И голос у меня – как у скулящего ребенка, младше Уилла. Ничего не могу с собой поделать. – Не вымешай злость на Джорджи. Ударь меня или еще что-нибудь.

Джейк резко разворачивается и рычит:

- По-твоему, я стану вымешивать злость на большой птице? Да кем, черт возьми, ты меня считаешь? И кем, мать твою, ты себя возомнил? Ты ни хрена обо мне не знаешь. – Он все еще с невероятной осторожностью держит Джорджи, но слова вылетают изо рта, как осколки стекла. – Я сделаю то, что должен был сделать ты. Избавлю его от страданий. А теперь пошли на хрен. Оба.

Его трясет. Злость, стыд и унижение смешались и породили кошмарную ярость. Клара плачет и гладит Джорджи, но тот даже не поднимает головы. Джейк прав. Мы себя обманывали. Джорджи не поправится.

- Идем, - тихо говорю я и, взяв за руку, помогаю Кларе подняться.

Джейк на нас не смотрит. В голове бардак, в

ушах гудит. Я с трудом сглатываю ком в горле. Выходя из комнаты, мы не оглядываемся, но, как только оказываемся за дверью, Клара, рыдая, падает мне на грудь. Я ничего не говорю, только крепко обнимаю ее, а она – меня. Мы цепляемся друг за друга, словно нам больше некуда податься. Может быть, так оно и есть.

Понятия не имею, сколько проходит времени к тому моменту, как Джейк открывает дверь и выходит в коридор. Наверное, максимум минута, но кажется, что больше. Я думаю о том, как быстро билось сердце Джорджи под моими пальцами. И как сильно Кларе хотелось выпустить его на свободу.

Забирая у Джейка коробку, я вижу, что Джорджи больше нет. В «гнезде» мертвое, неподвижное тело птицы с головой, повернутой под странным углом.

- Похороните, если хотите, - говорит Джейк и спускается по лестнице.

Я смотрю, как он уходит. Клара все еще плачет, но меня внезапно начинает больше беспокоить Джейк. Ничего еще не кончено.

- Мы играем, или как? – На первом лестничном пролете нас встречает Уилл. – Что происходит? И куда Джейка понесло? – Он замечает раскрасневшееся лицо Клары и озадаченно добавляет: - А Клара-то чего плачет?

- Заткнись, Уилл, - угрюмо цежу я, проталкиваясь мимо. – Потом поговорим.

Наверняка Элеонора ему расскажет. Еще до ужина все обо всем узнают.

Дождь ледяной. Ветра нет, поэтому потоки

жутко холодной воды льются прямо на нас, пока мы голыми руками выкапываем в мокрой земле ямку. Волосы Клары намокли и выпрямились. Под ногти забивается грязь. Мы оба дрожим, но я не чувствую холода. Знаю, что промок до нитки и не на шутку замерз, но почему-то меня это как будто не касается.

Беру Джорджи из коробки и осторожно укладываю на сырую землю. Он все еще завернут в мою толстовку. Глупо, конечно, но мне не хочется, чтобы ему было холодно, хотя тепла в маленьком тельце уже не осталось. Джорджи ел червей, а теперь черви будут есть его. Эта мысль пришла сама по себе, и я незаметно вздрагиваю.

- Прощай, Джорджи, - еле слышно в шуме дождя говорит Клара. Вода стекает по ее лицу и капает с носа. Не знаю, плачет ли она. – Мне очень жаль, что ты так и не улетел.

Очень бережно мы закапываем ямку, словно Джорджи еще что-то чувствует. По веткам деревьев потоки дождя выбивают жуткий похоронный ритм. Если бы не ливень, вокруг царила бы пугающая тишина.

Внезапно я вспоминаю об Эллори и Генри. И обо всех остальных. Они тоже лежат где-то совсем одни в сырой холодной земле. Хотя, может быть, нас кремируют. Не знаю, что лучше и что бы я предпочел для себя. А потом вспоминаю, что теперь все они превратились в ничто и ничего уже не чувствуют. Сгусток в животе разгорается так жарко, как еще ни разу с первого поцелуя Клары.

- Напитай деревья силой, дружочек, - продолжает она, - и долети до самого солнца.

Я смотрю на нее. От холода губы побледнели, и

на белой коже ярче проступили веснушки. Слова, которые она только что сказала, прозвучали красиво и почему-то успокаивающе. Как спасательная лодка в океане смертельного ужаса. Сердце сжимается, а в животе, наоборот, рассасывается сгусток. Здесь и сейчас я понимаю, что люблю Клару. И эта любовь живет глубоко внутри меня.

Переодеться мы не успеваем. Звенит звонок, и на ужин приходится идти мокрыми и грязными. Наш вид сразу выдает, что мы будто существуем отдельно от остальных. Когда я кладу на тарелку горох и кусок запеканки с мясом, медсестры и бровью не ведут. Неудивительно. Какой смысл говорить нам переодеться в сухое и отогреться? Кому какая разница, подхватят дефективные грипп или нет?

По глазам вокруг видно, что народ уже слышал историю про птицу. И все же я не оглядываюсь на Клару, пока мы с ней идем к разным столам. На стол Джейка я тоже не кошусь, хотя слышу оттуда приглушенный смех. Смотрю строго вперед, и все.

- Так это... - начинает Уилл, явно пытаясь понять, что к чему. - Когда вы птицу-то нашли?

- Ее нашла Клара. - Я запихиваю в рот вилку с едой и заставляю себя жевать. Есть совершенно не хочется, но еда горячая и согревает изнутри. - А потом рассказала мне. Ничего особенного.

- Когда? - Луису тоже любопытно.

Я знаю, что они делают. Пытаются сопоставить дни, чтобы понять, когда все это могло произойти.

- Точно не помню. Может, как-то днем, когда я спал. - Кажется, неплохо для вранья. Луис с Уиллом

давно уяснили: пока я сплю, лучше меня не доставать.

Оба кивают, но я сомневаюсь, что они купились на мою байку. Луис точно нет. Он слишком умен. У него мозги как компьютер.

- Почему ты? – угрюмо спрашивает Том, не поднимая от тарелки головы. А когда наконец смотрит на меня, не заметить неприязни мог бы только слепой. Наверное, он был наполовину готов к тому, что Клара выберет Джейка, и тут на сцене появился подвох в моем лице. – Странно как-то. Вы ведь даже не общаетесь.

- Иногда общаемся, - как ни в чем не бывало пожимаю плечами я. – Может, я просто вовремя подвернулся.

- По-моему, она по тебе сохнет, - ни с того ни с сего ляпает Уилл с озорной ухмылочкой. – А ты сохнешь по ней. Одного не пойму. Зачем от нас такое скрывать?

Я пытаюсь испепелить его взглядом, а он еще шире улыбается.

- Вы уже тискались? Она теперь твоя подружка?

Том плялится на меня, наполовину ожидая ответа и наполовину не желая его слышать.

- Блин, отвянь, - бурчу я.

- Наверняка так и есть, - вмешивается Луис. – Джейк на взводе. Выгнал из-за своего стола весь Божественный Отряд.

Я смотрю на народ из седьмой спальни. Луис прав. За столом только Джейк, Элби и Дэниел. О чем-то разговаривают, смеются. Дэниел украдкой косится на нас. Точнее на меня. Эшли, Гарриет, Джо и еще несколько человек пересели за свободный стол в другом конце столовой недалеко

от Клары с Элеонорой.

- Что он с нами сделает, Тоби? - спрашивает Луис. - За последние несколько дней здесь воцарилось затишье. Народ даже время вместе проводил.

Я вижу, что он нервничает, и знаю почему. Джейк проявил слабость, и ему это явно не нравится. Придется защищать свой имидж. В конце концов, больше у него ничего нет.

- Поживем – увидим, - бормочу я.

Мне их жаль. Не хочу, чтобы им грозили неприятности. Не хочу, чтобы они боялись. Но еще больше мне жаль, что все обо всем узнали. А вдруг из-за этого все испортится? Я не хочу, чтобы портились наши с Кларой отношения.

- Надо сказать Кларе и Элеоноре, чтобы садились к нам за стол, - спокойно говорит Уилл, запихивая в рот хлеб с маслом. - Если уж Клара твоя подружка, глупо сидеть порознь. К тому же она прикольная. И Элеонора тоже. Правда, Луис?

Луис кивает:

- Как для девочки – ничего.

- Джейку это не понравится, - замечает Том.

- Джейку это уже не нравится, так какая разница?

Иногда я думаю, что Уилл намного умнее, чем кажется на первый взгляд.

Пообедать было решено на склоне холма, ведущем к теннисным кортам внизу. Технически, еду надо было съесть в столовой, но от жары и духоты хлеб в бутербродах Тоби и так стал сырьим. Впрочем, есть почти не хотелось. На перемене Джонси купил чипсы, а из бутербродов, которые

приготовила мама Тоби, друзья скатали рулеты. Сидя по-турецки прямо на траве, Тоби открыл банку кока-колы, сделал большой глоток и громко отрыгнул.

- Да-да, - рассмеялся Джонси, - так ты точно залезешь в панталоны к Джули Маккендрик.

- Отвали уже, - ухмыльнулся Тоби.

- Во сколько, говоришь, будет вечеринка?

- Фиг его знает. Где-то около восьми, наверное.

Тоби посмотрел на отверстие в банке с шипящей жидкостью. Он еще не сказал Джонси, что не хочет идти на вечеринку вместе с ним. И дело вовсе не в желаниях самого Тоби, а в том, что Джули пригласила его одного. Значит, он не мог взять с собой друга, верно? Так он говорил себе снова и снова, чтобы не чувствовать себя виноватым, но в глубине души просто-напросто боялся, что в присутствии Джонси окажется на вечеринке не в своей тарелке. Или упустит шанс побывать с Джули наедине. Вместе Тоби и Джонси – всего лишь два отстойных девятиклассника, а в одиночку у Тоби хотя бы была возможность притвориться кем-то другим. И все равно он казался себе последним куском дерьма.

- Похоже, нам предстоит круто провести время. Ты побудешь с Джули, а я возьму на себя ее подружку. – Джонси лег на траву и широко улыбнулся. – Слышал, она отсасывает направо и налево.

- Ага, конечно. Можно подумать, и тебе отсосет. Придется сначала накачать ее по самое не хочу. Как-то я сомневаюсь, что минет без сознания вообще возможен.

Джонси обозвал Тоби придурком, и друзья

расхохотались. День был замечательным. Настроения не портила даже взбучка по поводу ненаписанного реферата по истории. Теби не хотелось, чтобы такой день чем-то омрачался. Высоко в небе ярко светило переполненное надеждами солнце, а завтра, очень вероятно, Теби удастся пообщаться с Джули в темном уголке. Значит, Джонси он все завтра и расскажет. Может быть, напишет сообщение или еще как-нибудь. Всегда можно сказать, что Джули просила никого не приводить.

- А знаешь, Тобс, может, и на нашей улице начинается праздник, - с довольным видом протянул Джонси. – Может, мы наконец-то станем крутыми.

Говорил он так спокойно, что на душе у Теби заскребли кошки. Может быть, стоит все-таки взять Джонси с собой. В конце концов, они ведь лучшие друзья. А если с Джули светит задница (Теби улыбнулся собственной шутке), то Джонси может даже пригодиться. Наверное, надо перестать вести себя, как поверхностный кретин. И все же при мысли о том, чтобы заявиться на вечеринку вместе Джонси, который сто процентов будет улыбаться во все зубы, как какой-то перевозбужденный недоумок, Теби хотелось съежиться от стыда.

Откуда ни возьмись появился футбольный мяч и попал по Джонси, вырвав обоих из мечтательного предвкушения. Если точнее, удар пришелся по банке, расплескав сладкий липкий лимонад на футболку и лицо друга.

- Какого хрена? – Взбешенный до белого каления, Джонси тут же вскочил на ноги и заозирался в

поисках шестиклассников. – Что за ублюдок это сделал?!

Тоби тоже встал, нечаянно разлив колу на траву, и прищурился, глядя на группу приближавшихся парней. Под палящим солнцем трудно было рассмотреть их лица, но все они были довольно высокими.

- Кого ты ублюдком назвал?

Билли. Это был Билли из выпускного класса. Кто же еще? Сердце Тоби на миг замерло, а Джонси заметно ссупутился.

- Извини, Билл, я не знал...

- Не называй меня Биллом. Меня никто так не называет.

- Идем, Джонси, - пробормотал Тоби, собирая с травы вещи. – Дви...

Но не договорил. А хотел сказать «Двигаем отсюда! И поскорее!», как вдруг увидел ее. Среди ребят, которые пришли вместе с Билли, была и Джули Маккендрик, которая сейчас смотрела прямо на Тоби.

- Ты разлил его лимонад, чувак. Он весь в липкой дряни. Будем считать, вы квиты.

Он понятия не имел, кто его дернул за язык. У Джонси чуть глаза из орбит не вылезли. Порой даже младшеклассники ведут себя, как взрослые, но Билли – совсем другое дело. Пусть он здоровый бугай, но мозгами остался глубоко в детстве. Еще будучи мелким пацаном, он уже был злобным гадом. Таким и остался. Потому что Билли жил ради таких моментов, как этот.

- Тебя кто спрашивал?

Тоби посмотрел на Билли, а потом на стоявшую чуть дальше Джули Маккендрик. Если

дойдет до драки, сильно ли его покалечит выпускник? Узнавать ответ на этот вопрос не хотелось. Но еще меньше хотелось позориться перед Джули, а значит, трусливо уйти – не вариант. К тому же Тоби был взвинчен, а Билли наверняка уже великоват для подобного дермана.

- Я просто говорю, что не хрен быть козлом. Бери свой мяч и оставь нас в покое.

Билли расхохотался. Смех вышел коротким и сильно смахивал на удивленный лай. Широченная грудь затряслась. У Джонси был такой вид, словно он впервые видел Тоби.

Билли шагнул вперед.

- Да кто ты, мать твою, такой?

- Может, вернемся в школу? – предложила Джули. – Жара невозможная.

Она неловко переминалась с ноги на ногу, явно не веря, что Тоби справится с Билли. В коконе собственного страха Тоби был с ней целиком и полностью согласен.

- Слушай, делить нам тут неч... - начал он, глядя, как Билли расправляет плечи, готовясь к драке, как вдруг, словно ожившее чудо, раздался громкий свист.

- Эй, ребятки! Что бы вы там ни задумали, советую притормозить. – К ним решительно шагал физрук, мистер Мейсон. – И еду с земли поубирайте.

Джонси торопливо засеменил к школе.

- Пойдем, Тобс.

Еще несколько секунд Тоби смотрел Билли в глаза.

- Пошел отсюда на хрен, недомерок.

Уходя, Тоби изо всех сил старался идти

спокойно, но ноги бешено тряслись. Когда он проходил мимо Джули, она подмигнула ему с улыбкой, и ноги почему-то затряслись еще сильнее.

Глава 13

Открутив шарик от прута в изголовье кровати, я осторожно достаю смятый сверток из туалетной бумаги и добавляю к своей коллекции сегодняшнюю таблетку. Поначалу каждая пилюля становилась маленькой победой, но теперь их очень много, и я не перестаю думать, что мое время на исходе. Кто из нас станет следующим? Снова сворачиваю мятую бумагу и заталиваю обратно в прутик. Нужно обдумать вещи поважнее неизбежной смерти, которая, если быть до конца честным, даже в самые жуткие минуты все равно остается далекой абстракцией. Каждый из нас, как и Генри, снова и снова переживает момент под названием «Здесь какая-то ошибка». Я не исключение. По крайней мере до тех пор, пока не загремлю в лазарет. Или пока не ощущаю странную боль, которая заставляет задуматься, нормально это или настала моя очередь. Тогда я мчусь в ванную, сажусь в воду и с бешено колотящимся сердцем по несколько раз провожу уже привычные проверки. Но большую часть времени пугающая пустота все-таки кажется чем-то таким, что происходит с другими и никогда не произойдет ни со мной, ни с Кларой. Никогда. Нам с ней здесь не место. Мы обязательно убежим.

Я нахожу ее в комнате отдыха. Никому из нас сегодня не хочется есть. Мы стоим на коленях на старом диване и смотрим в окно на бесконечный

дождь. Без Джорджи дом кажется больше. Птенец стал частью нашей жизни, а теперь его нет. От переживаний у Клары напряженное лицо. Непривычно видеть ее такой.

- Если хотите, можете с Элеонорой в столовке сидеть за нашим столом. Это Уилл предложил. Помоему, хорошая идея.

Голос у меня воодушевленный, потому что и настроение вроде неплохое. Видимо, мой черед побывать беззаботным. К тому же Уилл прав. Что толку трусить и притворяться, будто ничего не изменилось? К чему тратить время на взаимный игнор только из-за того, что могут подумать другие?

Клара прикусывает губу.

- А как же Джейк?

- Он уже в бешенстве. Ну, взбесится еще сильнее. И что с того? – улыбаюсь я. – Да и какая нам разница, что он там подумает? Он же тебе не отец. Это наша с тобой жизнь. Неужели мы обязаны быть несчастными, только чтобы сделать счастливым его?

- Может быть, я во всем виновата. Ввела его в заблуждение.

- С чего ты взяла? – Кто-то будто прокрутил во мне острый нож. – Ты же с ним не целовалась?

Сам знаю, это глупо, но до сих пор иногда вспоминаю то свидание в комнате отдыха.

- Нет, конечно. Но я знала, что нравлюсь ему. Может быть, я дала ему повод.

- Ни в чем ты не виновата. А он переживет.

Молча я загадываю желание, чтобы приехал еще один фургон с кучей симпатичных девушек. Если у Джейка будет выбор, ему будет легче. Да и Тому тоже.

- Странно, что люди о нас знают, правда? – тихо говорит Клара. – Как думаешь, теперь между нами все изменится?

В жилах стынет кровь.

- С чего вдруг? Тем более никто не знает и половины того, что происходит на самом деле. Ну знает народ о Джорджи. Знает, что мы друг другу нравимся. Но вот об этом не знает вообще никто. – Я осматриваюсь во мраке, в котором мы с Кларой изо всех сил стараемся жить.

- Но ты ведь можешь измениться. Начнешь вести себя иначе на глазах у других людей. Тебе будет стыдно или еще что. Знаю я, как поступают мальчики.

Так вот что ее беспокоит! Неужели она всерьез переживает из-за моего поведения? Вконец обалдев, я смотрю на Клару, пока она не поворачивается ко мне. По плечам струятся и вьются волосы, точь-в-точь как у русалки.

- Я люблю тебя, Клара. – Слова вырываются прямо из самой души. От них воздух будто звенит, и в этом звоне растворяются последние пылинки призрака Джули Маккендрик. Да и не была она никогда настоящей. Так, пустая ребяческая фантазия. – Я никогда и никого так не любил. Не мог. Не умел. До сих пор. И плевать, что уготовило нам будущее.

- Ты серьезно? – наконец еле слышно шепчет Клара.

Я киваю. Серьезнее некуда. Хотя все равно чуть-чуть чувствую себя кретином, потому что сказал такое вслух.

Несколько секунд спустя Клара улыбается и бросается мне на шею.

- Что ж, тогда все в порядке. С этим Джейку точно не тягаться.

Клара не говорит, что в женской ванной наверху Джейк написал фломастером на зеркале «ШЛЮХА». Зато Элеонора рассказывает об этом Уиллу и Луису, а те, ясное дело, мне. Целый час они оттирали зеркало, чтобы не увидели медсестры. Прошло три дня с тех пор, как Джейк узнал обо мне и Кларе, и на первый взгляд кажется, что ему на это глубоко наплевать. Он по-прежнему с важным видом расхаживает по коридорам, смеется и шутит со своими соседями по спальню, а в столовой даже не косится на наш стол и вообще никак нас не замечает. Но он злится, и от этой злости воздух в доме трещит, как от тока. А все потому, что Джейк чувствует себя идиотом. Мы все это знаем. Чувствовать себя идиотом для таких, как Джейк, – дело опасное. Интересно, сколько он наврал Дэниелу и Элби о том, что было у него с Кларой? Зуб даю, Джейк нагородил дерьяма выше крыше, расписал в подробностях, что якобы делал с Кларой, а теперь все в курсе, что это вранье. Само собой, никто вслух ничего не говорит, но всем и так все ясно.

Для нас с Кларой все не так страшно, потому что мы есть друг у друга. Большую часть времени днем мы мечтаем о будущем или планируем, как проведем ночи. А вот для остальных атмосфера в доме стала невыносимой. Словно кто-то провел невидимую линию, и если ты оказался не на стороне Джейка, дела плохи. Седьмая спальня больше не пускает Тома в музыкальную комнату, хотя до сих пор он торчал там с ними каждый

вечер. Младшие дети почти не заходят в комнату отдыха, потому что боятся при Джейке сказать или сделать что-нибудь не то. А ведь война между двумя нашими спальнями их вообще не касается. Луис с Уиллом сделали себе логово в одной из пустых спален, но, стоит им оттуда уйти, кто-то устраивает там погром. Перемены не коснулись только Божественного Отряда, но на него уже перестали обращать внимание. Даже когда Эшли возвращается в спальню на ночь, мы разговариваем так, словно его нет. В конце концов он бросил попытки вписаться в нашу компанию.

После обеда Клара предлагает сыграть в карты, и я ухожу на поиски колоды. Из музыкальной комнаты доносятся звуки, громкие и слегка невпопад. Значит, можно спокойно зайти в комнату отдыха. За прошедшие три дня мы с Джейком стали как отталкивающиеся магниты. Ходим по дому в разных направлениях и стараемся не пересекаться. Жаль, что Джейк не врезал мне по морде. Может быть, тогда бы все закончилось. Но он не может, иначе привлечет внимание Хозяйки. Вот мы и увязли по уши в холодной войне, чтобы не нарушать неписаные правила.

Видимо, репетицию группы слышу не я один. В комнате отдыха то тут, то там группками сидят дети. Разговаривают, читают, играют в настольные игры. В углу сидят Уилл с Луисом и печально глазируют на какую-то картонную коробку.

- Что стряслось? – спрашиваю я.

- Ничего. – Луис торопливо закрывает крышку, а Уилл наклоняется вперед, чтобы прикрыть собой коробку.

Вот только он слишком маленький, и я все

равно успеваю рассмотреть зазубренный край сломанной доски.

- Показывайте.

- Да ерунда это, Тоби, честно, - тараторит Уилл, но горестное выражение лица никак не вяжется со сказанными словами.

Я забираю коробку и заглядываю внутрь. Там сломанная шахматная доска, раздавленные каштаны и порванные страницы книги, которую читал Уилл.

- Не так уж мне нравится читать, и конец истории может рассказать Элеонора. А шахматную доску мы новую сделаем, правда, Луис? В комнате для рисования картона завались.

- Вот именно, к тому же каштаны мне уже поднадоели.

Я все еще смотрю в коробку. В животе бурлит что-то горячее. Дыхание учащается.

- Только не делай глупостей, Тоби, - нервничает Уилл. – Оно того не стоит.

- Они же в музыкальной комнате, так?

Лицо горит. Я по-прежнему смотрю в коробку. Шахматная доска, книга и каштаны. Вещи, которые что-то значили для Луиса и Уилла. Наверняка они все прятали, надеясь, что Джейк со своими прихвостнями ничего не найдет. Кто дал им право ломать чужие вещи? Что такого сделали Луис и Уилл Джейку, чтобы дать ему повод уничтожить жалкие пожитки, которые хоть немного скрашивали их невыносимую жизнь? Кем, мать их, возомнили себя ублюдки из седьмой спальни?!

- Что ты задумал, Тоби? – спрашивает Луис.

Меня осеняет. Идея глупая, совсем детская, но блестящая.

- Идемте, - говорю я.

Мальчишки переглядываются, пожимают плечами и вскакивают на ноги.

- Значит, поквитаемся? – улыбается Луис.

Уилл ковыряет ногти.

- Может, не стоит...

- И что? Позволим им и дальше ломать твои вещи?

- У меня ничего больше нет, - печально вздыхает Уилл, и до меня в полной мере доходит, что именно натворила седьмая спальня. – Они все сломали.

- Тогда вперед.

В нашей спальне мы берем свои чашки и в ванной наполняем их до краев водой.

- Что будем делать? – шепчет Уилл.

Не знаю, почему он говорит шепотом. Вокруг ни души.

- Скоро узнаешь.

Мы осторожно несем чашки к седьмой спальне. Из музыкальной комнаты не доносится ни звука. Я иду впереди. Сердце бьется, как сумасшедшее. Но мне хорошо. Давно надо было это сделать.

- Осторожнее, дурень, - смеется у меня за спиной Луис. – Чуть на меня все не пролил.

- Извиняюсь, - шепчет в ответ Уилл. – В ноге колет. Отсидел, наверное.

- Быстрее, - говорю я и открываю дверь.

Четыре постели аккуратно заправлены. В спальню чисто, как и любит Хозяйка. Все мы здесь ведем двойную жизнь. С одной стороны, делаем все возможное, чтобы Хозяйка нас не замечала, а с другой, изо всех сил стараемся оставаться самими собой. После Генри даже Джейк перестал

выделяться на глазах у местной власти.

Я отодвигаю одеяло и верхнюю простыню на кровати Джейка и выливаю воду прямо в центр матраса. Уилл громко ахает.

- Вот блин! – еле слышно выдыхает Луис.

- Лейте, - говорю я, - а потом заправьте кровати. И побыстрее!

Я уже разглаживаю верхнюю простыню и одеяло на кровати Джейка, аккуратно заправляю край и подворачиваю уголок, как все мы делаем каждое утро.

- Они ни о чем не узнают, пока не лягут спать. Ну и что им потом делать? Жаловаться?

Я знаю, что жаловаться никто не станет. Придуркам из седьмой спальни придется уживаться с влажными матрасами до следующего дня стирки. Если медсестры заподозрят, что идет война, нас начнут пичкать снотворным помоющим, а может, и чем-нибудь похуже. И все-таки сегодня ночью нам с Кларой придется быть начеку. Как знать, насколько сильное то снотворное, что нам дают сейчас? Может быть, седьмой спальне уснуть сегодня не светит.

- Держу пари, они нас возненавидят, - замечает Луис, но я слышу, как он смеется.

Спускаясь вниз, мы весело хохочем и перешепываемся о том, что натворили. У музыкальной комнаты Уилл широко улыбается. Начинает казаться, что его физиономия вот-вот треснет.

- Четвертая спальня рулит! – говорит он.

Как будто мы вернулись в обычную школу.

- Постарайтесь вести себя как ни в чем не бывало, - советую я. – Не будем внушать им

подозрения до отбоя.

- Ох и взбесятся же они! - Луис едва не подпрыгивает. Сомневаюсь, что за всю свою серьезную, напичканную учебой жизнь он когда-нибудь делал что-то подобное. Вряд ли в прошлом гения было много Джейков.

- Еще как. Но об этом будем переживать потом.

- А я и не переживаю. - Грудь Уилла раздувается от гордости. - Оно того стоило.

Их волнение заразительно, и я широко улыбаюсь:

- Согласен.

А Джейк пусть хоть из кожи вон вылезет. Мне плевать. Не хрен было трогать вещи Луиса и Уилла. Сам напросился.

Мальчишки идут в комнату для рисования, где Эшли с Гарриет малютят новую порцию плакатов, прочесть которые соизволит только кучка новообращенных. И Луис, и Уилл с энтузиазмом бросаются на поиски всякой ерунды для новой шахматной доски. Я иду в комнату отдыха и нахожу колоду карт, а когда возвращаюсь наверх, вижу Клару, которая спит у себя на кровати. Несколько минут я смотрю на нее, поражаясь тому, насколько наполненной стала моя жизнь, а потом иду в свою спальню. Я тоже не прочь вздремнуть. Моя-то постель сухая и теплая. Дождаться не могу, когда расскажу обо всем Кларе.

Народ из седьмой спальни дрыхнет всю ночь напролет. Чуть не плача от смеха, мы с Кларой заглядываем в комнату и видим, что все четверо лежат на одеялах в обнимку с коленями, чтобы сохранить хоть какое-то тепло. Жирная задница

Дэниела наполовину вывалилась из пижамных штанов.

- Найти бы сейчас цветочек и засунуть между этими толстыми полупопиями! – шепчет Клара.

Мне становится жалко обитателей седьмой спальни, но потом я вспоминаю поломанную шахматную доску, лицо Уилла и тот факт, что Джейк обозвал Клару шлюхой. Если подумать, Джо пострадал ни за что, но, оставь мы сухой его кровать, Джейк бы просто-напросто забрал ее себе. В конце концов, от этого еще никто не умирал. А Джо пусть у бога своего тепла попросит.

Мы бросаем замерзших и не укрытых и уходим навстречу ночи, которая принадлежат только нам.

На завтрак седьмая спальня приходит, едва не рыча. Взгляды мечут в нас молнии. Мы притворяемся, будто ничего не замечаем, но Уилл и Луис постоянно хихикают.

- В чем дело? – хмурился Том.

- Джейк поиздевался над нашими вещами, ну и мы отомстили, - выбалтывает Уилл раньше, чем я успеваю его заткнуть.

Его распирает от гордости. Они с Луисом смотрят на меня с обожанием и восхищением, как будто я какой-то герой. Как будто я – Джейк четвертой спальни.

- Ничего особенного, - тут же вмешивается Клара. – Последствия надолго не затянутся.

- Почему мне никто ничего не сказал? – пыхтит Том.

- Это был полный экспромт, - говорю я и иду к буфету за тостом.

Заметив меня, Джейк тоже встает. Все смотрят.

Нервы звенят, но я к этому готов. Нам изначально было суждено столкнуться лбами. Видимо, время пришло. Я до сих пор на пике восторга от того, что мы сделали, но, в отличие от Луиса и Уилла, неуязвимым себя не чувствую. К тому же знаю, что последствия будут однозначно, а если кому и принимать огонь на себя, то точно мне.

- Ты, видимо, думаешь, что это охренеть как смешно, - почти не шевеля губами, бурчит Джейк, как только останавливается рядом.

Я беру два белых тоста. Они остывли и чуть-чуть отсырели, но мне сойдет и так. С другой стороны стоит Эшли и наваливает в тарелку пересушенный омлет. Наверняка он нас слышит, но смотрит только на еду.

- Еще как думаю, - улыбаюсь я Джейку и поворачиваюсь так, чтобы вся столовая видела: мне не страшно.

На самом деле, это неправда, но остальным знать необязательно. В конце концов, медсестры глаз с нас не спускают, а значит, сейчас Джейк выеживаться не станет.

- Мы с Кларой не сделали ничего плохого. А даже если и так, Уилл с Луисом тут ни при чем. Забудь уже и живи дальше.

В глубине души я искренне надеюсь, что Джейк прислушается к совету.

- Закрой свой сраный рот! – цедит он сквозь крепко стиснутые зубы. Странно, что у него получилось выговорить хоть слово. – Комната отдыха. После обеда. И никаких синяков на морде.

Значит, мы все-таки будем драться.

- Ладно, проверю свое расписание. Вдруг у меня свидание назначено? Все-таки теперь у меня

есть девушка.

Я подмигиваю Джейку, и пальцы, которыми он сжимает тарелку, белеют. Не стоило бесить его еще сильнее. Даже в честной драке у меня против Джейка ни единого шанса. А что-то мне подсказывает, что драться честно он не будет.

- Дело не в ней, - выдавливает он, и я ему верю.

Клара перестала быть единственной причиной нашего конфликта. Теперь сюда примешалось все, что мы подавляли с самого приезда. Злость, растерянность, страх. Впервые в жизни мне кажется, что подраться будет даже полезно, хотя я точно знаю, что проиграю.

- Я приду, - небрежно бросаю я напоследок. – Ни за что бы не пропустил.

По пути к столу на меня пялится даже Божественный Отряд, а взгляд Эшли прожигает спину.

Утро тянеться еле-еле. Я разрываюсь между уверенностью в себе и мыслями о том, что же я, черт возьми, натворил. Словно опять ухожу по траве от выпускника Билли, но на этот раз никакой фургон не появится и не увезет меня до того, как мне надерут зад. Почти все уроки я пялюсь в окно, но учителям, похоже, глубоко наплевать. Не знаю почему, но все они в хорошем настроении. Говоря «хорошее настроение», я имею в виду, что они изредка выдавливают улыбки и выглядят так же отстраненно, как я. Том передает мне записку, где сказано, что он меня прикроет. Чувствую себя получше. Наверное, он меня простил за Клару. А еще, видимо, не доверяет Джейку.

Начинаю переживать, что Джейк меня чем-

нибудь пырнет, но упрямо думаю, что просто сам себя накручиваю. Скорее всего он ударит меня ногой, повалит на пол и даст Элби и Дэниелу от души меня отпинать, чтобы те тоже отомстили. Ни в одном из сценариев, которые играют в голове, я не выхожу победителем. В лучшем случае мне достанется парочка сломанных ребер. В худшем меня подрежут в печень осколком стекла или еще чем-нибудь острым, и я умру от потери крови прямо на полу в комнате отдыха.

Но на самом деле больше всего я боюсь заплакать. Понятия не имею, каково это, когда тебя бьют. В драке я участвовал лишь однажды, в двенадцать лет. Причем мы даже не дрались, а толкались, крутились и били друг друга ладонями. Джейк сидел в исправительной колонии. Наверняка он хренов эксперт по боли.

Я думаю о шахматной доске, книге и каштанах и поражаюсь, как могла кучка какой-то ерунды втянуть меня в подобное деръмо. Вот интересно, если меня долго и нудно будут пинать в живот (на ногах я точно долго не простоя), это как-то скажется на моей дефективности? От таких мыслей в животе словно копошатся черви, но пути назад нет. Пойду на попятный – больше никогда не смогу посмотреть в глаза ни Кларе, ни Уиллу, ни Луису. Ни даже чертовому Эшли.

К обеду ладони потеют. Я стараюсь держаться как ни в чем не бывало, но часы тикают, и нервы сдают. В конце концов меня начинает подташнивать. Я всегда был обычным шутником. За такими, как я, не бегают девчонки. Такие, как я, не влезают в драки. Даже в те дни, когда казалось, что удача наконец мне улыбнулась и на горизонте

замаячила вечеринка с Джули Маккендрик, я ничего не получил, зато загремел в тюрьму для дефективных.

В конце концов я решаю, что не буду чувствовать себя полным неудачником, если сумею хоть раз треснуть Джейка. Ну и если не расплачусь. Не зареветь важнее всего. Весь обед мне удается строить из себя воплощение спокойствия, хотя я даже не ем, а просто гоняю еду по тарелке. Блевануть еще хуже, чем расплакаться. Разве что получится заблевать Джейку лицо. На этом драка точно сразу же закончится.

- Ты не обязан этого делать, - шепчет мне Клара. – Драться вообще глупо.

Я знаю, она переживает. То и дело поглядывает на стол седьмой спальни, где Джейк спокойно ест, а Дэниел нетерпеливо ерзает на стуле и хихикает, глядя на меня. Его глаза блестят от восторга, и я с трудом борюсь с желанием встать и врезать по жирной роже. Дэниел не Джейк и никогда им не будет.

- Иногда лучше взять и уйти. Да и кому вообще сдался этот Джейк?

Так и подмывает сказать Кларе, что дело даже не в Джейке. До меня вдруг дошло, как он себя чувствует. Нелегко, когда от тебя постоянно чего-то ждут. Сейчас дело в Томе, Луисе и Уилле. Я не могу их подвести. Что будет с Луисом и Уиллом, если они перестанут в меня верить? Может быть, Клара и не против, чтобы я отмазался от драки, но сам я себя изведу. У нас еще не было секса, но если будет, я и так буду в ужасе от мыслей, правильно ли все делаю. Не хватало еще думать о том, считает ли она меня трусом. Да и с чего бы ей хотеть убежать с тем,

кто не может постоять ни за себя, ни за нее? Меня, конечно, тошнит, но еще больше тошнит от того, что драка может не состояться.

Как только я выхожу из столовой, все летит к чертям.

- Тоби? Луис?

В коридоре нас поджидает Хозяйка. Клара с Элеонорой уже ушли, а Уилл с Томом еще едят. От того, что Хозяйка произнесла наши имена, мы застываем. Ее лицо ничего не выражает. Пронзительные глаза глядят на нас без всякого намека на эмоции. Сколько же надо тренироваться, чтобы научиться принимать такой безразличный вид? Мы с Луисом переглядываемся, и я вижу в бледном лице гения отражение собственного страха. Никакого Джейка больше не существует.

- Прошу в мой кабинет.

Хозяйка открывает дверь, и мы заходим. Сердце колотится в горле. Никогда в жизни мне не было так страшно, как в тот момент, когда она произнесла вслух мое имя. Словно приклеенный, Луис жмется ко мне. Его пальцы касаются моих, и на одно ужасное мгновение кажется, что он вот-вот возьмет меня за руку. Переступая порог, я даже начинаю думать, что держаться за руки не так уж и плохо. Чего хочет Хозяйка? Неужели она знает про ночи? Но если так, то почему здесь Луис, а не Клара?

Дверь с щелчком закрывается, и я тяжело сглатываю. Свет кажется слишком ярким, в ушах пульсирует. В кабинете ждет медсестра – та, что с нами разговаривала. У нее в руке шприц. В мыслях всплывает лазарет. Неужели наша очередь?

- Не нужно волноваться, - говорит медсестра.

- Говорить буду я. – Голос Хозяйки спокойный и пустой, но медсестра все равно опускает взгляд, а Хозяйка продолжает: - Нам нужно повторно взять у вас анализ крови. Закатайте, пожалуйста, рукава.

Я вхожу в режим автопилота и непослушным пальцами делаю то, что велено. Медсестра сказала, не нужно волноваться. Может быть, что-то напутали с результатами анализов? Перебираю школьные воспоминания, но не могу припомнить, чтобы кто-то сдавал анализ заново. Возможно, местное оборудование давно устарело. Рядом тяжело дышит и заметно дрожит Луис.

- Все путем, - говорю я. – У меня в школе такое случалось. – Вдобавок улыбаюсь, разыгрываю спокойствие. – Хорошо хоть, это мы, а не Уилл. Нам иголки нипочем.

Луис так на меня смотрит, словно у меня есть все ответы. Он хочет верить в мою ложь. Я тоже хочу в нее верить.

- Хочешь первым пойти?

Луис кивает. Медсестра хлопает по бледному предплечью, чтобы найти вену.

Хозяйка уже сидит за огромным деревянным столом и просматривает какие-то бумаги, будто нас здесь и нет.

Странное местечко этот кабинет. Старомодный, как и все в доме, но вещей здесь больше, чем я уже привык видеть в помещениях. За нами стоит диван и маленький столик с чайником и несколькими чашками в компании с сахарницей и кувшинчиком молока. Над огромным древним ксероксом висят два блеклых пейзажа. Не видно ни компьютера, ни даже телефона.

Главным в комнате все же остается заваленный

бумагами стол, а на стене рядом с ним висит доска, к которой кнопками пришпилены какие-то записки. Что там написано, с моего места не разобрать. Рядом с доской небольшой стенд, где висят всякие ключи. Здесь так тихо, что я слышу собственное дыхание и поскрипывание ручки Хозяйки. И тут до меня доходит, что этот кабинет – сердце дома. Все важное хранится именно здесь.

- Давай руку, - мягко говорит медсестра, и страх возвращает меня к анализу крови, но в голове продолжает зудеть наш с Кларой план.

Зуб даю, на стене висит расписание, когда приходит и отходит лодка.

Игла проникает кожу. Я вздрагиваю и смотрю, как из вены выходит кровь. Повторный анализ, значит. В животе вспыхивает сгусток. Голова кружится, меня подташнивает. Кожа становится липкой. Что бы я ни говорил Луису, сам думаю только об одном: наше время на исходе.

Если мы с Кларой действительно хотим сбежать, то, наверное, лучше поторопиться.

Мы стоим в коридоре и смотрим, как медсестра несет к лифту образцы нашей крови. Видимо, поедет с ними на верхний этаж. В лазарет. Не хочу об этом думать. Хочу думать не об анализах крови, а о лодке. О том, как влезу в святая святых Хозяйки и узнаю, когда лодка снова появится. И о том, как мы с Кларой свалим к чертовой матери с этого сраного острова.

- Думаю, не стоит рассказывать об этом остальным, - говорю я Луису. – В смысле это же самый обыкновенный повторный анализ. Ерунда. Но сам знаешь, какие люди. Никто не видел, как

Хозяйка нас звала. Вот и не надо никому ничего рассказывать.

Луис кивает. Его лицо опять темнеет от страха. Он прекрасно знает, что я имею в виду. Знает, как мы смотрим на заболевших. С любопытством, с надеждой и немногого свысока. Ни ему, ни мне не хочется, чтобы на нас смотрели так же. Сердце несется вскачь, словно кто-то ускорил внутри меня время. Чтобы притормозить его, делаю глубокие вдохи. Я к этому не готов. И вряд ли когда-нибудь буду.

Внезапно осознаю, что очень боюсь, но, кроме того, страшно рассержен. Все это несправедливо. Для каждого из нас.

А в комнате отдыха меня уже ждет Джейк.

Я иду по коридору и вижу у двери группку болтающих детей.

- Нас не пускают, Тоби, - говорит Уилл, в котором бурлит нервозное волнение. – Он там с Элби.

Удивительно, что Джейк не пригласил зрителей. Может быть, переживает, что между ударами могут прозвучать неудобные слова. Он уже облажался с Кларой. Хотя я не прочь указать ему на тот факт, что дракой со мной он никого не убедит, будто бы ему все до лампочки.

- Тогда я пойду с Томом.

Том кивает, и никто не возражает. Брать в качества подмоги Уилла и Луиса не вариант. Чуть дальше по коридору липнет к стене хмурый Дэниел. Видимо, бесится, что его не взяли в общее веселье. Мне его немного жаль. Ему стоит понять, что крутым он уже никогда не станет. Может быть,

тогда он прекратит вести себя, как кусок дерьяма.

- Ты как? – Меня за руку хватает Клара.

- Порядок. – Но внутри я весь горю. Все страхи о том, что со мной может сделать Джейк, испарились в кабинете Хозяйки. – Не спускай глаз с Дэниела и не давай ему приставать к Уиллу и Луису.

В ответ Клара кивает и вдруг, улыбнувшись, целует меня. Ее язык оказывается у меня во рту, и все это видят. Уилл хихикает, Луис тщетно пытается присвистнуть, а Элеонора краснеет.

- Уродская шлюха! – шипит Дэниел.

- Жирная свинья! – тут же отзыается Уилл.

От неожиданности я смеюсь. Уилл больше не испуганный ребенок. Дэниел злобно зыркает. Явно размышляет, стоит ли подраться с Уиллом, вот только он в меньшинстве. К тому же, наверняка за всеми этими запугиваниями и подлецкими фразочками прячется пацан, которого задирали гораздо чаще, чем любого из нас. Очень может быть, Дэниел из тех, кто привык убегать, а не давать сдачи.

А я уже готов ко всему и хочу, чтобы все наконец случилось. Толкаю дверь и вхожу в комнату отдыха. Столы и стулья сдвинули, чтобы освободить место посередине. В углу у окна с задвинутыми занавесками на одном из столов сидит Элби. Как по мне, с занавесками уже перебор. Я никогда не видел, чтобы медсестры или учителя выходили в сад. Да и погода сегодня ни к черту.

Краем глаза замечаю, как Том облюбовал себе удобное местечко, но все мое внимание занято Джейком, который стоит в центре расчищенного пространства. У него стиснуты зубы, а сам он как натянутая струна.

- Напоминаю: никаких синяков на мор...

Договорить я ему не даю. Направляю весь страх и ярость из сгустка в животе прямо в кулаки и с ревом бросаюсь на Джейка. Размахиваюсь и со всей дури бью его в челюсть. К черту его правило не оставлять синяков на морде. К черту вообще все правила.

Джейк отшатывается, прижимает пальцы к рту, из которого сочится кровь, и удивленно смотрит на меня. А у меня пульсируют костяшки.

- Я же сказал, никаких...

Я приседаю, бросаюсь вперед, врезаюсь в Джейка и валю его на пол. Мы тяжело падаем. От моего веса из его легких вышибает весь воздух. Борясь за то, чтобы оказаться сверху, мы катаемся по полу. Комната вертится. Джейк больше и сильнее, но сейчас ему не хватает моей злости. Мне удается схватить его рукой под подбородком. Я тяну его голову назад, рычу и хриплю, как какое-то животное.

Вдруг замечаю, что Том и Элби стоят рядом и в ужасе смотрят на нас. У меня болит череп – Джейк схватил меня за волосы. Я забываю о подбородке и тоже хватаю его за патлы. Драка становится мерзкой и грязной. Мы оба чересчур переполнены подавленными эмоциями, чтобы драться как положено.

- Чего ты, мать твою, так боишься? – выдавливаю я в пылу драки.

Теперь мы – сплошное месиво рук и ног, пропущенных ударов и слепых пинков. У меня так крепко стиснуты челюсти, что зубы вот-вот раскрошатся. Я слабо бью Джейка в живот, а он мощно пинает меня коленом в паре сантиметров от

яиц.

- Ты, сука, охренел?! – цедит Джейк, пытаясь вырваться.

Губа у него треснула не сильно, но уже распухла и, зараза, кровоточит так, что заливает кровью и футболку Джейка, и пол, и меня. Плюс каждое свое слово он буквально выплевывает мне кровью в лицо.

- Что с тобой, на хрен, не так?! – рычу я.

Деремся мы всего пару минут, но оба уже тяжело дышим, и от пота ко мне липнет одежда. Все совсем не так, как в фильмах. Мы уже вымотались.

Дыхание у нас обоих вырывается горячими рывками. Мы смотрим друг на друга. Моя ярость выгорает, и я постепенно остываю. Как только Джейк отойдет от шока, мне несдобровать. А раз уж я нарушил правила, сдерживаться он не станет. Но я устал и драться больше не хочу. Поэтому медленно встаю на ноги. Джейк тоже.

- Прости за Клару и Джорджи, - говорю я. – Мне жаль, что ты думаешь, будто мы выставили тебя идиотом. Ничего такого мы не хотели.

- Ты понятия не имеешь, что у меня на уме, – едко заявляет Джейк.

Я пожимаю плечами:

- Тебе виднее. Но не стоило вымешивать свою злость на Уилле и Луисе. Ты поступил, как конченая сволочь. По-моему, мы вам вполне справедливо отомстили. Ваши постели высохнут, а барахло Уилла и Луиса уже не вернуть. – Я замолкаю, чтобы перевести дух, и прислоняюсь к столу. – Так, может быть, объявили перемирие? Пока все совсем не вылезло за рамки.

Каждое слово отдается болью в груди. Мышцы

во всем теле горят. Драться, черт возьми, не пупковырять грязным пальцем.

Джейк молча сверлит меня взглядом. Том и Элби переводят взгляды с него на меня и обратно. Снова и снова.

- Может, он дело говорит, чувак, - тихо выдает Элби. – Если так продолжать, фиг знает, чем все закончится.

В уточнениях никто не нуждается. В комнате и так маячит невидимая угроза в лице Хозяйки.

- Ладно, - наконец говорит Джейк. – Только под ноги не лезь.

В ответ я киваю. Напряжение спадает, и мои плечи опускаются. Я отворачиваюсь и иду к двери.

- И еще кое-что, Тоби...

Я оглядываюсь, и из ниоткуда мне прямо в челюсть летит кулак. Пару секунд я даже ничего не чувствую, только мощную встряску в позвоночнике от шеи до ног. В глазах темнеет. Ночное небо озаряется разноцветьем звезд. Голова откидывается назад. Я отшатываюсь и врезаюсь бедром в стол, на котором стоит проигрыватель. Едва дыша, замираю и жду, когда мир вернется в привычное русло.

- Твою мать! – Лицо немеет, и слова на языке кажутся густыми и вязкими.

- Вот теперь у нас перемирие, - говорит Джейк, кивает Элби, и они оба выходят из комнаты.

У меня перед глазами все еще круговорть, но я велю ногам двигаться. Если мы с Томом задержимся, все подумают, что я проиграл. Поэтому беру себя в руки и выхожу в коридор сразу за Джейком.

Глава 14

Ночью ясно и так холодно, что даже в теплых свитерах мы берем за стену одеяла. На мне две пары носков, а Клара под джинсы надела легинсы, и все равно, вдыхая морозный воздух, мы то и дело кашляем. Если нам и светит пообжиматься сегодня, то не раньше, чем когда вернемся в дом. Думаю я об этом много, но подождать не против. После анализа крови больше всего хочется забыть о доме и почувствовать вкус свободы. Почему-то меня даже не волнует пульсация в лице и тот факт, что глаз едва открывается. Болит зверски, зато я знаю, что жив. Не позволю постоянному страху опять затащить меня в свою пучину. Может быть, анализ крови действительно ничего не значил. Медсестра же сказала, что не нужно волноваться. Даже если соврала, все равно буду изо всех сил цепляться за ее слова. Сейчас я чувствую себя хорошо. Мне всегда хорошо рядом с Кларой. Она словно в каком-то пузыре, которым делится со мной, и в который не просочатся никакие ужасы.

Из-за одеял мы идем медленнее, но, оказавшись на пляже, со всех ног мчимся в пещеру и радостно смеемся, что вот-вот укроемся от резкого морского ветра, в котором звенит лед.

- Твою налево! Понятия не имела, что бывает так холодно, – выдыхает Клара, когда мы усаживаемся на камне, ставшим нашей ночной скамейкой. – Погодка просто дичь.

Она права. В дожде нет ничего необычного, но такого холода я не припоминаю. Для Англии погода очень странная. По крайней мере в наши дни.

Достав из карманов еду, мы закутываемся в

одеяла. Честно говоря, теплее от них почти не становится, зато в одеяле мне уютнее, хотя уши буквально горят от мороза. Клара болтает о драке, говорит, что все теперь считают меня крутым, но я слушаю вполуха. Мне просто-напросто нравится вот так сидеть, прислушиваться к монотонному рокоту моря, в котором музыкой звучит голос Клары.

- Поверить не могу, что ты ударил его по лицу, - говорит она и ставит зажженную свечу у наших ног, где ее не задует за потрепанным водой камнем. – Жаль, что я не видела.

- Я решил, что другого шанса не будет.

Клара впечатлена, и меня это радует. Вообще-то, после драки все обитатели дома смотрели на меня как-то иначе. Я постоял за себя. Джейк по-прежнему вожак, но все изменилось. К счастью, наши синяки, похоже, нисколько не волновали медсестер. Думаю, им просто наплевать. Рано или поздно нас ждет смерть. Мы подрались и сами разобрались со своим дерзом. Какой смысл устраивать нам еще больше неприятностей? Надеюсь, так оно и есть. Может быть, они знают, что с моей кровью что-то не то, и уже без толку меня наказывать. Может быть. Может быть. Может быть...

- Я знала, что он тебя не побьет. Знала, что ты дашь сдачи.

- Надеюсь, все закончилось. Последние дни были ужасными.

- Как твой глаз?

Я пожимаю плечами:

- Болит. Еле-еле открывается. Выгляжу, наверное, хуже некуда.

Клара притягивает меня к себе и целует в побитое лицо. Губы у нее мягкие, но кожа на моей физиономии натянулась и опухла, поэтому я слегка вздрагиваю.

- А по-моему, очень сексуально, - смеется Клара и, дрожа от холода, придвигается поближе.

Мне нравится, когда она говорит такие вещи. Я просовываю руку под одеяло Клары и обнимаю ее за талию. Жутко холодно, но от одного прикосновения к ней у меня встает. Ничего не могу с этим поделать. Поразительно, как девушкам удается включать и выключать сексуальность. Как они это контролируют?

- Как думаешь, сколько еще ночей до лодки? – спрашивает Клара. – Дождаться не могу, когда окажусь там, где тепло. Хочу быть русалкой из теплого океана, а не из ледяного моря.

- Вряд ли ждать придется долго. Нужно будет потренироваться с маленькой лодкой, когда не будет так холодно. Надо убедиться, что она нас выдержит.

Очень хочется рассказать Кларе о кабинете Хозяйки и о том, что скоро мы, возможно, узнаем, когда появится лодка, но нельзя. Придется рассказать об анализе крови или солгать о том, что я делал в кабинете. Ни рассказывать, ни врать я не хочу. Если расскажу, Клара будет переживать. Тогда буду переживать и я. Хочется, чтобы все оставалось как есть. Чтобы Клара не выисматривала во мне симптомы. Чтобы видела во мне классного горячего парня. От этих мыслей я едва не смеюсь вслух. Наверное, сейчас я идеальная смесь того и другого – точнее где-то посередине. С классным фингалом и еще не совсем замерзший.

Как только мы съедаем бутерброды, Клара внезапно замирает.

- В чем дело? – нервно спрашиваю я.

Вдруг она что-то услышала? Вдруг кто-то пришел на пляж?

Не говоря ни слова, она роняет фольгу от бутерброда, вскакивает на ноги и подходит ко входу в пещеру.

- Что это?

Понятия не имею, о чем она говорит. Встаю и на негнущихся замерзших ногах подхожу ближе.

- Посмотри на небо! – еле слышно шепчет Клара.

И я смотрю. Прямо над горизонтом, чуть выше моря, в ночном небе танцуют зеленые сплохи. То ярче, то тусклее, огоньки вспыхивают во тьме вдоль всего края Земли, и из этих огоньков вверх тянутся тоненькие сияющие ленточки.

Мы молча беремся за руки и по гальке подходим к кромке воды.

- Как красиво! – шепчу я, и мой шепот уносит рокотом волн, но это ерунда.

Клара и без меня видит эту красоту. А небо и правда такое красивое, что в груди что-то сжимается. Не обращая внимания на холод, мы запрокидываем головы. В таком удивительном, неземном зрелище царапающее шею жесткое одеяло кажется чересчур приземленным.

Не знаю, сколько мы так стоим, держась за руки и любуясь небесами. Наши глаза широко распахнуты, а рты приоткрыты. Над первой вспыхивает вторая зеленая полоса, обрамленная ярким фиолетовым свечением, которое расплывается во вселенной, как расплываются чернила на бумаге. Сквозь танцующие цветные

вспышки то тут, то там проглядывают звезды, словно их тоже заворожило удивительное зрелище. Нас так захватило, что проходит не меньше получаса, прежде чем мы с Кларой смотрим друг на друга.

- Волшебство какое-то, - говорит она.

Я с ней согласен. Вся магия и все чудеса вселенной собрались здесь и сейчас только для нас двоих. Я крепче сжимаю ладонь Клары, и цвета в небе постепенно растворяются, превращаясь в обычную ночь. Представление подходит к концу. С бешеным восторгом я наслаждаюсь последними зелеными вспышками, пока нас вновь не окутывает тьма, украшенная отражениями звезд на блестящей поверхности черного моря.

- Как можно чего-то бояться, когда в мире столько прекрасного? – тихо спрашивает Клара, все еще глядя в небо. – В природе столько красоты! Зачем же ее бояться?

Только сейчас я замечаю печаль в ее взгляде. Иногда и Клару настигает страх. Ее жизнерадость продиктована страхом перед лицом смерти. Пусть Клара не тонет в страхе, как тону я, но он таится прямо в ней.

- У русалок вечеринка, - говорю я.

- В смысле?

Клара смотрит на меня огромными сияющими глазами. Печаль исчезает так же быстро, как пришла.

- Где-то под водой русалки празднуют какое-то очень важное событие. Вот почему в небе были огни. Это волшебный фейерверк для русалок.

Клара улыбается. Ей понравилось мое объяснение.

- Я замерз, как черт знает кто, - говорю я и пытаюсь сдвинуть ноги, превратившиеся в ледяные колоды.

Носки промокли. Видимо, был прилив. Значит, скоро взойдет солнце.

- Я тоже. Пора возвращаться.

Мы забираем из пещеры свечу и бредем к дороге, закутавшись в одеяла и обнимая друг друга. Идти неудобно, поэтому мы постоянно спотыкаемся и смеемся. Голова Клары нечаянно бьется о мою, и я вздрагиваю.

- Наверное, твоему лицу досталось от русалочьей магии, - усмехается Клара. – Под глазом точно такие же цвета.

Вернувшись в дом, мы поднимаемся по лестнице. Вдруг Клара поворачивается, долго-долго смотрит на меня и говорит:

- Это было удивительно, правда?

В ответ я киваю. Не умею вести такие разговоры, но хорошо понимаю, о чем речь.

- Вообще все удивительно. Нужно это запомнить.

Она поднимается на цыпочки и целует меня. Неужели она намекает, что мы скоро сделаем «это»? Знаю, не должен я думать о таком после увиденного на пляже. Клара говорила о чем-то духовном. Но удержаться не могу. Ужасно хочется сделать «это» с ней, даже если я облажаюсь. Еще сильнее хочется сейчас, после повторного анализа. В мире куда больше тайн и загадок, чем та одна, что мы видели в небе.

Поцелуй становится отчаяннее. Клара засовывает мою и без того жадную руку себе под свитер, а сама впервые за все время гладит меня

по ширинке. Кажется, я вот-вот взорвусь. Несколько секунд спустя Клара с улыбкой отстраняется. Мы оба тяжело дышим. В глазах у меня потемнело, как после удара Джейка, но на этот раз пульсирует вовсе не лицо.

- Светает, - вздыхает она.

Наше время подошло к концу. Клара снова меня целует, и этот поцелуй короткий и сладкий.

- Спокойной ночи, Король Русалок, - шепчет она и убегает к себе спальню, растворяясь во тьме.

- Может, нам всем дорога наверх, - говорит Том. Он лежит на своей кровати, засунув руки под голову и скрестив ноги, и пялится в потолок. – Может, другого не дано.

Я кошусь на Луиса, который копошится в мешке с туалетными принадлежностями, и мы вместе переживаем приступ парализующего страха. После визита в кабинет Хозяйки лазарет стал чем-то настоящим. Ни Клара, ни северное сияние, ни наша пещера с планом побега не спасают от мгновений, когда от одних только мыслей о лазарете выворачивает наизнанку. Насколько я знаю, никто не сдавал анализ крови заново. Хотя, возможно, кто-то и сдавал, но молчит об этом, как молчим мы с Луисом. Вот только я сомневаюсь. Двоих могут хранить секрет. Если бы таких людей было больше, мы бы что-нибудь услышали. Кто-нибудь наверняка бы проговорился. А это значит, что скорее всего мы с Луисом такие одни, а с нашей кровью что-то не так, что бы там ни говорила медсестра. Люди всегда говорят «не нужно волноваться», даже если поводов для беспокойства хоть отбавляй.

- Я бы не возражал, - отзыается Уилл. – Тогда мы все были бы вместе. Наверное, будь мы все вместе, я бы так не боялся. – Сегодня его лицо отражает все переживания, и он кажется еще младше, чем обычно. – Меня вот пугает как раз то, что я буду совсем один. – На секунду он замолкает. – Жаль, что мамам не разрешают приехать.

- Может, закончим этот разговор? – цежу я, притворяясь, будто мне скучно.

На самом деле сердце несется вскачь, а кожа стала липкой. «Говорят, кровь прямо из глаз брызжет». Жаль, что Уилл хоть иногда не может держать язык за зубами.

- Пришел бы ты в церковь, - встревает Эшли и смотрит на Уилла, продолжая складывать на стуле джемпер и джинсы. – С Богом одиночество тебе не грозит.

Уилл обалдело смотрит на него, а потом вдруг громко смеется:

- Не до такой степени мне страшно.

Я тоже смеюсь. Мы с Томом и Луисом переглядываемся и посыпаем Эшли обратно в скорлупу невидимости. Большую часть времени все мы делаем вид, будто его вообще нет, и это идет на пользу всем сразу.

- Ноги никак не согреются, - бормочет себе под нос Уилл. – Буду спать в носках. В такую погоду нам должны давать дополнительные одеяла. Может, завтра найду ту добрую медсестру и попрошу у нее.

- Странно ведь, правда? – Луис уже залезает в постель. – Не знал, что у нас на севере так холодно.

Лично мне не холодно. Наверное, после ночных прогулок с Кларой выработалась привычка. Как бы

ни было холодно в доме, это не идет ни в какое сравнение с ледяными дождями у моря.

- Все равно хочу знать, куда они свалили, - ворчит Том. – Чем нам теперь по утрам заниматься?

После обеда учителя уехали. Нас отправили по спальням, и мы через окно смотрели, как учителя, у каждого из которых было по одной сумке в руках, залезают в фургоны без окон. Все они болтали и смеялись, а у меня болело сердце. Они уезжали. Возвращались к своей прошлой жизни. Залезая в машины, они даже не оглядывались на дом. За полдником Хозяйка бродила между столами, но ни слова не сказала, хотя в столовой все шептались об уехавших учителях. О нашей с Джейком драке все забыли. Мысли каждого занимали учителя и попытки выяснить, что значит их отъезд.

- По-моему, кое-кто из медсестер тоже уехал, - задумчиво замечает Луис. – Учителей здесь было не так много. Наверное, среди них были медсестры в личной одежде.

Представить не могу, чтобы у медсестер была собственная одежда. В моем воображении их штампуют на какой-нибудь фабрике прямо в отутюженной униформе, с бесстрастными лицами и часами вместе сердец. Не люди они, и все тут. За исключением, может быть, той медсестры, что с нами разговаривала.

Каким-то чудом удается выбросить эти мысли из головы. Я думаю только о Кларе и о том, как она ко мне прикасалась прошлой ночью. Честно говоря, чтобы думать только об этом, никаких усилий прилагать не требуется. Клара весь день у меня в голове. Если я не мочусь в штаны от страха из-за мыслей о лазарете, то думаю о ней. Хотя даже в

такие моменты все равно все мысли заняты ею одной. Будет ли она встречаться с Джейком, когда меня не станет? Не могу представить ее с кем-то другим. Не могу себя представить с другой девушкой. И совершенно не представляю дом без Клары.

С витаминами приходит молодая медсестра. Та самая, в которой я вижу человека. Но после повторного анализа мне в ее присутствии не по себе. Она раздает нам маленькие бумажные стаканчики с таблетками, и мне кажется, что в улыбке, которую она дарит мне и Луису, сквозит жалость. В глаза ей я не смотрю. Вдруг испугаюсь того, что там увижу. Хочу, чтобы было темно. Хочу побыть с Кларой. Молча сую таблетку под губу, глотаю воду и радуюсь, что медсестра не задерживается рядом со мной.

- Почему учителя уехали? – неожиданно спрашивает Уилл, забирая свой стаканчик с подносом. – Все ведь уехали. Случится что-то плохое?

Даже Том садится и плялитя на Уилла. Мы с медсестрами никогда не разговариваем. Вид у Уилла жалкий, и только теперь я осознаю, как он переживает. Как крепко сжал его в тисках страх.

- Нет, конечно, – мягким тоном отвечает медсестра. – Скоро погода ухудшится, а у них смена закончилась. Очень скоро приедут новые учителя. Старые уехали чуть раньше, чтобы штурм не помешал им добраться домой. Некоторые медсестры тоже уехали. – Она тепло улыбается и ерошит Уиллу волосы. – Новые приедут через пару дней. Представь, что у вас начались короткие каникулы.

- А вы почему не уехали? – спрашивает Уилл.

- Не захотела. А теперь укладывайся поудобнее и засыпай.

В этот момент она будто олицетворяет собой всех наших мам, вместе взятых, потому что дарит нам заботу, и кажется, что рядом с ней все не так уж плохо. Медсестра ничего больше не говорит и выключает свет. Оказывается, не я один смотрю на то место, где она только что стояла. В темноте вижу, как Уилл гладит себя по волосам там, где она его потрепала. Такая ерунда! Но такая важная...

Мы все лежим в темноте и молчим.

- Я хочу увидеть рисунок Гарриет, - говорит Клара.

Мы в комнате отдыха, где я перебираю пластинки. За стену сегодня не пойдем. Слишком холодно. И я рассказал Кларе, что медсестра говорила о шторме. Мы ходили к могиле Джорджи и чуть-чуть поговорили с ним. Но даже без ветра воздух казался таким ледяным, что было было дышать. Мы уже полчаса как вернулись в дом, а я до сих пор дрожу.

- Тот, что в церкви? – уточняю я. – Это же прямо у крыла медсестер.

- Они спят. Да и большинство из них уехали. Как знать, может быть, сейчас нас больше, чем их, - улыбается Клара. – Мы могли бы разжечь революцию и захватить дом!

- Ага, и стать подданными короля Джейка, - отзываюсь я.

- Ну, может быть, идея не самая лучшая.

До сих пор Клара сидела на диване, но вдруг одним плавным движением оказывается на ногах. Ей-богу, она меня завораживает. Все в ней кажется

загадочным и таинственным. Тело, разум, форма ладони, когда она лежит в моей руке. Почему девушки так похожи, но при этом настолько отличаются друг от друга?

- Ну давай же! Пойдем посмотрим. Элеонора говорит, рисунок очень красивый. Гарриет весь день над ним трудилась.

Дом стонет и скрипит, пока мы, держась за руки, крадемся вверх по лестнице. В какой-то момент я начал представлять, что дом по ночам становится нашим другом. После Эллори столько всего произошло, что я почти забыл, какие звуки издает лифт. Дом похож на старый галеон, и по ночам вся его команда – это мы с Кларой. По крайней мере мне нравится так думать. Если бы я оказался ночью в таком месте, когда был еще ребенком, то перепугался бы до смерти. Но теперь-то я знаю, что призраков не бывает. Если бы где-то и обитали привидения, то уж точно в доме смерти. Правда, на чердаке здесь водятся чудовища, которые выходят по ночам, но они очень даже похожи на людей. Вообще-то, было бы неплохо встретить настоящего призрака. Так могла бы появиться надежда, что после смерти что-то есть.

Как только мы открываем дверь в церковь, я внутренне встаю на дыбы. Не хочу здесь находиться. Во-первых, слишком близко к медсестрам, а во-вторых, я практическичу в прохладном воздухе запах самодовольства Эшли. С тех пор, как мы были здесь в первый раз, стульев стало больше. Но теперь они стоят не рядами, а полукругом, огибая стол, который, видимо, служит здесь алтарем.

Стены увешаны плакатами. Как только я

замечаю, что написано на цветной бумаге, сердце в груди сжимается. Там имена тех, кто исчез в лазарете. Я читаю, и желудок подпрыгивает в горло. Почерки разные. Писали точно не Эшли с Гарриет.

- Только посмотри на это дермо! – шепчу я.

«Генри.

*Он любил научную фантастику и
компьютерные игры.*

У него был кролик по кличке Мейсон.

Он скучал по маме».

Линии каракулей слегка тянутся вверх. Рядом хреновый рисунок в виде кролика. А ниже подписано:

*«Отныне Господь его пастырь, и он ни в чем не
будет нуждаться».*

Рядом еще один плакат:

«Эллори.

О лучшем брате нельзя и мечтать.

Признанный спортсмен графства.

*Он всегда улыбался и рассказывал анекдоты,
как рок-звезда».*

И ниже:

«Вечная память».

Снова и снова я вижу имена, которые вызывают воспоминания о первых днях и людях, которых я так никогда и не узнал по-настоящему. Эрик, Джуллан, Мак, Кристофер. Под каждым именем – крошечный кусочек из жизни, записанный выжившими соседями по спальням.

- Прямо как надгробия, только без дат рождения и смерти.

Какой смысл всех их помнить? Зачем напоминать самим себе, почему мы здесь?

- Даты и возраст не имеют значения, - тихо

говорит Клара. – Это всего лишь цифры.

Вместо свечи, которую мы украли, стоят несколько других. Клара зажигает все сразу. Мерцающие желтые язычки пламени создают тени, в которых танцуют имена мертвых. Внезапно мне становится очень грустно, и я еще сильнее злюсь на Эшли.

- Смотри. – Клара берет меня за руку.

В комнате три окна, но одно, посередине стены, арочное и больше других. Мы стоим и смотрим на центральное окно. Не знаю, чего я ждал. Может быть, Иисуса на кресте. Или чего-то похожего. Но в свете свечей на стекле проступают яркие краски. Представляю, как все это светится днем.

- Ну разве не красиво? – вздыхает Клара.

В голубом небе сияет огромное солнце. На заднем плане виднеется дом, а на переднем в солнечных лучах держатся за руки улыбающиеся дети. Они купаются в тепле, и их лица полны восторга и радости. Внизу темно-серыми печатными буквами подписано «Дети Господни не одиноки. Мы – семья».

- Идиотизм, - цежу я. Рисунок красивый, но к реальности не имеет никакого отношения. Никто так не воспринимает дом. – Все одиноки. Все боятся. И ничто не спасло имена на стене. Не припоминаю, чтобы кто-нибудь пытался помочь Генри или Эллори.

- Мы с тобой не одиноки, - возражает Клара. – Мне нравится, что о них помнят. Кто-то же должен.

Она все еще смотрит на разрисованное окно.

- Ты же не начинаешь верить во все это дерьмо? – спрашиваю я.

- Нет, - улыбается она и задумчиво качает

головой. – Ни капельки. Но меня не бесит церковь, и не бесят те, кто сюда ходит. Если так они меньше боятся, то какой от этого вред? Мы с тобой, например, есть друг у друга. Каждому что-то нужно.

- Если бы не ты, я бы предпочел справляться со страхом один на один.

- У меня такое чувство, что я всю жизнь была одна. Старалась завоевать одобрение других людей, из кожи вон лезла, лишь бы никого не подвести. – Клара смотрит на меня. – Я рада, что оказалась здесь. Иначе мы бы не познакомились. Я бы не узнала о русалках и не увидела огни в небе.

- Ты же несерьезно, да? – полусмеюсь я.

Не может она всерьез говорить такие вещи. Как бы сильно я ее ни любил, но даже думать о таком не могу.

- Мы сбежим и проживем остаток жизни на теплом солнечном пляже. И будем улыбаться каждый день. А это уж точно, черт возьми, куда лучше того, что спланировали для меня родители. По их задумке, я бы вышла замуж за какого-нибудь молодого чинушу, произвела на свет пару-тройку детей и превратилась в копию своей бедной и несчастной матери.

- Сегодня, наверное, приходила лодка за учителями. А мы пропустили.

Я пытаюсь представить, что незнаком с Кларой, и не могу. Мне в прямом смысле слова больно. Я уже не представляю нас порознь и все же не могу заставить себя радоваться тому, что попал сюда. Ненавижу свой страх перед грядущей неизбежной пустотой. Зато я хоть не похож на Эшли и не притворяюсь, будто мне не страшно.

- Продукты явно не привезли. Так что еще одна

лодка наверняка будет скоро.

Клара права. В мыслях всплывает кабинет Хозяйки.

- Может быть, я нашел способ узнать, когда будет доставка.

- Правда?

Глаза Клары сияют. Пусть она рада, что мы встретились, но оставаться здесь под постоянным давлением лазарета над головой ей хочется не больше, чем мне.

- Может быть. Нужно время, чтобы все выяснить.

- У тебя появились от меня секреты?

Клара игриво подается ближе. Вот только в моем внезапном возбужденном волнении словно провернули нож повторного анализа. Вместо ответа я целую Клару, а вокруг нас, будто звезды, мерцают свечи. Мы целуемся долго-долго, пока Клара не отстраняется.

- В чем дело? – спрашиваю я.

- Мы же в церкви.

- Мы в обыкновенной комнате. – Голова кружится, все тело болит. Одно прикосновение Клары – и я весь горю. – Сомневаюсь, что выдуманный бог может наказать нас за поцелуй в комнате.

- Я вовсе не об этом, дурачок, - говорит она и снова меня целует.

- А о чём?

- Раз уж мы в церкви, давай поженимся.

Я громко смеюсь:

- Священника что-то не видно, а тебе еще шестнадцати нет.

- Возраст не имеет значения, - повторяет Клара

и вдруг становится серьезной. – К тому же, здесь красиво.

Я осматриваюсь по сторонам. Если забыть об Эшли, то, наверное, тут и правда красиво. Думаю о Генри, об Эллори, об остальных. О жизнях, которые закончились. Но мы сейчас здесь, и мы живы.

- Пока смерть не разлучит нас, - тихо говорю я.

- Нет, - улыбается Клара и качает головой. – Навеки. Ты и я.

Навеки. Жизнь до Клары теперь кажется сном. Джули Маккендрик, Билли, приезд в этот дом – все, что было до Клары, меркнет и покрывается серой дымкой. Прошлое стало серым, будущее по-прежнему тонет во мраке, но здесь и сейчас все яркое и четкое.

- Клара, ты выйдешь за меня?

Кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

От улыбки веснушки становятся ярче.

- Да.

- У меня кольца нет.

- Нам оно и не нужно. У нас не такая свадьба.

Купим дешевое серебряное колечко у продавца фенечек на пляже в Индии.

- Так мы в Индию отправимся?

- Почему бы и нет? Весь мир у наших ног.

- Ну и как мы поженимся?

Чувствую себя полным кретином. Еще и в жар бросило. Речи толкать – точно не мое. Ну и что я должен сказать в качестве свадебной клятвы? Мне в жизни не выражить словами все, что я чувствую. Да и нет, наверное, таких слов.

Клара стелет на полу два одеяла.

- Не так, как принято. – На ее щеках вспыхивает румянец. – Может быть, мы могли бы

пожениться так, как задумано природой.

Она поворачивается ко мне, и я вижу, что она нервничает не меньше, чем я. Еще и смущается.

- Ясно, - говорю я, как охрипшая ворона.

Все вены в теле гудят от прилива крови. Даже сглотнуть не получается.

- Если, конечно, ты не против. Но если не хочешь...

- Хочу. - Я в ужасе, конечно, но в том, что хочу, уверен на все сто.

- Не хочу умирать, не попробовав, - шепчет Клара и подходит ближе.

Мы оба так дрожим, что наверняка пламя свечей колеблется из-за нас.

- И это должен быть ты. С тобой все должно быть по-особенному.

Моя девочка-русалка смотрит прямо на меня. Сердце переполняется и вот-вот лопнет. Кажется, поразительные сполохи, что мы видели в небе, сейчас горят во мне. Я взволнован, испуган и стою на краю пропасти... в шаге от прыжка в неизведанное.

- Больно было? - спрашиваю я, когда все закончилось.

Мы лежим в обнимку на одеялах.

Кожа Клары кажется мягкой и нежной, не то, что моя.

- Нет. Я и не думала, что будет больно. Совсем не боялась.

Она целует меня в грудь, а я до сих пор не отошел от случившегося. Теперь все выглядит как-то иначе. Теперь мы люди, которые занимались «этим». Странные ощущения. Не настолько

странные, чтобы перевернуть мир с ног на голову, как мне всегда представлялось, но сейчас кажется, что я стал взрослее. Мы больше не дети. Что-то в нас изменилось. Мы все еще мы, но уже совсем другие.

- Тебе было хорошо?

Вопрос Клары застает меня врасплох. Она произнесла вслух те самые слова, которые я изо всех сил старался не произносить. Все случилось очень быстро, и Кларе пришлось помогать мне на каждом шагу. Зато у меня в голове все время горел страх, что, не дай бог, упадет, да еще и постоянно одолевали мысли о том, что, черт возьми, я должен сделать, чтобы Кларе понравилось. Я прекрасно понимаю, случившееся не прошло на ура, но это стало самым потрясающим, хоть и странным, опытом за всю мою жизнь.

- Хорошо? Лучше, чем хорошо. Это было потрясающе! – На миг я замолкаю. – В следующий раз будем знать, что делать.

Клара смеется, а потом вдруг вздыхает:

- Такое чувство, что во мне что-то изменилось.
- Ага, такая же фигня.
- Но ведь это приятное чувство, правда?
- Очень.

Я смотрю на свечи, которые почти догорели. Они словно улыбаются нам и бумажным надгробиям на стенах.

- Я люблю тебя, Тоби, - еле слышно говорит Клара.

- Я тоже тебя люблю, Клара.

На самом деле я люблю ее так сильно, что кажется, сердце вот-вот разлетится на куски.

В конце концов мы встаем. Смеемся, целуемся,

надеваем ночную одежду, а потом складываем одеяла и одну за другой задуваем свечи. Не хочу уходить от Клары. Не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась.

- Смотри! – вдруг говорит Клара. – Смотри, что за окном!

Я смотрю и не верю собственным глазам. Мы стоим у обычного окна, позабыв от восхищения о солнце, нарисованном на окне рядом. А на улице с неба падают и кружатся белые хлопья.

- Снег! – удивленно вздыхает Клара. – Настоящий снег...

- Вот только в Англии не бывает снега. – В голове не укладывается, ей-богу. – Давно не бывает.

- Больше ста лет не было. Так нам в школе говорили. – Голос Клары едва ли громче шепота. Миг спустя она крепко сжимает мою ладонь. – Разве не чудесно? Как будто природа сделала нам подарок на свадьбу.

Я не могу выдавить ни слова. Мы стоим в темноте и смотрим, как снаружи дома у нас на глазах меняется мир. Снег тихий, не такой, как дождь. Он летит к земле, словно ему любопытно, а не бьет по ней сердито, как тяжелые капли. Снежинки падают на окно, прилипают к стеклу на несколько секунд и лишь потом тают.

Всю последнюю неделю происходили сплошные чудеса. От радости хочется плакать. Плевать, что мне шестнадцать и я понятия не имею, о чем плакать, но хочется, хоть убей.

- Теперь все наладится, - говорит Клара. – Я это точно знаю.

Глава 15

Прямо мне в лицо попадает снежок, и фингал словно оживает вспышкой боли.

- Прости! – кричит Клара и громко хохочет, услышав, что я визжу, как девчонка.

Руки замерзли. Вместо варежек я напялил носки, которые насквозь промокли, но мне до лампочки.

Сад переполнен жизнью, шумом и смехом. Клара была права. Из-за снега все стало намного лучше. Причем с той самой секунды, как звонок разбудил весь дом.

Первым снег увидел Луис, когда потягивался и зевал в постели. Учитывая, насколько невероятный у него мозг, все, что смог сделать гений, - это снова и снова тыкать пальцем в окно и кричать «Смотрите! Смотрите!», пока все не проснулись и не увидели, из-за чего весь сыр-бор. К тому моменту радостные крики раздавались из всех спален. Я, само собой, не удивился. Снег шел до самого рассвета, и теперь на земле его целая куча, а кое-где еще кружат крошечные снежинки.

Уилл, который еще вчера жаловался на замерзшие ноги, стоял у окна в молчаливом восторге, и лицо его выражало смесь надежды, радости и недоумения. В тот миг он не думал ни о маме, ни о крови, которая пойдет из глаз, ни о том, как играть в шахматы. Он вообще ни о чем не думал, а снова стал самым обыкновенным десятилетним мальчишкой. Глядя на него, я широко улыбался. Так широко, что лицо чуть не треснуло.

- Нарния! – в конце концов выдохнул он. – У нас в саду Нарния!

За завтраком мы видели всего двух медсестер. Луис был прав. Почти все они уехали вместе с учителями. Но даже у них сияли глаза, хотя медсестры и не улыбались. Столовая наполнилась энергией, которой я не ощущал даже в первый день. Тогда всеми владела потрескивающая нервозность. А сегодня в столовке витал чистейший восторг. Никто из обитателей дома, включая медсестер и Хозяйку, никогда не видел снега. Если уж Клара, у которой отец чиновник, и которая повидала мир, не видела снега, то остальные и подавно не видели. Буквально в каждом кипело и бурлило радостное волнение. В каждом, кроме Хозяйки. Та, как всегда, была безразличной, словно труп, когда стояла в дверях и объявляла, что после завтрака мы можем выйти погулять, если хотим. И что в комнате отдыха нас ждут лишние куртки и свитера. В ее словах не было ни намека на доброту. Наверное, она решила, что нас проще отпустить, чем держать заперты. Особенno учитывая, что медсестер осталось всего ничего.

Пока все кричали, свистели и запихивали остатки тостов в рот, я смотрел на Хозяйку и ждал, когда же ее глаза заметят нас с Луисом. Но так и не дождался. Может, оно и к лучшему. Может, волноваться действительно не нужно. Я решил, что сегодня думать о повторном анализе не буду. Тем более после того, что случилось у нас с Кларой прошлой ночью. Да еще и этот снег... Все слишком хорошо.

Все мы выглядим смешно в одежде, которая почти никому не подходит по размеру, но никого это не волнует. Даже Джейка. Снег под ногами хрустит. За ночь насыпало с полметра, если не

больше, и все вокруг стало ярко-белым. Мы словно сошли с рождественской открытки. Кучка детей, резвящихся на заснеженной земле. Кто-то уже слепил трех снеговиков, и теперь Луис, Уилл и Элеонора пытаются сорвать с деревьев ветки, чтобы приделать руки к бочкообразным телам.

- Не эту! – говорит Клара и мчится им на помощь. – Вон ту, повыше. У нее на конце как будто пальцы. Я могу достать!

Я жду, когда она вернется ко мне, а тем временем вдыхаю обжигающий морозный воздух и осматриваюсь по сторонам. У качелей Том с небольшой группой мальчишек безуспешно пытается построить иглу, но хрупкое сооружение постоянно осыпается. Повсюду летают снежки – дети всех возрастов из всех спален играют в войнушку. Даже Дэниел, в которого при перекрестном огне попал снежок рыжего пацана из восьмой спальни, весело смеется, и на толстых щеках появляются ямочки.

В стороне молча стоит Эшли и с блаженной улыбкой наблюдает за происходящим. Сзади незаметно подкрадывается Гарриет и запихивает пригоршню снега ему за воротник. От шока Эшли чуть из собственной шкуры не выскакивает.

Гарриет заливисто смеется, а Эшли бросается за ней. Ее лицо сияет, и я вдруг понимаю, что она вовсе не невзрачная. Она из тех девочек, что со временем внезапно становятся красавицами. Просто еще не расцвела. А еще до меня доходит, что в доме влюблены не только мы с Кларой. Не знаю, видит ли это Эшли, но я-то точно вижу. Гарриет сияет из-за него.

- Что ж, мы хотя бы дожили до этого дня.

Я и не заметил, как подошел Луис, и даже подскакиваю от неожиданности.

- Ну, знаешь, если у нас плохие анализы... - продолжает он, и дыхание вырывается изо рта гения туманными клочками. - Мы хотя бы снег увидели.

- С нашими анализами все путем, - отзываюсь я, - а с прошлыми скорее всего что-то напортачили. Помнишь, что сказала медсестра? Волноваться не нужно. Как по мне, на лгунью она не похожа. К тому же, я чувствую себя прекрасно. А ты?

- Наверное. - Он смотрит под ноги на снег. - Просто постоянно об этом думаю.

- Ну так прекрати думать, иначе свихнешься к чертовой матери. - Лично я думать об этом не хочу. Не хочу думать, что потеряю всю эту красоту и оставлю Клару одну. - Сейчас мы живы. Остальное не важно.

В голове не укладывается, как все это может продолжаться уже без меня.

Луис кивает, но переубедить его мне явно не удалось. Может быть, ему намного страшнее, потому что он умный, хотя я сомневаюсь. Думаю, перед страхом мы все равны, только по-разному это демонстрируем. Я ушел в себя, Джейк стал еще заносчивее, а Эшли спрятался за своей церковью, где может притворяться, будто ничего не боится. Но он сам себя обманывает. Держу пари, если у него брызнет кровь из глаз, он будет плакать, как плакал Генри.

- Надо в Нарнию поиграть. - За Луисом хвостиком повсюду ходит Уилл. - Клара могла бы быть королевой.

- Мы из такого дерьяма уже выросли, - говорю

я. – А вы с Элеонорой поиграйте, если хотите.

Когда я смотрю на Уилла и Луиса, мне не по себе от того, что мы с Кларой собираемся сбежать. Я за них переживаю и точно знаю, что они расстроятся. Мне придется их бросить, но взять с собой кого-то еще мы не можем. К тому же, я им не отец. А они хотя бы есть друг у друга.

Уилл пожимает плечами и шмыгает носом:

- Никак не могу закончить снеговика. Два пальца онемели.

Он показывает нам покрасневшие маленькие ладони.

- Вот, держи, – говорит Луис и достает из куртки пару запасных носков, толстых и шерстяных. – Надень, согреешься.

- Классно же, что снег пошел? – улыбается Уилл, натягивая носки на руки. – Разве нет?

- Ага, классно, – соглашается Луис.

- Эй, Тоби!

Мою улыбку как ветром сдуло. Я поворачиваюсь и смотрю в другой конец сада. Звал меня Джейк.

- Седьмая спальня против четвертой! В снежки!

Глубокий голос Джейка перекрывает взволнованный шум и гам, и в саду воцаряется странная снежная тишина. Все замирают в ожидании того, как все обернется. На меня нервно смотрят Луис и Уилл, а я улыбаюсь. Джейк протягивает мне оливковую ветвь, и я ее приму.

- Мы вас в два счета размажем! – кричу я в ответ.

- Я играю за их команду! – Клара прыгает по снегу, словно живое воплощение энергии и веселья.

- Ну все! Держись!

Шуточная война между двумя спальнями перерастает в массовое снежное побоище. К обеденному звонку мы все в курсе, каково это – получить снежком в глаз, в ухо или в нос. Кожа у всех горит, ушибы щиплет, но все мы хохочем до слез. Мы больше не разделены на спальни, не смотрим друг на друга с подозрением. Больше нет негласных границ. Для всей этой ерунды день слишком замечательный. Это не просто лучший день в доме. Наверное, это лучший день в жизни каждого из нас.

После обеда к нам заявляется Джейк и выкладывает свой план. Отводит меня, Клару и Тома в угол возле комнаты отдыха. В доме тихо. Все ищут сухую одежду, чтобы снова пойти во двор, но на всякий случай Джейк поставил в обоих концах коридора Элби и Дэниела. У меня такое чувство, будто мы попали в старый фильм про тюрьму.

- Я подумываю вломиться в комнату одного из учителей, - тихо говорит Джейк. – Того стариакана, который вечно куревом вонял. Посмотрим, есть ли там бухло. Перед отбоем можно было бы закатить вечеринку.

- Когда? – уточняю я и чувствую, как разгоняется сердце. – И как? Если выбить дверь, все поймут, что это наших рук дело.

- Ерунда. Дом старый, чувак. Вскрыть внутренние замки – раз плонуть. – Джейк смотрит на Клару. – Если, конечно, у тебя найдется пара шпилек.

- У Гарриет точно есть. Я могу взять у нее.

- Две штуки. Мне нужны две.

Клара кивает.

- Ты серьезно в курсе, как это делается? – интересуюсь я. – В колонии, что ли, нахватался?

Джейк закатывает глаза:

- Раньше. Это в сто раз легче, чем вскрывать тачки, а мне и такое по зубам.

Не знаю, врет ли он о машинах, но правду мы уже вряд ли выясним, так что я решаю поверить ему на слово.

- Ну так как? Вы с нами? – спрашивает Джейк. – Наша спальня и ваша. Кроме религиозных уродов, само собой. – Он косится по сторонам. – И еще Клара. Больше никого не берем. А если кто узнает, головы всем поотрываю.

- Мы никому не скажем, – говорит Клара.

Мы с ней знаем, как хранить секреты, гораздо лучше, чем Джейк может себе представить.

- Мне понадобятся люди на стреме. Ты, Тоби, присмотришь за кабинетом Хозяйки. После полдника она всегда пару часов сидит там. Если выйдет, дашь мне знать. Можно сговориться о сигнальных свистках.

- Лады.

Пару секунд я раздумываю, не пытается ли Джейк над нами подшутить, но решаю, что вряд ли. Слишком уж он серьезен. Плюс нам всем необходимо перемирие. В доме и без ругани паршиво. Внезапно я вспоминаю о расписании лодки в кабинете Хозяйки.

- Научишь меня взламывать замки?

- На кой тебе? – подозрительно щурится Джейк.

- Да просто так. Подумал, было бы круто уметь.

Всегда хотел знать, как люди творят такое дермо.

- Может быть, – отвечает он. – Потом.

Я не давлю. Не нужно ему знать, насколько это важно.

Уиллу и Луису я ничего не рассказываю, пока весь план не приходит в действие. Скорее всего они бы никому не проговорились, но любое волнение сразу отражается на их лицах. Клара ловит их наверху лестницы, а я занимаю позицию в коридоре, сразу за углом от двери в кабинет Хозяйки. Выйти так, чтобы я не заметил, она точно не сможет.

Из библиотеки я прихватил древний ежегодник детских комиксов еще с тех времен, когда снег в Англии считался нормой, и теперь сижу на подушке из комнаты отдыха, прислонившись спиной к длинной батарее. Листаю пожелтевшие страницы, но толком не читаю. Там что-то о мальчике с бешеной собакой, которая вечно влипает в неприятности, и о ребенке богатеньких родителей, у которого на шее галстук-бабочка. После утренних игрищ на морозе от тепла за спиной клонит в сон, и мне с трудом удается держать глаза открытыми. Как вдруг слышатся шаги вниз по лестнице. Я тут же настораживаюсь и вижу, как медсестра, которую я уже начал называть «нашей», спешит в кабинет Хозяйки. В руке у нее какая-то бумажка, а на лице нет ни намека на доброту, которую мы видели раньше. Наоборот, ее зубы крепко сжаты, а в глазах горит непоколебимая решимость.

Оказавшись за углом, она громко колотит в дверь, и у меня замирает сердце. А медсестра начинает говорить, как только ей открывают:

- Я получила результаты. Такие же, как и в прошлый раз. Нам нужно обсудить, что делать

далше.

Хозяйка что-то тихо бурчит, и обе скрываются в кабинете. Спать больше ни капельки не хочется. Результаты, о которых говорила медсестра, наверняка мои и Луиса. Что с нами не так? Что они с нами сделают? Я прислоняюсь затылком к стене. Хочется плакать. Сгусток страха разрастается и давит на мочевой пузырь, стискивая кишки.

Сквозь стену слышны голоса, и я прилипаю к ней ухом. Я бы боялся намного меньше, если бы знал, что происходит. По крайней мере именно так я говорю сам себе.

Голос Хозяйки – всего лишь невнятное бормотание. Представить не могу, чтобы она когда-нибудь прикрикнула. Зато медсестра явно на грани. Она храбрее, чем кажется на первый взгляд. Как вообще можно сердиться, глядя в лицо Хозяйки? Короче говоря, я прислушиваюсь, и мне удается различить отдельные фразы.

«Они должны знать».

«Но мы ведь обязаны что-то сделать! Что вы планируете предпринять?»

«Если не вы, то я».

Между выкриками медсестры слышен спокойный голос Хозяйки, словно на огонь плашут водой. В конце концов медсестра затихает. Щелкает дверь.

Я вжимаюсь в стену, а медсестра проходит мимо меня обратно наверх, но уже без бумажки. Я не хочу, чтобы она меня видела. Не хочу, чтобы заметила, как мне страшно. Хочется только втасти в стену, чтобы меня никогда не нашли.

Пару минут спустя раздается тихий свист. У Джейка все получилось. Вот и хорошо. Я встаю, но

книгу и подушку не забираю. Единственное, что мне нужно, – это напиться и обо всем забыть.

Я кошусь на окно – опять пошел снег. Остается лишь заново найти в этом хоть крупицу радости.

Добыча, честно говоря, так себе. Три бутылки вина и две сигареты. Но это лучше, чем ничего, а на нас восьмерых – так и вовсе до черта. Уилл нервничает. Вряд ли ему когда-то доставалось больше, чем глоток пива на Рождество. И что-то я сомневаюсь, что в прежней жизни Луиса бывали ночи, когда он глотал дешевый сидр на скамейке в каком-нибудь парке. Судя по всему, нам придется допивать их доли.

Здесь и сейчас возникает ощущение, будто я отыскал клад. Мы сидим в кругу на подушках в комнате недалеко от той, где мы прятали Джорджи. Здесь холоднее. Может быть, отопление отключают в тех частях дома, которые не используются.

- Ты первый на дверях, Дэн, - говорит Джейк, разливая по белым пластиковым стаканчикам поровну белого вина. – По десять минут каждый, как договаривались.

- Без базара, - отзыается Дэниел и поднимается на ноги, пыхтя от собственного веса.

Он счастлив, что находится здесь. Наверное, обосрался от радости, когда Джейк его позвал. Джейк с Элби заменяют ему друзей, а ведь они и близко не друзья.

Джейк поднимает свой стаканчик и произносит тост:

- К хренам все это дермо!

Том смеется:

- Точно, к хренам все это дермо.

Мы все поднимаем пластиковые бокалы и пьем.
Уилл морщится от вкуса и вдруг выдает:

- За снег! За Нарнию!

Все пялятся на него.

Элби смеется, но не злорадно:

- За снег, братишка. За снег.

Через десять минут мы все слегка навеселе.
Даже Джейк. Нам много не надо. Неделями ни у
кого из нас и капли алкоголя во рту не было, а до
того регулярно выпивал, наверное, только Джейк.
Том сменяет Дэниела у двери и стоит на пороге –
наполовину в комнате, наполовину в коридоре. Но
нам и так вряд ли грозят непрошеные гости. Сюда
никто никогда не ходит.

Мы травим байки, рассказываем анекдоты и
постепенно под воздействием вина расслабляемся.
Я обнимаю Клару одной рукой, а она льнет ко мне и
целует в щеку. Дэниел начинает напевать:

- Тили-тили-тесто, жених и невеста...

Песенку подхватывает Луис, а потом и все
остальные, пока Том с порога не велит всем
заткнуться.

- Этим соплям тут не место, - цедит Джейк.

В его тоне сквозит ревность, но он честно
старается не подавать вида.

Клара выпрямляется, и я убираю руку. Краем
глаза замечаю, как Луис ловит стаканчик Уилла,
когда тот его едва не роняет.

- Уже наклюкался? – улыбаюсь я.

- Отродясь вина не пил, - отвечает Уилл и
делает огромный глоток.

Снова все смеются.

- Курить будем, или как? – спрашивает Клара.

- А медсестры не учуют? – отзываюсь я.

- Нет, если мы откроем окно и высунемся на улицу. Ну и дверь закрыть надо. – Клара вскакивает на ноги. – Уилл никогда не пил вина, я никогда не курила, и никто из нас никогда раньше не видел снега. – Она тайком смотрит на меня, и мы обмениваемся взглядами, понятными только нам двоим. – Несколько дней подряд сплошные открытия.

Я думаю о том, каково это было – оказаться внутри нее. Странно и одновременно чудесно. Дождаться не могу, когда опять наступит ночь.

- Я не буду, - заявляет Луис, сдвигая очки к переносице. – Сигареты вредны для здоровья.

Джейк уже у окна, тянет за старую деревянную раму. У него во рту торчит незажженная сигарета. Услышав Луиса, он поворачивается и плялится на гения.

- Ты, на хрен, серьезно? – спрашивает Джейк и переводит взгляд с Луиса на меня.

- А мне приходится с этим жить, - притворно жалуюсь я.

- Они провоцируют рак, - не унимается гений. – Всем это известно.

Все обмениваются недоуменными взглядами.

- Да шутит он! – говорит Элби. – Или нет?

- Не вижу смысла усугублять ситуацию, - отвечает Луис и потягивает вино.

Он просто воплощение благородства, и нам это кажется настолько смешным, что мы одновременно начинаем хохотать до боли в животе и не можем остановиться.

- А что такого? – спрашивает Луис с таким смущенным видом, что нас настигает второй приступ смеха.

Том еле дышит. Клара пытается отпить вина, но от смеха выплевывает его обратно в свой стакан, и все начинается по новой.

- Не видишь смысла усугублять ситуацию? – наконец еле-еле выдавливает Джейк между взрывами хохота. – Блин, чувак, да это же классика!

- Ну надо же! Он не хочет усугублять ситуацию! – вторит ему Том. Из-за смеха слова невнятные, а голос такой высокий, что даже не похож на его собственный. – Привет! Я из дома смерти. Только не предлагайте мне сигарет. Я не вижу смысла усугублять ситуацию!

Последние слова становятся едва различимым набором звуков вперемешку со сдавленным смехом, и Том опять взрываеться хохотом.

В конце концов до Луиса доходит, что он сморозил, и он тоже начинает смеяться. На этот раз хоочут уже все.

От смеха болит живот и лицо. Подбитый глаз пульсирует, как ненормальный. Знаю, все это дико: мы ввосьмером навеселе и от души хоочем, хотя живем в доме смерти. Мало того, наша медсестра и Хозяйка разговаривали о нас с Луисом. Но я смеюсь и не могу остановиться. Сейчас все без исключения кажется смешным.

Сигареты мне даже не нравятся, но одну я сегодня точно выкурю.

Уже от пары затяжек кружится голова, а легкие так горят, что дышать страшно. Клара отважно пытается курить взятаг, но от каждого вдоха громко кашляет. Мы как неудачники на задних партах в школе. В итоге сдаемся и отдаем сигарету Джейку. Они с Томом выкуривают обе.

Когда вино заканчивается, до отбоя еще около

чата. Элби идет вниз поиграть на саксофоне и, как он выразился, «приспать себя». Клара с Томом уходят послушать его игру, а младшие пацаны разбегаются по спальням.

- Покажи, как замки вскрывать, - говорю я, когда в комнате остаемся только мы с Джейком.

Бутылки мы прячем за старым шкафом, где их не найдут как минимум несколько недель, если вообще когда-нибудь найдут, а потом идем к крылу учителей. В голове гудит, от сигареты все еще подташнивает. Запах дыма прилип ко мне, как вонь фильтрового лосьона после бритья, но я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на словах Джейка, который рассказывает, как держать шпильки и какими шевелить в личинке замка. Наконец я слышу щелчок, поворачиваю ручку, и дверь открывается. Мое сердце ликует.

- Вот видишь? – ухмыляется Джейк. – Говорил же, это просто.

Мельком удается разглядеть уютную комнатку с покрывалом на диване и телевизором в углу. Комнатка кажется в лучшем смысле нормальной и какой-то домашней. А потом мы закрываем дверь.

- Куда сложнее снова запереть замок.

Джейк прав. К тому моменту, когда у меня получается, все пальцы болят, а я как минимум дважды проговорил все матюки, которые знаю. Но у меня получилось. Я знал, что получится. Иначе и быть не могло. Я думаю о кабинете Хозяйки внизу и молча молюсь, чтобы там оказался похожий замок.

- Пора возвращаться, - говорит Джейк. – Надо смыть с себя сигаретный дым, пока медсестры не явились.

- Эй, - говорю я, когда мы подходим к лестнице,
- спасибо.

Честно говоря, не знаю, что я имел в виду. Лицо Джейка выглядит совсем не так плохо, как мой глаз, но губа опухла, и видна трещина там, где я его ударил.

- В общем, после всего, что произошло...
- Проехали, - пожимает плечами Джейк.
- Не вопрос.

Хочется сказать, что скоро мы с Кларой исчезнем. Перестанем мозолить ему глаза. Но я молчу. Теперь даже по отношению к Джейку наш план кажется слегка предательским. Если подумать, в этом деръме мы плаваем все вместе, хотя и чувствуем себя одинокими.

Хорошенько отмывшись, я выхожу из ванной. Пахну мылом и зубной пастой, но от вина все еще хмельной. На выходе меня поджидает Луис в пижаме и тапках.

- Что стряслось?

Гений мигом мрачнеет:

- Уилл.

- А что с ним?

Очень надеюсь, что его не вырвало в спальне.
Чем мы это убирать будем?!

- Думаешь, с ним все в порядке?

- Пьяный он. Пройдет.

- Да нет, я не об этом. – Луис начинает ковырять ногти.

- А о чем?

Нам пора в спальню. Медсестры вот-вот начнут обход.

- Он внезапно стал неуклюжим. – Луис смотрит

не на меня, а себе под ноги. – Это странно.

- По мне, так с ним все путем. – По крайней мере мне так кажется. Моя голова занята мыслями о Кларе, лодке и повторном анализе. Ничего другого я попросту не замечаю. – Думаю, ты параноишь.

- Ну а ты как? – Луис поднимает голову. – С тобой все нормально?

- Похоже на то, – киваю я.

- Со мной тоже.

- Тогда пойдем уже спать.

Теперь мне не по себе. Воспоминания о подслушанном разговоре копошатся в голове, словно черви.

«Мы обязаны что-то сделать... Если не вы, то я».

Глава 16

Несмотря на планы, засыпаю я мигом. День выдался длинный. Сплошная полоса выживания вдруг увенчалась несколькими часами снега и вина. Я решительно намерен не спать и увидеться с Кларой, но вырубаюсь в мгновение ока.

А просыпаюсь, будто от толчка. В спальне темно и тихо. От вина и снотворного народ дрыхнет без задних ног. Даже к утру, наверное, не отйдут.

Во рту пересохло. От неудачных попыток покурить болят легкие. Нужно выпить воды. Понятия не имею, который час, но ткань ночи кажется тугой и плотной, а значит, мне ничего не грозит. Сейчас наше с Кларой время.

В ванной я пью воду, которая вместе с холодным воздухом помогает окончательно проснуться, а потом крадусь в спальню Клары. Она

спит на боку, подтянув колени к груди. По подушке разметались волосы, словно даже во сне ей в лицо дует морской ветер. Хочется ее разбудить, но в итоге я передумываю. Дышит Клара спокойно и размеренно, а значит, уснула глубоко. Не хочется ее беспокоить. Скорее всего ей просто необходимо хорошенько выспаться. С минуту я смотрю на нее и решаю вернуться в собственную постель. Не хочу больше в одиночестве красть еду и смотреть на небо сквозь окно в комнате отдыха. Все это осталось в прошлом. Ночи теперь наши с Кларой, а без нее мне грустно и одиноко.

Между лестничными пролетами я внезапно слышу звук и не сразу понимаю, что это такое. Зато мое тело все помнит. Сердце бьется быстрее, и я весь дрожу от страха перед тем, как замереть на месте. Но мозгу нужно время, чтобы все осознать. Со стоном и скрипом оживает лифт. Такого я не ожидал. За кем идут на этот раз?

За мной, конечно. За мной и Луисом. Вот к чему был повторный анализ.

Меня едва не выворачивает наизнанку. Не помню, кто из нас заболел настолько сильно, чтобы за ним отправили ангелов смерти. Мелькает дикая мысль бежать в спальню и притвориться, будто я сплю, иначе мне несдобровать, когда медсестры явятся и не застанут меня на месте. Тут же с трудом подавляю испуганный смех. Глупее мысли не придумаешь. Нет неприятностей хуже, чем те, в которых я погряз прямо сейчас. Надо бежать. Бежать! В сад, а потом через стену. И спрятаться где-то на острове, где меня не найдут. А потом, может быть, даже рискнуть уплыть на гребной лодочонке.

Я босиком и в тоненькой пижаме. Ноги от холодного деревянного пола замерзли, но я все еще всерьез думаю о том, чтобы сбежать прямо по снегу. Если я начну драться с медсестрами и наделаю шума, Клара проснеться? Меня переполняет свежий, еще не знакомый страх. Представить не могу, что больше не увижу Клару. Что она встанет утром и поймет, что меня стерли из дома, как будто меня и не было. Бесит одна только мысль: мы даже не попрощались, как следует. Не сказали друг другу банальных «спокойной ночи» или «еще увидимся». Сейчас я и не помню, как она выглядела в нашу последнюю встречу. Я ведь не знал, что вижу ее в последний раз. Не впитал ее образ и сам этот момент. Ужасно хочется повернуть часы вспять. Остановить время. Выиграть еще хоть несколько минут. Всего несколько минут!

Вжимаясь в стену, я тону в головокружительной и липкой от пота панике и не сразу осознаю, что лифт остановился, причем не на моем этаже. Сверху слышны шаги, и на меня резко, одной мощной волной накатывает облегчение, от которого я весь дрожу. Сегодня пришли не за мной. Не за мной...

В доме тихо, но сквозь гул в ушах я не слышу скрипа колес. Видимо, медсестры из лазарета ушли дальше по коридору. Но почему? Большинство занятых спален возле центральной лестницы. Так куда же идут медсестры?

Чем дальше от окон, тем чернее и непрогляднее кажется ночь. Очень осторожно я крадусь вверх по ступенькам, чтобы не разбудить старое дерево и не вынудить его возмущенно ворчать под моим весом. Бешено бьется сердце, но я все же наклоняюсь над

изгибом перил и заглядываю наверх. Никого не вижу, зато навостренные уши улавливают щелчок двери в конце тонущего во мраке коридора. Там только церковь и крыло медсестер. Зачем кому-то из лазарета идти в комнаты медсестер?

Шуршание ног становится громче. Я бесшумно спускаюсь ниже и врастаю в ступеньки, не обращая внимания на то, как твердые края врезаются в кости. Надеюсь, вниз никто не посмотрит. Я должен увидеть, что происходит.

Мимо проезжает кровать. Точнее даже не кровать вроде наших, а скорее каталка с хорошо смазанными колесиками. Ее везут два ангела смерти. Обыкновенная медсестра и силуэт, который невозможно не узнать. Хозяйка. От одного только ее вида я машинально соскальзываю на ступеньку ниже. Хозяйка не похожа на остальных медсестер. Она видит все. Я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть, кого они везут к лифту. Фигура неподвижна, но в ней угадывается женщина. С края каталки шелковой паутиной свисают светлорыжие волосы.

В детстве бабушка читала мне книжку про паутину. Хорошая была книжка.

«Не нужно волноваться... Если не вы, то я».

Я смотрю и не верю собственным глазам. Меня снова тошнит. Не хочу больше смотреть. Ничего не хочу видеть.

- Видимо, она переборщила со снотворным, - говорит Хозяйка.

- Ее нашла я, - отзыается медсестра, которая идет с ней. По голосу, видимо, молодая. К тому же, кажется, она в шоке. Почти как настоящий человек. – Не понимаю только, зачем ей это.

- Должно быть, ее профпригодность оценили некорректно. – Голос Хозяйки звучит мягко, но все равно в нем нет ни намека на эмоции. – В последние несколько дней ее поведение было нестабильно. Я надеялась, она уедет с остальными домой.

Двери лифта раздвигаются, и каталку закатывают внутрь.

- Я свяжусь с Министерством и сообщу о случившемся, - добавляет Хозяйка, входя в лифт. – А вы отдохните. Ни от кого из нас уже ничего не зависит.

Прежде чем лифт вновь оживает, мне удается рассмотреть ее лицо. Холодное, непоколебимое, пустое. Как мертвое, но бьющееся сердце зверя по имени Лазарет.

Дождавшись, когда медсестра уйдет в свое крыло, я бегу вниз к себе в спальню и сворачиваюсь на кровати в клубок, как Клара. Только клубок в моем исполнении злой и испуганный. Лифт затихает, и я жмурюсь, заставляя себя уснуть. Однако сон все не идет. Во рту привкус металла, в животе тяжесть. Наша медсестра исчезла в лазарете. Уверен, это как-то связано со мной и Луисом. С результатами наших анализов. С тойссорой, которая произошла у нее с Хозяйкой. Может быть, ее чем-то накачали за ужином? Подмешали снотворное в какао? Или в стакан вина? Зуб даю, все это организовала Хозяйка. Но почему? Мозг переполняют жуткие мысли, рожденные из сгустка в животе. С нами все совсем не так. Нас забирают из дома, потому что мы дефективные. Что бы с нами ни делали, это не имеет значения. Мы порченный товар. Но наша

медсестра была здоровой. Нормальной. И все же она исчезла в лазарете, а оттуда не возвращаются. Я думаю о ней и пытаюсь вспомнить ее лицо. Думаю о плакатах на стенах в церкви, об именах, написанных на бумажках. У нашей медсестры даже этого не будет.

Я знаю, что больше ее не увижу. Пусть Хозяйка провернула это втихаря, все равно это убийство. Мы приехали сюда умирать, а медсестры – нет. Буквально чувствую, как меня зовет кабинет внизу. Надеюсь, что когда вломлюсь туда, сумею найти имя нашей медсестры. Не для того, чтобы повесить бумажку на стене в церкви, конечно. Все это пыль. Пройдет год или два, и не останется никого, кто помнил бы имена на плакатах. Но за пределами дома все иначе. Мне нужно знать имя медсестры, потому что мы с Кларой сбежим. Я прокричу это имя всему миру в каждой газете. Чтобы услышали, узнали родные нашей медсестры. Не может быть так, чтобы о нас все забыли. Не может, и все тут.

Что с ней делают там, наверху? Пытаются спасти или просто бросили умирать? А может быть, она уже была мертва на той каталке.

Я думаю о Генри, Эллори и обо всех остальных. О себе, Луисе и Уилле, о Томе, Джейке и Кларе. Наверное, я их всех хоть капельку, но люблю. Даже тех, с кем вообще не разговариваю. Думаю о лифте, о том, как тихо ночью, и об одиночестве.

Я плачу и не могу остановиться.

Впервые они поехали с родителями в Корнуолл, когда Тоби было пять. И выбрали не фешенебельный отель с переполненными пляжами, а маленький домик в старой деревушке, далеко от

берега. Домик наверняка стоил маме с папой целое состояние, но они даже не заикнулись о цене. Они пили чай с вареньем, плавали в бассейне и исследовали маленькую бухту неподалеку. Туда почти никто не ходил, потому что большинство отдыхающих валялось вплотную на пляжном песке, стараясь высосать максимум из двухнедельной летней свободы.

Родители смеялись и искали крабов вместе с Тоби, шлепая босыми ногами по краю прибоя. А когда впервые взяли его в бухту, он плакал от страха. Сам надул нарукавники для плаванья так сильно, что они беспощадно сдавливали руки, но все равно перед бескрайней гладью моря казалось, что одних нарукавников мало.

Не то что в бассейне. Море пугало Тоби. Даже за горизонтом оно не кончалось. Тоби представить себе не мог, что что-то может быть таким большим и бесконечным, как море. В бассейне он боялся утонуть даже с нарукавниками, если не будет отчаянно плескаться и барахтаться. А в море... он боялся, что его отнесет течением в открытые воды, где он останется посреди темных волн один навсегда.

Но каждый раз мама и папа в отпуске смеялись и весело плескались, пока Тоби не привык. Ему было лет десять, когда он научился не бояться и по-настоящему отдыхать у моря. Ему стали нравиться мамины сказки о русалках и волшебстве, которое кроется под водой, но он никогда в эти сказки не верил. Ему понравились приливы и отливы, прохлада морской воды, но иногда он засматривался в бескрайнюю даль и думал, как было бы ужасно утонуть и

безвозвратно затеряться в одиночестве глубоко-глубоко под водой.

Глава 17

- Прости, что уснула, - шепчет за завтраком Клара. – Как-то само так вышло.

- Все путем, я тоже спал.

Я стараюсь вести себя как ни в чем не бывало, но сегодня все вокруг выглядит иначе, словно стало чересчур ярким и резким. Слишком реалистичным. О медсестре не хочу никому рассказывать, тем более Кларе. Такие вести приведут к разговору о повторном анализе, а о нем говорить хочется еще меньше. Я люблю Клару, но теперь храню от нее сразу два секрета. Может быть, у нее тоже есть секреты. Может быть, у всех нас есть тайны, которыми мы ни с кем не делимся.

Хозяйки не видно, а у двух медсестер возле буфета с едой лица нейтральные, как всегда. Хотя уверен, она им рассказала о случившемся. Без всякого аппетита беру тарелку омлета с беконом и возвращаюсь за стол. К счастью, все из нашей спальни выглядят так себе.

- Башка трещит, - говорит бледный Уилл, чей взгляд с самого пробуждения тусклый и унылый. – Везде все болит.

- У тебя похмелье, - ухмыляется Том.

- Ну, если алкоголь доводит людей до такого, не догоняю, почему все пьют.

Луис молчит, но то и дело нервно косится в мою сторону. Я на него даже не смотрю. Нет у меня времени на его паранойю. У Уилла обычное похмелье, а Хозяйка ночью убила нашу медсестру.

Эти слова как неотвязный мотив у меня в голове, и все равно случившееся кажется невозможным. Не осталось ничего, в чем можно было бы не сомневаться. Возникает чувство, будто стены дома сдвигаются и норовят меня раздавить.

- Снег все еще лежит, - говорит Уилл. – Можно снеговика закончить. Пойдем, Луис?

Гений кивает.

- Кто-нибудь из вас был в церкви?

Над нами стоит Эшли. Его слова падают в воздух так внезапно, будто кто-то надолго задержал дыхание и резко выдохнул. Мы переглядываемся. Эшли по-прежнему спит в нашей спальне, но мы с ним больше не разговариваем.

- А что? – интересуется Том.

Сегодня за разговоры отвечает он. Может, оно и к лучшему. Когда мы с Кларой сбежим, ему придется стать боссом в четвертой спальне.

- Был или нет? – повторяет Эшли.

- Нет, - отвечаю я. – Какого рожна кому-то из нас переться в твою дурацкую церковь?

Я четко и ясно помню каждый плакат, но мысленно повесил на стену еще один, без имени, только с надписью «Она была доброй, поэтому Хозяйка ее убила».

- Кто-то возился с кое-какими вещами.

Эшли хочет постоять за себя, но видно, что ему неловко. Он как мужик средних лет, ей-богу. Кто вообще говорит «возиться»? Разве что Хозяйка. Она вполне могла бы сказать что-то вроде «В комнате отдыха кто-то возился с игрушками». Похоже, совсем не думать о Хозяйке мой мозг просто-напросто не способен.

- Это не мы, - говорит Луис. – Нас там вообще

не было.

Я прямо чувствую на себе взгляд Клары. Наверняка дело в свечах. Эшли знает, что кто-то их зажигал. Нужно быть осторожнее.

Куда бы я ни посмотрел, везде чувствую себя в ловушке. Надо как можно скорее пробраться в кабинет Хозяйки и узнать, когда придет катер. Однако сама мысль об этом ужасает. А вдруг там сигнализация? Представляю, как открываю дверь, а Хозяйка сидит в темноте за столом и уже ждет меня с огромным шприцем в руке. Наверное, если она мне улыбнется, я увижу ряд острых, как у акулы, зубов. А потом она широко зевнет, и меня засосет в бесконечную тьму.

- Пойдемте на улицу, - предлагает Клара, вырывая меня из пучин воображения. – У меня сегодня отличное настроение.

- А у меня башка раскалывается, - жалуется Уилл, вяло пережевывая кусок теста.

В саду я отворачиваюсь от дома и от окон верхнего этажа, которые, как глаза, следят за каждым моим шагом. Клара хочет залезть на дерево, и я решаю лезть за ней. Хоть какая-то физическая нагрузка, а это всегда на пользу. Несмотря на ужасы прошлой ночи, я смеюсь, неуклюже сучу ногами и путаюсь в ветках. Снег до сих пор кажется чудом, над головой раскинулось ясное синее небо, а воздух морозный и свежий. И всему этому как будто нет и не будет ни конца ни края.

Забираясь все выше и выше, мы сбиваем снег с ветвей замерзшими пальцами, кожа на которых саднит от холода, и наконец решаем передохнуть,

усевшись на толстых ветках с обеих сторон от ствола.

От усилий я едва дышу, да еще и весь вспотел, зато Клара по-настоящему сияет. Ее ветка слегка впереди моей. Чтобы посмотреть на меня, Кларе приходится обернуться, и я завороженно вглядываюсь в ее образ, пропитанный ярким зимним солнцем. Причем все это время цепляюсь за ствол изо всех сил. Когда мы начали лезть на дерево, казалось, будет не так высоко. А теперь страшно даже глянуть вниз. Уверен, что тут же свалюсь.

- Разве не чудесно?

Я смотрю на горизонт:

- Я вижу материк. – В далекой-далекой дымке на синем фоне как будто мелькнуло что-то коричневое. – Кажется.

- Еще чуть-чуть, и мы будем там, - улыбается Клара. – Наверняка лодка скоро вернется.

Мы сидим в тишине, а где-то под нами играют дети.

- Не переживаешь, что придется их бросить? – наконец спрашиваю я и уточняю: - Гарриет и Элеонору?

- Немного. – Улыбка увядает. – Но если останься, это ничего не изменит.

Она права, конечно. К тому же люди крепче, чем кажутся на первый взгляд. Каждый в тисках собственного страха. И в каждом горит желание выжить любой ценой.

- Может быть, мы подарим им надежду, - говорит Клара. – Станем чем-то вроде легенды. Двоем, которым удалось сбежать. О нас услышат даже те, кто придет сюда после нас.

- Когда выберемся, мы могли бы все изменить. Могли бы помочь остальным.

- Отчасти мы навсегда останемся здесь. – Клара отламывает острый кусок от толстой ветки. – Прямо на этом дереве. Смотри.

Чтобы посмотреть, на что она показывает, я поворачиваюсь, крепко держась за ствол, и желудок подскакивает к горлу – на мгновение мои глаза заметили далеко внизу белую землю.

Клара смеется:

- Боишься упасть?

- Разве что слегка, - ухмыляюсь я.

Мне действительно страшно, и это очевидно. Я напряжен с головы до ног, как натянутая струна. Но это хороший страх. Он состоит из адреналина и волнения. Обычный, нормальный страх, а не смертельный ужас.

- Я же говорила, будущее нельзя знать наверняка. Может быть, ты умрешь вовсе не от дефективности. И не потому, что перебрал со спиртным где-нибудь на жарком пляже. Может быть, ты будешь спускаться с дерева, упадешь и свернешь себе шею.

Она начинает что-то царапать на стволе обломком ветки.

- Ну спасибо. Очень ободряюще.

- Зато тебя увековечат, - Клара замолкает и царапает ствол глубже, - прямо здесь.

Я изворачиваюсь, чтобы посмотреть, что она делает, но это непросто. Отрываться от ствола не хочется ни капельки, поэтому шея начинает болеть от напряжения. Но когда я все вижу, начинаю улыбаться. В коре выцарапано неровное сердечко, внутри которого надпись «Т+К=Навсегда».

- Деревья живут веками, - тихо говорит Клара. – Другие дети залезут сюда, увидят надпись и вспомнят о тех двоих, которым удалось сбежать. А может быть, однажды, когда пройдет лет сто или больше, этот дом станет обычным домом, и самые обычные дети взберутся на это дерево и подумают, кем же были эти Т и К? Дикая мысль, да?

Я пытаюсь представить, что прошло сто лет. Тех, кто сейчас жив, уже не будет. Будут другие, новые люди. Они будут вечно куда-то спешить и думать, что что-то значат. Голова кругом. Даже здесь, в доме смерти, после того, что я видел прошлой ночью, мне трудно представить мир, в котором меня нет. Я завидую дереву.

После обеда Клара тащит меня наверх:

- Хочу в постель.

Я решаю, что она устала, но потом вижу, как она закрывает дверь в свою спальню и подпирает ручку стулом. До меня доходит, что Клара имеет в виду. После событий прошлой ночи наш секс кажется сном, чем-то, что было в другом мире. А теперь я стою и чувствую, как дрожат ноги. Словно само чудо вернулось ко мне приливной волной, и я понимаю, что мне это нужно. Нужна Клара. Чтобы хоть на время стереть из мыслей весь этот кошмар.

Сейчас мы увереннее, и времени уходит больше. Мы делаем «это» дважды, и во второй раз я нисколько не боюсь облажаться. У нас все совсем не так, как в фильмах, которые я смотрел по телику и на компе. Мы более неуклюжие. Не разговариваем. Не делаем того, что делают актеры. Но то, что происходит у нас, намного удивительнее и прекраснее, чем в фильмах. Словно нам открылся

новый, неизведанный мир. Кожа Клары горячее, чем я помню, а сама она как целая вселенная, которую мне не дано до конца понять. Я не могу насмотреться на ее обнаженное тело. От тихих вздохов и изящных движений готов взорваться в любую минуту. Это лучше любых разговоров. Мы по-настоящему узнаем и познаем друг друга. Это и есть любовь.

Снова одетые (на всякий случай), мы лежим на кровати, как вдруг кто-то стучит.

- Тоби, ты здесь? – Ручка дергается, но натыкается на подсунутый под нее стул. – Тоби? Тоби! Пожалуйста, выходи!

Это Луис, и голос у него расстроенный.

- Погоди.

Мы поправляем одежду. Пока я иду к двери, Клара заправляет кровать.

- Что стряслось?

Луис и не смотрит ни на скомканную постель, ни на выбившиеся из хвоста волосы Клары. Нижняя губа гения дрожит, а он беспокойно переминается с ноги на ноги.

- Уилл. Что-то не так. Пойдем. Ты должен пойти!

Клара уже рядом. Мы обмениваемся взглядами. Волшебство, которое мы разделили, за миг сожрал страх. Не говоря ни слова, мы идем за Луисом.

Уилл с покрасневшими глазами сидит на бортике ванны. Он не плачет, но точно плакал и, кажется, готов заплакать снова в любой момент. Громко шмыгнув носом, он смотрит на нас.

С первого взгляда я замечаю, в чем дело. Джинсы на нем влажные спереди. Темные пятна спускаются по ногам. Обмочился.

- Мы вернулись в дом, потому что он не смог

слепить снежок, - объясняет Луис. - А потом случилось вот это.

- Я даже не почувствовал, - всхлипывает Уилл, напомнив мне, как скулят щенки. - Сначала снега не чувствовал, а потом вот это не почувствовал. Пока ногам мокро не стало. - Он снова плачет и смотрит на меня. - Мне страшно, Тоби.

Клара садится рядом с ним на холодную ванну и ласково обнимает. Мы даем Уиллу выплакаться.

- Что будем делать, Тоби? - шепчет Луис. - Нельзя, чтобы медсестры узнали.

Мозг горит и плавится. Я был уверен, что следующим буду я или Луис. Мы ведь повторно сдавали анализы. Что бы сейчас ни происходило с Уиллом, мы должны защищать его столько, сколько сможем.

- Простираем штаны и кинем на батарею. Скажем, промокли от снега. Только надо раздобыть ему другие штаны и вернуться на улицу еще поиграть. Типа все путем, как обычно. Вдруг кто-нибудь что-то заметил. Хотя бы на полчасика. Потом вернемся в дом и поиграем в шахматы или еще во что.

Луис кивает:

- С ним же все будет в порядке?

- Само собой, - говорю я достаточно громко, чтобы Уилл тоже слышал. - Это все из-за снега. Он не привык. Может, у него вообще на снег аллергия.

- Точно, очень даже может быть.

У Луиса такой вид, будто на него снизошло облегчение, но я вижу тени в глазах гения. Наверное, тяжело иметь такой необъятный мозг. Логику невозможно игнорировать, как ни пытайся.

- Думаете, в этом все дело? - спрашивает Уилл.

Он младше нас, искреннее, доверчивее. Его лицо озаряется надеждой. – У людей бывает аллергия на снег?

- У людей на все бывает аллергия, так почему бы не на снег? – говорит Клара. – Может быть, во всем вообще виновато вино. А теперь шевелись, дружочек. Вставай. Пора вытащить тебя из этих штанов.

Она ласково улыбается, и Уилл делает, как было велено. Ему десять, а сегодня как будто пять. Сейчас Клара для него почти как мама. Надеюсь, он не спросит о нашей медсестре. Вряд ли я смогу и дальше так правдоподобно врать.

Только когда Уилл снимает штаны, мы видим, что следы мочи у него на ногах розового цвета. Уилл опять плачет. Я смываю следы мочалкой и убеждаю его, что все это ерунда. Тем временем Клара стирает джинсы в ванне, а Луис убегает за чистыми штанами и успевает вернуться. Уилл отворачивается и не видит, какой красной становится вода от его джинсов. Лицо Клары выражает беспокойство. Луис дрожит. Над всеми нами снова нависает ужас дома смерти.

- Все будет хорошо, - говорит Клара Уиллу, когда он снова полностью одет. – Не переживай.

- Не хочу, чтобы меня забрали медсестры. Как думаете, они просто смотрят, пока мы меняемся? И потом уже убивают? И вообще, меняться – это больно? – Говорит он еле слышно и между словами тяжело сглатывает. То ли от страха, то ли от того, что его дефективность активировалась. – Не хочу, чтобы из глаз кровь пошла. К маме хочу...

- Со мной такое случалось, - внезапно говорит Луис громко и слегка вызывающе. – Кровь в моче.

Всему виной была инфекция.

Я знаю, он лжет, да еще и пытается убедить самого себя.

- Хорош уже прикидываться ребенком. Пойдем заканчивать нашего снеговика.

Он хватает Уилла за руку и волочет его вниз по лестнице, не умолкая ни на секунду. Не знаю, кого мне сильнее жаль – того, кто уйдет, или того, кто останется. К горлу подкатывает желчь. Слишком много свалилось после прошлой ночи. Не хочу бродить по дому и не спать, когда заберут Уилла.

Вдруг Клара начинает плакать. Мы стоим в обнимку в ванной, крепко прижимаемся друг к другу, и по моим щекам тоже текут слезы.

До Тома доходит за полдником. Чтобы отправить еду в рот, Уилл держит вилку не в пальцах, а в кулаке. Впрочем, никто из нас толком не ест.

- Какого черта? – цедит Том. – Ты заболел?

Мы все награждаем его сердитыми взглядами.

- Ерунда, - говорит Клара. – Он выздоровеет.

Том смотрит на меня, и я понимаю: он не верит, что Уилл поправится, и находит подтверждение этому в моих глазах. Элеонора поглядывает по очереди на всех за столом, пытаясь отыскать правду между детьми и «взрослыми». Нам всем трудно ждать, когда закончится полдник. Луис непрерывно болтает. Говорит о снеговике и заваливает Элеонору вопросами про Нарнию из книжки, которую уничтожил Джейк. В конце концов Элеонора обещает потом рассказать, чем закончилась история. Все это время я так стискиваю зубы, что ноют челюсти. А от слез болит

голова. Хочу, чтобы поскорее наступила ночь. Хочу перебраться за стену и бежать, бежать, бежать, пока не упаду от усталости.

Хуже всего то, что я вижу, как на нас смотрят из-за других столов. Мы выучились быть акулами, которые чуют запах крови. Стол четвертой спальни стал местной диковинкой. Как будто мы все прокаженные. Неуклюжесть Уилла и его готовность расплакаться в любую секунду заметили все, и началось гротескное шоу уродцев. Сколько это продлится? Когда заметят медсестры? Слава яйцам, это он, а не я. Должно быть, именно так думал Джейк, когда заболел Элори. Но мы в четвертой спальне не такие. Мы своих не бросаем. Мы выше этого, а Уилл по-прежнему один из нас.

Перед отбоем Эшли спрашивает Уилла, не хочет ли он прийти завтра в церковь. От этих слов Уилл снова отчаянно плачет. Худые плечи сутулятся под пижамой и трясутся от рыданий.

- Заткнись, на хрен, - рычит на Эшли Том. – С ним все в порядке.

- Я же не о здоровье говорю, - возражает «преподобный». – Он расстроен и напуган. В церкви ему помогут успокоиться. Вот и все. Только успокоиться.

Луис в ванной, а я лежу на кровати и не нахожу в себе сил спорить, зато Том от подавленного гнева трещит по швам.

- Ты ублюдок с замашками покровителя. Навозный жук, питающийся всем этим дерьямом через чистоплюйские псалмы и дурацкие молитвы. Ходишь тут, как Иисус! Если сам не заткнешься, я тебе столько зубов повыбиваю, что ты сам в лазарет запросишься. Ты паразит. Букашка. Ничтожество!

Говоря все это, Том постепенно подходит все ближе и уже нависает над Эшли, а тот скучоживается и пятится. Впервые вижу, что Эшли нервничает, и мне это доставляет удовольствие.

- Я всего лишь хочу помочь, - пугливо бормочет он. – Только помочь.

- Заткнитесь уже! – устало ворчит Уилл. – Все – заткнитесь! Голова болит.

Он опять плачет, и все мы слышим тихие испуганные всхлипы из-под одеяла. От этих звуков печет глаза и скручивает живот. Я хочу хоть как-то все уладить, но не могу. И ненавижу себя за то, что хочу, чтобы все это прекратилось. Чтобы Уилл перестал плакать. Чтобы из-за него я не думал о той же судьбе, которая настигнет меня не в таком уж далеком будущем. В конце концов Луис встает со своей постели и залезает к Уиллу. Нашептывает ему сказки, чтобы хоть как-то отвлечь.

Дождаться не могу, когда на них подействует снотворное. Мне нужен мир и покой. Мне нужна Клара.

К полудню снег начал таять, но потом температура снова упала, и снег превратился в твердую корку льда. Однако мы все равно идем за стену. Чувствуем, что должны пойти. К бухте шагаем так быстро, как только можем, а потом тихонько прокрадываемся на причал. Почти не разговариваем, но крепко держимся за руки. Мы оба стараемся хоть на время забыть о доме, но не получается. Я знаю, Клара думает об Уилле, потому что я тоже о нем думаю. О нем, о медсестре, о Хозяйке. Теперь я точно знаю: все изменилось. Нужно сосредоточиться на побеге. Может быть,

сбежать от того, что внутри нас, мы и не сможем, но уж точно сможем сбежать из этого странного места.

За все время мы ни разу не улыбнулись. Мышцы во всем теле горят, пока мы со всей осторожностью спускаемся в гребную лодку. Надо узнать, выдержит ли она двух человек. Дерево скрипит, но держится. А сидеть в лодке все равно что сидеть на куске льда. Клара оглядывается по сторонам и смотрит туда, куда скоро прикалит катер с продуктами.

- Нужно убедиться, что мы сумеем добрести до того места, если отвяжем лодку, - тихо говорит Клара. – Если придется, будем грести руками.

- Не проблема, - фыркаю я. – Останется только залезть на катер, и до свидания.

- Это если будет возможность забраться наверх по борту. А если не будет, рискнем попасть на катер прямо с причала, пока грузовик будет у дома.

- Уже не могу дождаться, - говорю я.

От холода весь дрожу и слышу, как стучат зубы. Непроглядное черное море вокруг кажется тягучей нефтью. Над водой гуляет резкий пронизывающий ветер. Ужасно хочется оказаться у теплого дружелюбного океана, о котором мы столько говорили.

- Достань мне пару шпилек. Завтра ночью попробую вломиться в кабинет Хозяйки. Может, у нее где-то есть расписание для грузовика. – Что ж, это почти правда.

Мы сидим друг напротив друга, чтобы не раскачивать хрупкое, видавшее виды суденышко. Больше всего на свете мне сейчас хочется обнять Клару.

Она смотрит в небо.

- Вот бы снова появились огни!

Однако над горизонтом виднеется только розовая дымка. Долго я на нее не смотрю. Она напоминает о следах на ногах Уилла. О самом Уилле, медсестре и Хозяйке.

- Я все думаю о «витаминах», - нарушаю я затянувшуюся тишину. – Может, в них есть что-то такое, от чего все ускоряется?

Клара смотрит мне в глаза. Она совсем не дрожит. Поражаюсь, как ей может быть не холодно. Впрочем, в Кларе меня поражает все. Она – моя загадка, королева русалок.

- Думаешь? – Ее голос звучит выше – из-за надежды. Она волнуется не меньше меня, но лучше это скрывает.

- Не знаю. Это просто мысли.

После нашей медсестры никакие действия Хозяйки меня уже не удивят. Мысль о том, что от таблеток дефективность ускоряется, ничем не хуже других. Может быть, даже лучше. Для нас. Мы-то таблетки не пьем. Может, у нас впереди годы, а не считанные месяцы.

- Когда в последний раз дефективные на самом деле менялись? – спрашивает Клара.

- Не знаю. Лет сто назад. Может, восемьдесят.

Я и правда не знаю. В любом случае это было давно. Анализы проводились уже тогда, когда моя бабушка была маленькой. А значит, трансформации случались еще раньше. В те времена дефективных было намного больше.

- Я вот даже не знаю, во что мы должны превратиться. У кого-то в школе был старый фильм ужасов на эту тему. С тех времен, когда такие фильмы еще не запретили. Но я его так и не

посмотрела.

Я смотрю на чернильную воду.

- Во что бы мы ни превратились, ничего хорошего в этом нет. Самими собой мы уже точно не будем.

- Может быть, нам стоит подыскать для себя необитаемый островок. Не хочу кому-то причинить вред. И нужно пистолет купить. Если кто-то из нас начнет меняться, второй сможет с этим разобраться.

- То есть ты уже собираешься меня прикончить? – пытаюсь пошутить я.

Совсем не хочется думать об испорченных генах у нас в крови.

Клара тихонько смеется, и мне кажется, что в царящей вокруг ночи она – воплощение света и тени.

- Себя я тоже убью. Сразу же.

- Я бы тоже так поступил, - отзываюсь я, хотя не уверен, что говорю правду.

Я люблю Клару. Не могу представить, что ее нет рядом. Однако бесконечную пустоту представить тоже не могу. Возможно, я так сильно ненавижу Эшли отчасти еще и потому, что не могу разделить его фантазии о вечной жизни после смерти.

- Мы окажемся в земле, - говорит Клара, - а потом наши атомы вместе будут путешествовать по миру. Абсолютно свободные.

Мысль приятная, но этого мало, чтобы угомонить страх. Я хочу оставаться собой. Желательно навсегда. Поэтому знаю, что изо всех сил буду бороться за шанс выжить. Сомневаюсь, что смогу приставить пистолет к виску и нажать на спусковой крючок. И сама эта мысль меня бесит. Я

люблю Клару всем сердцем и не хочу испытывать слабость. Не хочу, чтобы страх затмил мои чувства к ней.

- Я думала, со снегом все наладится, - усмехается она.

- Я тоже думал. День или два. Сначала и правда было классно. Отличный тогда выдался денек.

- Бедняжка Уилл, - вздыхает Клара.

Через некоторое время мы поднимаемся обратно на причал и разговариваем обо всем на свете. О том, что будем делать, есть и носить, когда сбежим. На что будем жить. Но сегодня разговоры кажутся пустыми и бессмысленными. Постоянно ощущается незримое присутствие Уилла. Словно на одном плече у меня он, а на другом – наша медсестра.

Вернувшись в дом, мы чуть-чуть обнимаемся и целуемся на кухне. Но каждое прикосновение пропитано печальным отчаянием и желанием доказать самим себе, что мы еще живы. И все же ощущать кожу Клары, которая, по сравнению с моей, кажется пламенно горячей, очень приятно. В конце концов Клара начинает плакать, а мне нечего сказать, чтобы ее успокоить. Все, что здесь творится, дерзковато. Все, кроме нас с ней. Завтра ночью я обязательно узнаю, когда вернется катер.

Глава 18

Спать и в мыслях не было, но вырубаюсь я мгновенного и дрыхну несколько часов до самого подъема, хотя звонка не слышу. Будит меня Том. На улице ярко светит солнце, все блестит, а снег со льдом потихоньку тают. Чудесный день. Одеваясь,

я смотрю в окно, но в конце концов приходится отвернуться.

Луис помогает Уиллу одеться, и становится ясно: за ночь все стало хуже. Ноги Уилла дрожат. Сам он как будто похудел. Глаза впали и излучают дикий страх.

- Нужно помочь ему за завтраком, - глядя на меня, говорит Луис.

Хотелось бы, чтобы они хоть иногда на меня не смотрели. Я люблю Уилла, но сейчас находится с ним рядом не хочу.

- Без проблем.

- Со мной все путем. – Уилл пытается натянуть ботинки, но пальцы не слушаются, поэтому Луис приседает и помогает ему обуться. – Ерунда это. Правда.

Он смотрит на Тома, на меня и наконец на Луиса, отчаянно желая найти подтверждение собственным словам. Из нас троих только Луис изображает натянутую улыбку:

- Я знаю, но пока ты не поправишься, тебя могут заметить медсестры. А мы не хотим, чтобы в тебя тыкали всякими инструментами, когда на улице еще остался снег. К тому же мы еще в шахматы не доиграли.

Не могу на них смотреть. Слишком больно.

За завтраком с трудом сдерживаюсь, чтобы не отодвинуться подальше. Знаю, другие спальни поступали так со своими. И дело вовсе не в грубости. Просто видеть все это вблизи слишком тяжело. С нами сидит уже не наш Уилл. Наш Уилл ест как не в себя и во всем видит только лучшее. Наш Уилл до сих пор думает, что родителям разрешат нам написать.

- Не хочу, чтобы у меня из глаз кровь забрызгала.

Вот и все, что говорит он за столом, пока мы все делаем вид, будто едим. Ссугулившись, он смотрит на свой тост. Слова звучат еле слышно, но пугают меня до глубины души.

Ужасный день длится невозможно долго. Напряжение постепенно нарастает. Возникает ощущение, что у меня в теле вот-вот порвутся все сухожилия. Жаль, что новых учителей до сих пор нет. Хоть несколько часов убил бы за уроками.

Мы выходим в сад. Солнце светит, но воздух все еще холодный. Луис с Элеонорой всеми силами стараются отвлечь Уилла. Думаю, они пока не верят, что пришел его черед. Или по собственной воле не хотят этого видеть. Почему-то от этого все только хуже. Теперь нужно волноваться сразу за троих.

- Ты как?

Ко мне подходит Джейк и садится рядом на качелях. Я думаю о пари, которое мы заключили с Луисом по поводу того, что следующим будет Джо, который сейчас вместе с Дэниелом весело гоняет мяч по талому снегу. Оба выглядят абсолютно здоровыми.

- Порядок, - киваю я. – Не вечно же удаче нам улыбаться.

Джейк больше ничего не говорит. Вот и хорошо. Пусть мы заключили перемирие, но сейчас все изменилось. Сейчас он не один из нас. Происходящее касается только четвертой спальни, поэтому мы сплачиваемся еще сильнее, отгораживаясь от остальных.

Днем Уилл уже кашляет кровью. Теперь все, даже Луис с Элеонорой, понимают: это конец. Остается только ждать. На хлюпающем снегу виднеется ярко-красное пятно, и мы с Кларой его быстренько затаптываем. Меня за руку крепко хватает Уилл и держится, как может держаться за руку взрослого совсем маленький ребенок.

- Я не хочу, чтобы меня забрали в лазарет совсем одного, - печально глядя в землю, говорит он и начинает плакать. – Домой хочу. Спросишь у них, можно ли мне поехать домой? Только не давай им забрать меня наверх. Пожалуйста!

Мы уводим его в дом, чтобы смыть кровь со рта, а потом поднимаемся в спальню и закрываем дверь, не впуская даже Луиса и Элеонору. Уилл умоляет нас не бросать его, и мы даем ему слово, что не бросим. В конце концов он засыпает, а мы с Кларой оберегаем его сон. Время идет. Дышит Уилл как-то странно, словно ему с трудом дается каждый вдох. Он тает прямо на глазах. Не так быстро, чтобы не успеть испугаться, но все-таки тает. Мы с Кларой беремся за руки, и ее теплые пальцы крепко сжимают мою ладонь.

- Нельзя ему в лазарет, - наконец говорит Клара. – Мы не должны этого допустить. Он еще совсем маленький. Ему страшно.

- Может, сегодня его не заберут. Никто из медсестер, кажется, пока ничего не заметил.

Мы замечаем перемены друг в друге гораздо быстрее, чем медсестры. А может, они заранее знают, когда уже точно пора кого-то забирать. Мы понятия не имеем, что происходит наверху. Возможно, прежде чем покончить с нами, медсестры тянут время, чтобы посмотреть, что

будет. Или ставят на нас опыты, а потом используют тела, чтобы найти способ полностью уничтожить болезнь. Что бы там ни происходило, результат один: так или иначе, это смерть.

- Мы должны подарить ему последнее приключение, - предлагает Клара. – Устроим ему потрясающую ночь. Возьмем с собой в пещеру. Ему там понравится.

Голос у нее печальный, но в словах кроется какой-то смысл, которого я пока не понимаю.

- Там ему не будет страшно, - добавляет она. – Не хочу, чтобы он боялся.

Я смотрю Кларе в глаза, и постепенно до меня доходит, что она имеет в виду. Мы составляем план. Едва проснувшись, Уилл снова плачет. Из его груди вырываются тихие рыдания, и я понимаю: мы поступаем правильно. Надеюсь, что правильно.

Когда в доме воцаряется тишина, будить Уилла не приходится. Он не спит и уже готов ко всему. Как только мы сказали, что хотим поделиться с ним секретом, и велели не пить витамины и никому, даже Луису, ничего не рассказывать, у него слегка поднялось настроение, а в глаза вернулся намек на прежний живой блеск. За полдником, пока мы все помогали Уиллу, он постоянно улыбался, отчего даже Луису как будто полегчало. Гений надеялся, что его друг поправится, как поправился Джо. Что это окажется банальный грипп.

- Куда мы идем? – шепчет Уилл.

- У нас для тебя особенный сюрприз, - отвечаю я, помогая ему обуться.

На ступеньках поддерживаю Уилла, а половицы, словно сговорившись, даже не скрипят. Наверное,

какую-то часть дороги придется нести его на руках.

- Так ты поэтому весь день дрыхнешь? Ночью, что ли, вообще не спишь?

- Иногда.

- А нам почему не сказал? – В темноте он кажется совсем бледным. Потом обиженно добавляет: - Про таблетки. Зачем хранил от нас этот секрет?

- Не знаю. Боялся, что меня поймают, если кто-нибудь узнает. – Сейчас это и есть правда. Не говорить же Уиллу, что поначалу я лишь хотел хоть ненадолго избавиться от всех, кто есть в доме. Да и от самого дома. – Я никому не говорил. Даже Кларе. Она сама додумалась про таблетки и не стала их пить.

Уилл кивает и вроде ухмыляется. Наверное, ему хватило моих объяснений. Уилл не из тех, кто держит зло. В людях он видит только лучшее.

Внизу лестницы нас уже ждет Клара с двумя флягами в сумке. На одном плече у нее висит одеяло. Уилл улыбается ей, а я помогаю ему спуститься по последним ступенькам. Клара протягивает мне две здоровые шпильки, которые стащила у Гарриет, и шепотом говорит:

- Нам нужен ключ от задних ворот. А мы с Уиллом пока приготовим сэндвичи, да? – Она улыбается ему, а потом смотрит на меня. – Увидимся в кухне. Уверен, что ключ и правда там?

Я киваю. Пришлось сказать Кларе, что я подслушал, как медсестры говорили о ключах в кабинете хозяйки. Само собой, это ложь, но сказать о том, что я видел ключи на стене собственными глазами, когда сдавал повторный анализ, я не мог.

Наконец я остаюсь один перед кабинетом

Хозяйки, делаю глубокий вдох и просовываю шпильки в замок, как учил Джейк. Остается только уговорить руки не трястись. От пота пальцы скользкие, но я стараюсь сосредоточиться и после нескольких неудачных попыток все-таки слышу знакомый щелчок. Все, пути назад нет. Очень осторожно открываю дверь, причем уверен, что вот-вот заорет сигнализация и замигают огни. Но ничего не происходит. В тишине раздается только мое прерывистое дыхание.

Заглядываю в темную комнату и ужасно боюсь, что сейчас увижу за столом фигуру Хозяйки с рядами острых зубов и с чудовищно сияющими глазами. Однако в кресле никого нет. Передо мной самая обычная комната. Прикрыв за собой дверь, я крадусь к столу и включаю настольную лампу. С непривычки свет кажется таким ярким, что я на мгновение зажмуриваюсь, а потом подскакиваю к стене и по надписям на брелках ищу нужный ключ. Он старый, длинный и серебристый, с круглой петлей на конце. Наверное, именно такие ключи ведут к волшебным местам и открывают сундуки с сокровищами. В руке ключ кажется прохладным. От одного лишь его вида кружится голова. Меня начинает подташнивать. Когда я верну этот ключ на место, все безвозвратно изменится.

Кладу его в карман и быстро просматриваю пришиленные к стене бумажки, но ничего о катере не нахожу. Начинаю паниковать, снова и снова глядя на имена, даты и время, которые ни о чем мне не говорят, и наконец смотрю на настенный календарь. Глаза выхватывают однозначное слово, и сердце несется вскачь. В клеточке десятого числа, которое выпадает на

четверг, кто-то аккуратным почерком написал синим фломастером «Доставка».

Внезапно до меня доходит, что я понятия не имею, какой сегодня день недели. Начинаю искать подсказки. В голове гудит. И все же я нахожу то, что нужно. Еще одно слово в календаре. «Учителя». Видимо, в этот день уехали все наши учителя. Отсчитываю дни. Получается, что сегодня суббота. Если верить календарю, завтра приедут новые учителя, а катер появится меньше чем через неделю. И снова сердце бешено колотится. Лодка придет раньше, чем мы ожидали. После того, что случится сегодня, мне страшно захочется оказаться где-нибудь подальше отсюда. Там, где можно будет обо всем забыть.

Повернувшись к столу, я собираюсь выключить лампу, но вдруг замечаю лист бумаги, на котором заглавными буквами напечатаны наши с Луисом имена. Дрожащими руками беру листок и пытаюсь разобраться в медицинских терминах, которыми испещрена вся страница. Лишь добравшись до последнего абзаца, я понимаю все, что прочел. Перечитываю абзац трижды. Пялюсь на слова так усердно, что болят глаза. А вдруг на бумаге что-то изменится? Не могу дышать. Не знаю, что должен чувствовать. И не верю тому, что вижу.

Меня ждут Клара, Уилл, пещера и ключ, поэтому беру бумажку и отправляю ее в ксерокс. Он так долго включается, что я нервничаю не на шутку, потом вздрагиваю от шума и в конце концов возвращаю лист туда, где взял. Копия на ощупь теплая. Я поспешно складываю ее и заталиваю в карман. В голове копошатся мысли. Обо мне и Кларе. Обо мне и Луисе. Обо всех

остальных. О лодке. О побеге. Хочется сесть и перевести дыхание, но времени нет. Потом.

В итоге решаю, что первым делом нужно пережить сегодняшнюю ночь. Поэтому выключаю свет и в темноте крадусь обратно в коридор. Бумажка, которая лежит в кармане, не изменила того, что должно сегодня произойти.

Уилл и Клара ждут меня у кухонного окна. Даже в толстом свитере и пальто Уилл кажется очень маленьким. Клара надела ему на руки носки, чтобы не замерз. Пока мы ведем его на улицу, у него горят глаза. Небо над головой ясное, ночь холодная, но Уиллу, похоже, наплевать. Он громко ахает, когда мы открываем ворота. Слава богу, они скрипят и в половину не так громко, как я ожидал. Глядя, как радуется Уилл, я вспоминаю о том, какую ощущил свободу, когда мы с Кларой впервые перебрались за стену. В ту ночь впервые со дня приезда в дом я почувствовал себя живым.

К пляжу мы идем медленно. Уилл еле-еле передвигает ноги, а каждые пару метров и вовсе спотыкается, но решительно настроен идти сам, а не висеть у меня на спине.

- Море! – говорит он, когда мы останавливаемся над рваным проходом вниз. – Вы только гляньте!

- Красиво, правда? – улыбается Клара.

Темная гладь подмигивает нам отражением звезд. Уилл кивает, и его лицо озаряется широченной улыбкой. Он уже забыл о крови. Забыл о том, что происходит. Его полностью поглотило ночное приключение.

- Идемте, - говорю я. – Дальше еще интереснее.

Очень медленно мы спускаемся к морю, хотя мы с Кларой знаем эту дорогу так хорошо, что

могли бы бежать по ней с закрытыми глазами и нигде не споткнуться. Но сегодня с нами Уилл, и мы постоянно подсказываем ему, куда поставить ногу, а куда лучше не ставить. Тем не менее, мы его крепко держим, так что в любом случае он не упадет.

Уже на гальке он тяжело дышит, и в каждом выдохе я слышу влажные хрипы, но сам Уилл, кажется, ничего не замечает. Я рад, что сегодня мы вытащили его из дома. Уверен, медсестры за ним придут завтра.

- Ветер кошмарный! – кричит он мне, и вытирает бегущие по щекам слезы.

От холода у меня течет из носа, и я киваю в ответ. Мы весело смеемся, радуясь тому, как над нами издевается матушка-природа.

- Давайте скорее в пещеру.

Каменистая тайная комната, которая до сих пор принадлежала только нам с Кларой, теперь кажется почти домом. Пока Клара поджигает огарок свечи, я сажу Уилла на камень у входа и закутываю в одеяло. По лицу вижу, что он в восторге от происходящего. Я даже чуточку горжусь, пусть пещера никогда и не была по-настоящему нашей.

- А что вы делаете тут по ночам? – спрашивает Уилл. – Морем любуетесь?

Клара оглядывается на меня и поджимает губы. Уилл совсем маленький. Ему и в голову не приходит, что мы можем тут обниматься и целоваться. По-настоящему. Все это – часть того будущего, которое у него укради.

- Ой, что только ни делаем! – отвечает Клара и разворачивает бутерброды, которые приготовила

для Уилла.

Хлеб она нарезала треугольниками и срезала корочки, чтобы ему было проще жевать. И вообще, сэндвичи выглядят так, будто их готовили к какому-то шикарному чаепитию. Наверное, в прошлом Клары таких было немало.

- Разговариваем, например, - продолжает она. – Смотрим на море. А еще Тоби мне рассказывает о русалках.

- О каких еще русалках? – Уилл откусывает маленький кусок и с трудом жует.

- Они живут в морских глубинах, - отвечает Клара, - но иногда выходят на берег, чтобы представить, каково это – быть людьми и ходить по земле. Правда, выходят они только по ночам и остаются на берегу до рассвета, чтобы увидеть, как восходит солнце. А потом приливом их уносит обратно в море.

Уилл смотрит на нее широко распахнутыми глазами. Голос Клары тихий и прекрасный. Боюсь, что, глядя на них, расплачусь. А реветь сейчас никак нельзя. Не помню, чтобы вообще когда-нибудь много и часто плакал. Даже в детстве. Думаю, больше всего хочется зареветь из-за бумажки, которая лежит в кармане. Она открыла внутри меня что-то давно запертое. В эту темную ночь мой мозг и сердце растягиваются во все стороны. Горло болит и сжимается. Я заставляю себя есть, жую холодный хлеб, а во рту становится еще суще. Хочется чем-нибудь запить бутерброд, но для этого еще рано.

- Это пещера русалок, - продолжает Клара, одной рукой обнимая Уилла, - а ты сидишь на русалочьем троне.

- Русалки не настоящие, - улыбается Уилл и пожимает плечами. – Но история классная.

- Очень даже настоящие! А знаешь, что я тебе еще расскажу?

- Что?

В этот самый момент я замечаю над горизонтом первые зеленые вспышки, устремляющиеся вверх неоновыми лентами. Распахиваю глаза и напрочь забываю о еде и желании заплакать. Огни вернулись. Лучше и быть не могло. Мы хотели подарить Уиллу потрясающую ночь, и небо стало нашим союзником, предложив свои дары.

- На дне русалки устраивают фантастические вечеринки и пьют русалочье вино прямо из ракушек.

- Клара, смотри, - встреваю я. – Все повторяется.

К зеленым вспышками примыкают розовые и желтые, разливаясь причудливыми полосами в черном небе. Мы словно заглядываем в глубины вселенной. На мгновение я почти забываю о листке в кармане, из-за которого все изменилось, о том, что Уилл умирает, о нашем с Кларой плане. Нас целиком поглощают волшебные небесные краски.

У Уилла отвисает челюсть. Я даже вижу на его зубах пережеванный хлеб, но в темноте не разглядеть, есть ли на нем кровь. Да и не хочется мне этого знать. Теперь это не важно.

- Это еще что такое? – еле слышно шепчет Уилл.

Я поднимаю его с камня и подвожу к входу в пещеру. Клара вытаскивает из сумки фляги и подходит к нам.

- Магия русалок, - говорю я. – Где-то глубоко на дне у них балл в честь какого-то праздника.

Не знаю, слышит ли он меня, да и не имеет это значения. Мы стоим в тишине, зажав Уилла с обеих сторон. Время от времени он вздрагивает, но ничего не замечает. Как и нас с Кларой, его захватили огни. Время словно остановилось.

- Ничего красивее отродясь не видел, - наконец говорит Уилл. – Как будто мы попали в новый мир. В Нарнию или еще куда.

- Говорила же, - улыбается Клара, - русалки настоящие. И магия их тоже. Может, даже Нарния где-то существует.

- Красота неописуемая!

Пока Уилл завороженно смотрит на огни, мы с Кларой переглядываемся, и у меня в животе что-то обрывается.

- Я замерз, - говорю я, стараясь скрыть, как дрожит голос. – Ты кофе сделала?

- Конечно. Вот.

Она вручает мне флягу, и я отпиваю маленький глоток. Горьковатый вкус подсказывает, что фляга у меня в руках та, что надо.

- А для тебя, Уилл, я сделала какао. Хочешь?

- Да, если можно.

Уилл смотрит на Клару, широко и счастливо улыбаясь. Сейчас его голова не занята страшными мыслями.

Я твержу себе, что мы подарили ему лучшую ночь в жизни, но все равно такое ощущение, что огни у меня над головой меркнут. Дрожащими пальцами Клара откручивает крышку, а я помогаю Уиллу хорошенъко взять флягу в затянутые носками ладони. Он подносит ее ко рту. Интересно, поймет ли он? Заметит ли? Клара придерживает флягу за дно на случай, если Уилл ее уронит. Я вижу, что

руки у Клары до сих пор дрожат.

У меня так отчаянно болит сердце, что я сам удивляюсь. Я люблю Уилла. Не так, как Клару, конечно, а как младшего брата. В доме все иначе. Мы нужны друг другу, а Уилл первый, кто уйдет из нашей спальни. Я думаю о бумажке в кармане и жалею, что нашел ее именно сегодня.

- Допивай все, - тихо велю я. – Так дольше не замерзнешь.

Уилл отпивает большой глоток, и над верхней губой остаются шоколадные усы.

- Спасибо, Тоби, - говорит он. У него в глазах сияет такая любовь, что у меня разбивается сердце. – Это было потрясно.

Больше мы ничего не говорим. Уилл пьет какао, а я с трудом глотаю кофе, делясь флягой с Кларой. Мы смотрим в небо, хотя я знаю, что наши с Кларой глаза уже не видят никаких огней. Даже если бы мы захотели их увидеть, то не смогли бы из-за застилающих глаза слез.

Через какое-то время Уилл роняет флягу и обмякает между нами. Мы снова садимся на камень у входа в пещеру. Я поворачиваюсь, чтобы Уиллу было видно небо, в котором весело пляшут разноцветные вспышки. Он прижимается ко мне, и я обнимаю его покрепче, чтобы не замерз. Глаза у него закрыты, голова запрокинулась, но он дышит. Неровно и тяжело, но все же дышит. Я хочу, чтобы эта чудесная ночь длилась для него целую вечность. Хочу, чтобы он смотрел на великолепное небо. Пусть даже неечно, но хотя бы столько, сколько сможет.

Времени уходит больше, чем я ожидал, но в конце концов Уилл перестает дышать. Сначала

дыхание замедляется, становится поверхностным, а потом просто прекращается. Тело Уилла внезапно становится тяжелее, но кажется совсем пустым. Я и не осознавал, как внимательно прислушивался к еле слышным вдохам и выдохам, пока не перестал их слышать.

Мир вокруг вертится с бешеною скоростью. Кажется, меня вот-вот вырвет. Клара больше не сдерживает слезы и задыхается от рыданий. Очень осторожно я стираю рукавом куртки шоколад с губ Уилла. Когда его найдут, он будет чистым и опрятным. Иного я не допущу.

Мы продолжаем сидеть, обнимая Уилла за плечи. Не хотим отпускать его, хотя он уже нас покинул. Пальцы Клары прикасаются к моим.

- Мы же правильно поступили? – шепотом спрашивает она.

Но даже в шепоте я слышу страх. Страх перед чудовищностью того, что мы натворили. Прежде чем ответить, я долго думаю и наконец со всей серьезностью говорю:

- Да. Мы совершили ужасный поступок, но правильный.

Теперь в прутике моей кровати нет ни одной таблетки. Пока Уилл днем спал, мы собрали «витамины», которые не пили ни я, ни Клара, и решили, что должны делать. Я даже успел подумать, не для себя ли подсознательно собирая их, чтобы выпить залпом, когда придет мой черед познакомиться с лазаретом. Но это вряд ли. Со мной все было бы, как с остальными. Я бы заболевал все сильнее и сильнее и надеялся, что тут какая-то ошибка. Теперь все кажется странным. Рядом мертвый Уилл, а карман прожигает бумажка.

Рассказать о листке Кларе я не могу. И никогда не смогу. Он станет очередным звеном в цепи секретов. Но я люблю ее. Люблю всем своим естеством. Особенно сейчас, после того, что мы вместе сделали. Не хочу все испортить. Не хочу, чтобы мы отдалились, и чтобы она стала смотреть на меня как-то по-другому.

- Нам пора, - говорю я, когда небесные огни начинают тускнеть.

Клара кивает и собирает вещи, а я поднимаю Уилла на руки. Он тяжелее, чем я думал, но мне все равно. Отнести его обратно в дом – настоящая привилегия. Большая честь. А еще искупление за наше с Кларой решение. Это мой долг, и я его исполню.

Когда мы проходим через задние ворота, с меня ручьями льется пот. Одежда прилипла к коже, руки дрожат. Спина болит и требует отпустить Уилла, но я крепко его держу, пока не оказываюсь рядом с огромным дубом. Уже там очень осторожно опускаю Уилла на землю, прислонив спиной к стволу, словно он просто сидит. Уилл заваливается набок, но мы выпрямляем его и подсовываем сзади пустую флягу от какао, чтобы не упал. Дерево большое и сильное. Уилла уж точно выдержит. Внезапно я понимаю, что не могу больше сдерживаться. По щекам текут слезы. Клара укутывает Уилла одеялом. Когда все готово, мы несколько минут стоим и смотрим на него. Я сглатываю рыдания и едва чувствую, как Клара меня обнимает. В конце концов она тянет меня к дому.

Я не хочу уходить и бросать здесь Уилла одного, но утро неумолимо приближается. Надо было

отнести тело обратно в постель, сделать вид, будто Уилл умер во сне. Так было бы безопаснее, да и выглядело бы менее подозрительно, но я не хочу. Пусть Хозяйка решит, что Уилл бросил дому последний вызов. Сам вышел на улицу и умер под сенью огромного дуба на открытом воздухе, а не в стенах опостылевшего дома. Слабоватый бунт, конечно, но я хочу, чтобы Уилла, пусть даже неохотно, уважали после смерти.

- Спокойной ночи, Уилл, - шепчу я, ничего не видя из-за слез. – Сладких снов.

Клара берет меня за руку и уводит в дом, где она убирает наши следы на кухне, а я возвращаю ключ на место и заново запираю кабинет Хозяйки. На этот раз шпильки делают свое дело быстро и легко – у меня больше не дрожат руки. Просто я устал до потери пульса. Не от веса Уилла, нет. Нести его было проще простого по сравнению с тем, что мы совершили. С этим знанием нам теперь придется жить.

И все же я убеждаю себя, что мы поступили правильно. Повторяю себе эти слова снова и снова, пока мы с Кларой лежим на кровати в пустой спальне и плачем, прижимаясь друг к другу горячими лицами. В конце концов от слез у нас болят животы, а сами мы чувствуем себя опустошенными и измотанными. Мы совершили добный поступок. Я не мог дать Уиллу умереть в лазарете, где он был бы совсем один. Никак не мог.

Подходя к дому, он все еще чувствовал во рту липкий привкус кока-колы, а заметив фургон, остановился. Должно быть, мама вызвала рабочих. Может, и ей наконец-то надоело, что каждые

несколько минут из душа течет холодная вода. Школьный рюкзак был забит домашними заданиями, которыми Тоби не собирался заниматься в выходные. Шаря в кармане в поисках ключей, он думал, что, возможно, достанет учебники и даже чуть-чуть на них посмотрит, однако в голове была только субботняя вечеринка и мысли о том, как бы произвести впечатление на Джули Маккендрек, чтобы при этом не выставить себя на посмешище. А еще он думал, как быть с Джонси. Вечером они встретятся, и надо успеть решить, брать его с собой или нет. Идти на вечеринку с Джонси Тоби совсем не хотел, но стоило ему представить лицо друга, когда он ему об этом скажет, как в животе все переворачивалось. К тому же оставалась вероятность, что Джули им вовсе не интересуется, и тогда он вообще зря рискнет дружбой с Джонси. Да уж, нелегкая ситуация. Быть подростком вообще нелегко.

Он не слышал, как открылась дверь фургона. Он хотел лишь зайти в дом, где наверняка будет прохладно, и найти что-нибудь холодное в холодильнике, чтобы смыть прилипшую ко рту сладость. Может быть, мама купила сока.

Только зайдя в коридор и бросив рюкзак рядом с обувью, Тоби понял, что что-то случилось. Услышав отчаянный, ужасный плач, он даже не сразу осознал, что плачет мама. И до сих пор у него в голове не сложилась полная картинка из фургона, анализа и слез. Первым делом он подумал о папе, о том, как далеко ему ехать до работы, и о разбитой, покореженной машине. Сердце сразу же забилось быстрее.

- Мам?

Быстрым шагом он направился в кухню, но до двери не дошел – мама выскочила в коридор.

- Беги, Тоби... Прошу тебя, беги!

Ее остановили чьи-то руки, а он стоял и ничего не понимал. Неужели их грабят? Что вообще происходит? Какой-то мужчина держал маму и что-то говорил ей спокойным голосом, а она все кричала и кричала сыну бежать. В руках у другого мужчины была одежда. Джинсы, футболка, кроссовки.

- Можешь переодеться в фургоне, - сказал второй, но Тоби не расслышал ни единого слова.

В ушах стоял жуткий, непереносимый крик заплаканной мамы, которая умоляла не забирать его, не отнимать у нее ребенка, потому что наверняка произошла какая-то ошибка.

Пока его, как покорного ягненка, вели к залитому солнечным светом фургону, мама кричала, что любит его и всегда будет любить. Лишь заглянув в фургон, Тоби увидел правду и закричал, умоляя маму помочь.

Глава 19

Просыпаемся мы в полной тишине. Кровати Уилла нет. Я стараюсь выглядеть таким же ошарашенным, как и все, вот только все случилось при мне. Когда за кроватью и вещами Уилла пришли, я лежал с закрытыми глазами и старался ровно дышать, в то время как сердце бешено колотилось. Медсестры переговаривались шепотом. Мне показалось, что они если и не в ужасе, то очень удивлены. Пусть горькая, но все-таки победа. Кто

из них выглянула в окно и увидела Уилла под деревом? Надеюсь, это была Хозяйка. Времени до подъема оставалось совсем мало, поэтому медсестры в спешке делали свое дело и бегали по коридорам. Зато, когда все проснулись, все было нормально. Так нормально, как только может быть, когда кто-то из твоей спальни исчезает за одну ночь.

- Бедный Уилл, - в конце концов говорит Эшли. - Я думал, у него еще как минимум день в запасе.

Долго-долго Луис смотрит на пустое место, где стояла кровать, а потом начинает плакать, не сдерживая рыданий. Я подхожу, чтобы успокоить его, но он меня отталкивает.

- Не надо, - говорит он зло и обиженно, как раненое животное. - Не трогай меня. Оставь меня в покое.

В его глазах горит гнев, и я ухожу. Такого я не ожидал. Луис всегда искал во мне поддержку. Том молча пожимает плечами. Что ж, такова скорбь. Вот и все.

- Ну, если понадоблюсь, я здесь, - бормочу я.

Мы с Луисом не просто соседи по спальне. У нас с ним один секрет на двоих, хоть он этого пока и не знает. Кожу сквозь карман джинсов прожигает бумажка.

- Поговорим потом? - спрашиваю я у Луиса, когда мы спускаемся на завтрак, но гений меня словно и не видит.

За столом он отсаживается от нас подальше и машинально ест.

Клара совсем бледная, а Элеонора, заметив, что Уилла нет, рыдает в три ручья. Все на нас пялятся. Такое чувство, будто меня видят насеквоздь. Это

ужасно. Настолько, что начинает подташнивать. Кажется, пещера далеко-далеко, но я нарочно вызываю в памяти восторженное выражение лица Уилла, когда он пил какао. Никто этого не узнает, но мы с Кларой совершили хороший поступок. Я цепляюсь за эту мысль, как за крошечную соломинку в океане мрака. Еще неделя. Одна неделя – и мы будем свободны. Учитывая обстоятельства, это, наверное, странно, но такие мысли слегка успокаивают. Нас с Кларой ждет приключение. Теплый пляж, где мы будем свободно и беззаботно смеяться. Однако стоит лишь взглянуть на Луиса, как в меня ножом врезается чувство вины. Все точно так же, как с Джонси и вечеринкой. Возьму я Луиса с собой или нет? От усталости кажется, что в глаза насыпали песка. Я подумаю об этом позже. Поговорю с Луисом, когда он хоть немного придет в себя.

Эшли успевает подсуетиться, и повсюду висят плакаты с текстом, что вечером пройдет поминальная служба в честь Уилла. Понять не могу, на кой Эшли парится с бумажками. С тем же успехом можно было бы сообщить всем желающим лично. А плакаты наводят на мысль, что Эшли цены себе не сложит. Интересно, что бы об этом подумал Уилл? Не помню, бесила ли его церковь так же, как меня. Наверное, он об этом просто-напросто не задумывался. Оказывается, есть куча всего об Уилле, чего я теперь никогда не узнаю.

Клары нет – она ушла присматривать за Элеонорой, но я не против. Мне нужно побывать наедине с самим собой, пока дом пытается очнуться и залепить дыру в форме Уилла тонкими бумажками. Я брожу по коридорам, как бывало в

первые дни. Только теперь уже понимаю, что намеренно складываю в памяти стопочками воспоминания, хотя на самом деле ничего помнить не хочу. Мы ведь все-таки сбежим из этого странного дома, который никогда не был нам домом по-настоящему. Из этого странного места, где навсегда теряются вещи и люди.

Луис в комнате для рисования вместе с Гарриет. Перед ним огромный лист желтой бумаги. Язык едва не касается носа, пока гений аккуратно выводит карандашом большие буквы. Рядом стоит коробка разноцветных маркеров с широкими кончиками. Он готовит что-то для комнаты Эшли. Очередное надгробие. Хочется сказать Луису, чтобы нарисовал на листе зеленые и розовые полосы, как те, что были в небе, но я не могу. В итоге прячусь от всего этого и ухожу спать до обеда.

Днем через окно в спальне мы смотрим, как приезжают новые учителя и медсестры. Даже Луис с нами, хотя он по-прежнему молчит. Впрочем, мы все подавлены. Новенькие выглядят строго и решительно, даже не смотрят друг на друга, а молча ташат свои чемоданчики по ступенькам, хрустя ногами по умирающему снегу. Никакой свежей, нетронутой белизны не осталось. Повсюду грязные серые комки, которые все еще цепляются за землю и гравий. В саду и вовсе опять виднеется трава. У снеговиков какой-то потерянный вид. Хочется выйти и распинать их на ошметки, только бы не смотреть, как они, забытые и покинутые, превращаются в ничто. Они больше не кажутся мягкими и дружелюбными, потому что превратились в твердые оплавившие и

бесформенные куски льда, словно ненавидят нас за то, что мы их оживили, а потом бессердечно бросили. Слишком быстро мы привыкли к снегу. Он просто-напросто не мог долго привлекать к себе наше внимание. Мы научились свыкаться с вещами поважнее, чем необычная погода.

После полдника мы с Кларой сидим у нее в спальне, когда в коридоре вдруг слышатся чьи-то шаги. В дверях появляется голова Элеоноры.

- Вы идете на службу по Уиллу? Многие идут. Том с Луисом точно. И даже Джо.

- Может быть, пойдем, - отвечает Клара. – Минутку.

Элеонора кивает и исчезает.

- Том и Луис даже в бога не верят, - говорю я, и мой голос звучит более едко, чем хотелось бы.

Том ненавидит церковь. Так зачем он туда идет? Или они с Луисом думают, что Эшли им как-то поможет? Может, мы и прокаженные, но Эшли уж точно не Иисус. А все это религиозное дерньмо – чушь собачья.

- Дело не в боге, - говорит Клара, перебирая мои пальцы, - а в Уилле. Это просто способ попрощаться.

- Мы уже попрощались.

- И все же нам, наверное, стоит пойти. Ради других.

Я заглядываю ей в глаза и представляю теплый океан точно такого же цвета.

- Им нужно привыкать к тому, что однажды нас не будет рядом. Всего неделя осталась.

Теперь Клара улыбается. Первая настоящая улыбка за день. Белоснежные зубы на фоне ярких веснушек.

- Дождаться не могу!
- Сегодня надо выпить таблетки, - говорю я. – И завтра. На всякий случай.

Флягу из-под какао мы оставили с Уиллом. Если ее проверят, то решат, что он не принимал таблетки, а потом, когда заболел, выпил все за один раз. Тогда медсестры наверняка захотят убедиться, что больше никто не промышляет бессонными ночами. Может быть, нас всех загонят на анализы. Тогда нам с Кларой необходимо, чтобы у нас в крови было сноторное. Я не доверяю Хозяйке. Думаю о бумажке в кармане и жалею, что катер не придет раньше. Не знаю, когда она развернет действия против нас с Луисом, как уже было с медсестрой, но это однозначно произойдет. Только поэтому она и избавилась от нашей медсестры. Хотя с нами ей торопиться некуда. Она-то думает, мы никуда не денемся. Надо поговорить с Кларой о том, чтобы взять Луиса с собой. Иначе нельзя.

Клара кивает:

- Я буду скучать по нашим ночам. – Придвигается ближе и целует меня. – Но очень скоро все ночи будут нашими, и нам не нужно будет прятаться.

Она прижимается ко мне и сворачивается в клубок. Ничего приятнее у меня в жизни не было. Какое-то время мы молча лежим, как вдруг воздух пронзают проникновенные звуки саксофона, летят по коридорам и заполняют лестницу. Словно сам дом поет старый джаз из далеких южных стран, где всегда тепло. Саксофон играет в церкви. Значит, даже Элби там. Жаль, что Уилл этого никогда не узнает.

Клара садится и молча смотрит на меня.

Никакие слова тут не нужны. Мы должны пойти. Если уж кто и должен, то точно мы. Чтобы попрощаться с Уиллом и самим домом.

- Ладно. Идем.

Еще не дойдя до двери, мы видим мягкий свет свечей, согревающий мрачную прохладу. В такт музыке движутся тени. Клара идет впереди, а я нервно захожу в комнату следом. Количество собравшихся не на шутку поражает, но Джейка среди них не видно. Почему-то от этого становится легче. О Джейке многое можно сказать, но он точно не из тех, кто ведется на всякое деръмо. Подозреваю, что, придя сюда, я подорвал чье-то доверие, и все же возникает ощущение, что комната наполнена Уиллом, словно он в самом воздухе. Перед расставленными полукругом стульями стоит Эшли, который замечает нас и улыбается. Не пойму, дружелюбная у него улыбка или торжествующая, поэтому решаю просто не обращать внимания. К черту Эшли.

В углу комнаты Элби берет последнюю протяжную ноту, и, когда звук стихает, Эшли кивает Луису:

- Ты хотел что-то сказать?

В толпе Луис кажется совсем маленьким, но его глаза горят, глядя на меня.

- Я ничего не скажу, пока они здесь. Пусть уйдут.

К горлу подкатывает ком. Клара смотрит то на меня, то на Луиса, и я по лицу вижу, что она в ужасе. Луис не мог узнатъ. Не мог, и точка.

- Здесь всем рады, - возражает Эшли, и во мне вспыхивает горячее желание треснуть его по роже

за то, что даже сейчас он умничает.

Мне здесь не рады, хоть и знает это один только Луис. Я в этом гнезде – кукушка, как и он сам.

- Всем, кроме них. Пусть валят на хрен! – зло выплевывает гений.

Таким я его никогда не видел.

Клара неловко заламывает руки:

- Мы пойдем...

Но уже поздно.

- Вы все испортили. Оставайтесь. Я сам свалю. Все равно мне на хрен не сдалось это место.

Луис роняет клочок бумаги, который до сих пор держал в руке. Даже с моего места видно, что на сгибе бумажка влажная от пота. Луис пулей выскакивает из комнаты, по пути врезавшись в меня плечом. Его лицо – сплошная маска незнакомой мне ярости, будто кожа на его черепе сама по себе скожилась от гнева.

- Я за ним, а ты оставайся, - шепчу я Кларе.

У нее дрожит нижняя губа, но Клара кивает в ответ. Эшли нудит что-то о том, чтобы спеть гимн. Как и я, он чувствует, что нарушенное спокойствие трещит и искрит током. В животе все скрутилось в узел, но я иду по коридору вслед за эхом от громких шагов.

Луиса я нахожу в ванной – в той самой, где мы смывали с ног Уилла следы крови. На мгновение вижу, как на краю ванны сидит Уилл, уже не похожий на самого себя, и в порыве тщетного упрямства сажусь на то же место. Само собой, Уилл исчезает. Его ведь здесь нет. Его вообще больше нет.

Я смотрю на Луиса, который сидит на закрытом унитазе. Он поднимает голову, и из его глаз на меня глядит такой страх, что становится тошно. Неужели

он думает, что я сделаю с ним что-то ужасное?

- Он мне рассказал, - говорит гений, дрожа с головы до ног от страха, злости и разочарования, из-за которого иссушается душа и краснеют глаза. И все по моей вине. – Неужели ты всерьез думал, что он ничего мне не скажет? Я же был его лучшим другом!

- О чем рассказал?

- О приключении. – В голосе гения сквозит такая горечь, что каждое слово режет, словно бритва. – Вы с Кларой велели ему не пить витамины, потому что собирались устроить ему приключение.

- Это не витамины. – Я так устал, что нет сил спорить.

- Я знаю, причем давно. – Луис смотрит на меня, как на идиота. – Мне просто-напросто не хотелось бодрствовать. К чему здесь еще больше времени на размышления?

Я молчу. Помню, какой необъятный у него мозг. Должно быть, непросто жить с таким бременем. Естественно, Луис хотел обрести покой хотя бы во сне. Через пару минут тишины гнев изнашивается, и гений плачет. Прямо из его души текут горючие, горькие слезы.

- Ты убил его, Тоби. Забрал ночью из дома и убил. Как ты мог?!

- Я не хотел, чтобы ему было страшно, - отвечаю я и сам себя еле слышу. Выдыхаю слова, которые не хочу произносить вслух. – Не хотел, чтобы его забрали в лазарет.

- Он верил тебе. Я тебе верил! Я думал, ты вернешь его обратно. Смотрел из окна, как ты посадил его у дерева. Но даже тогда ничего не

понял. Я дурак... Я такой дурак!

- Он не боялся. Он был счастлив. – Я думаю о Джейке и о том, как ласково он гладил перышки Джорджи, а потом свернул ему шею. – Мы хотели... Мы... - Не могу подобрать слова. Да и как это объяснить? Чего именно мы хотели? – Мы старались поступить правильно. По-доброму. Я не хотел, чтобы ему было страшно.

Во второй раз эти слова звучат еще неубедительнее. Лицо горит, ладони потеют.

- Мы хотели подарить ему удивительную ночь. Устроить нечто потрясающее, чтобы отвлечь. Чтобы ему не было страшно. Чтобы его не забрали одного в лазарет.

Слова слетают с языка, как поспешное признание. Кажется, если я проговорю все это, груз мертвого тела Уилла перестанет давить мне на грудь.

- Я понимаю, - вздыхает Луис. – Не совсем уж тупой.

Я словно вижу крученую подачу. Ничего не понимаю. Луис смотрит на меня так, как смотрят на недоразвитых детей, которые не догоняют очевидного. Его глаза снова наполняются слезами, плечи трясутся от рыданий.

- Я должен был быть там. Вы должны были взять и меня.

Голос похож на скулеж обиженного щенка, но слова все равно оставляют во мне глубокие рваные раны.

- Я не думал... Я...

Не знаю, что сказать. Я тебе не доверял? Считал, что ты проболтаешься? Ни то, ни другое не будет правдой. Просто мы об этом даже не подумали,

потому что вообще ни о чем не думали, варясь в собственном пузыре переживаний за Уилла. Нам и в голову не пришло поволноваться о том, что будет с Луисом. В который раз хочется повернуть время вспять и сделать все по-другому. Лучше.

- Я даже не попрощался. – Из носа Луиса текут сопли, но он и не думает их вытирать. – Чтобы попрощаться, мне пришлось идти в церковь, но и это мне испортили. Я должен был быть там. Я был его лучшим другом, Тоби. – Он смотрит на меня так пристально, что, наверное, время и правда вот-вот пойдет в другую сторону, и мне удастся все исправить. – Не ты, не Клара. Я.

- Прости, - говорю я и сам понимаю, как стремно это звучит, но ничего другого на ум не приходит. – Мне очень-очень жаль.

Наконец Луис отрывает несколько кусков дешевой туалетной бумаги и громко сморкается.

- Ага, еще бы тебе не было жаль. Только твои сожаления гроша ломаного не стоят. – Он встает и расправляет плечи. – Никогда больше не говори со мной. Я с тобой точно никогда больше не заговорю. Понял?

- Но мне нужно с тобой поговорить, - возражаю я. – Кое-что случилось, и это важно.

- Ой, Тоби, отвали к чертовой матери! – Луис открывает дверь. – Отвали и сдохни.

Он уходит, а я все сижу на том же месте, где сидел Уилл, и плачу, как ребенок. Плачу за всех нас. Плачу потому, что не знаю, как быть, не знаю, что чувствовать, и потому, что чувств слишком много. Пытаюсь выплакаться, но не получается. В груди свинцом лежит тяжкий груз.

Я жду, пока не кончатся слезы, а потом жду

еще. Не хочу, чтобы кто-нибудь заметил, что я плакал. Умываюсь холодной водой. Покрасневшие от слез глаза чудесно сочетаются с остатками фингала. От воды все тело дрожит, зато хоть чуть-чуть остыну. Луис успокоится – я его знаю. Наверняка успокоится. По крайней мере я на это надеюсь. Если я поделюсь с ним нашим с Кларой планом, мне нужно ему доверять. А сбежать, ничего ему не рассказав, я не могу. Передаст ли он все Хозяйке исключительно назло мне? Трудно представить. Но ведь я раньше и не представлял, что Луис может сказать мне отвалить и сдохнуть. Здесь никто не говорит «отвали и сдохни». Слишком много значат такие слова. Плохую карму никто себе не пожелает.

Когда я выхожу из ванной, по лестнице поднимаются Джейк и Дэниел. Надеюсь, мое лицо вернулось в норму. Джейк – одно дело, но если маленькая жирная гнида вроде Дэниела заметит, что я расстроен, это меня окончательно доконает. Мы молча киваем друг другу в знак приветствия. Все еще в полном цвету послеуилловская неловкость. Его кровати и вещей уже нет, но пока Эшли не засохнет со своей поминальной службой, покоя в доме не видать. И даже после службы, когда все успокоятся, мне еще придется разбираться с Луисом и собственным чувством вины. Может быть, если удастся наладить отношения с гением, то когда-нибудь и чувство вины постепенно начнет угасать. Меньше всего на свете хочется, чтобы призрак Уилла остался со мной навсегда. Вряд ли я смогу так жить. Лучше ему остаться в прошлом. Иначе ничего не выйдет.

- Он знает? – испуганно спрашивает Клара,

когда поминальная служба наконец заканчивается.

Я киваю.

- Он кому-нибудь расскажет?

- Вряд ли.

Клара переживает. А все потому, что тоже думает о катере. О том, как близки мы к свободе.

- Нужно было взять его с собой, - тихо говорю я. – Он расстроен, потому что его не было с нами.

Клара облегченно вздыхает, и я понимаю, что ее тоже гложет чувство вины. Наш поступок был продиктован необходимостью, но в то же время был ужасным, и я, честно говоря, не знаю, какая из двух чаш весов тяжелее. Но если Луис хотел быть с нами, а он, на секундочку, гений, значит, мы все-таки поступили правильно? Я помню, как тяжело обмяк Уилл, когда умер, и это воспоминание навсегда останется со мной. Стараюсь думать только о том, какими глазами он смотрел на сияние в небе. Вес его тела казался таким земным по сравнению с наполненным невыразимым восторгом выражением лица в последние минуты жизни. Тьма и свет. Ужас и красота. Сплошные крайности. Хочется уснуть, чтобы этот день наконец закончился.

- Ну и что между вами стряслось? – спрашивает Том, когда Луис уходит чистить зубы.

Я пожимаю плечами:

- Ничего.

- Не похоже на «ничего».

- Он расстроен.

- Это понятно, а ты тут при чем?

- Перемелется, - увиливаю я от прямого ответа, отворачиваюсь и залезаю в постель.

Когда медсестра приносит таблетки, я с удовольствием глотаю свою. Как и Луис, наверное. Никому из нас не хочется оставаться наедине с собственными мыслями.

Глава 20

За несколько дней жизнь входит в привычную колею. Снег потихоньку тает, и возвращается знакомое солнечное тепло. После завтрака мыходим на занятия с новыми учителями. Все они, как под копирку, строгие и мрачные. Может быть, предыдущие уехали из-за того, что Хозяйке не нравилось, как они курят, распивают спиртное и черт знает чем занимаются в своем крыле. Сомневаюсь даже, что их смена полностью закончилась. Я усердно пробираюсь сквозь учебники по литературе и математике, но постоянно кошусь на яркий день за окном. И пусть до конца избавиться от призрака Уилла не могу, но внутри все волнительно бурлит из-за перспективы оказаться как можно дальше от этого места.

Представляю, как Клара в коротких джинсовых шортах бегает по пляжу, смеется и толкает меня в море. В моем воображении она дикая и свободная – именно такая, какой и родилась. Вспоминаю, каким неуклюжим я был раньше, как вел себя рядом с Джули Маккендрик. Клара меня изменила. Конечно, дом тоже приложил к этому руку, но в основном все-таки Клара. Без нее я бы ни за что не выбрался за стену, зато продолжал бы тонуть во мраке, сотканном из страха и утраченных надежд. Без Клары я бы и не помыслил сбежать, не догадался бы подумать о катере. Это все она. Без

нее я бы никогда не нашел отчет на столе Хозяйки.

Скопированную бумажку я прочел столько раз, что уже начинаю верить в написанное. Временами мысли об этом даже вытесняют из головы Уилла. Все это волнует, но еще и пугает. Ведь именно поэтому Хозяйка сделала то, что сделала, с нашей медсестрой. Я стараюсь не думать о слове «убийство», потому что сразу вспоминаю Уилла, его «Спасибо, Тоби», и сердце начинает беспощадно болеть. Может быть, Хозяйка до сих пор не пришла за нами с Луисом только потому, что хочет увидеть, будут ли последствия после Уилла. Бумажка и то, что на ней напечатано, представляют опасность. Это я знаю наверняка.

Луис по-прежнему замкнут в себе. На меня не смотрит и не пытается заговорить. Если ему нужно что-то передать за столом, он просит кого-то другого. На уроках сидит с опущенной головой, словно сосредоточен на заданиях, но я сомневаюсь, что, царапая в тетрадках ответы, гений действительно думает об учебе. Ему это не нужно. У него настолько быстрый мозг, что он может думать о сотнях вещей одновременно. Днем он играет в шахматы сам с собой или сидит в саду на качелях и что-то тихо бормочет, ни к кому не обращаясь.

Периодически я решаю подойти и поговорить с ним, но все никак не собираусь с духом и постоянно откладываю разговор на потом. Знаю, я обязан рассказать ему про бумажку, но боюсь того, что он может натворить. Он теперь сам не свой. Я хочу, чтобы он снова стал самим собой, но не знаю, кто такой Луис без Уилла. Он никогда не рассказывал, были ли у него в прошлом друзья, а если и рассказывал, то только Уиллу, которого больше нет.

По-своему мы с Кларой тоже замкнулись. Уже не проводим время с остальными обитателями дома, и в конце концов они перестали нас звать. Мы ходим в библиотеку, просматриваем атласы и энциклопедии и мечтаем, как однажды проберемся на какое-нибудь торговое судно, где и начнется наше приключение. Нам нужно лишь добраться до Франции, а оттуда уже будет легко. По крайней мере именно так все звучит в устах Клары.

Три ночи спустя мы снова перестаем пить таблетки. Клара говорит, что не хочет зря тратить время на сон. Я беспокоюсь, но соглашаюсь. Она подмигивает, смеется и заявляет, что я ее серьезная половинка, а она – моя неугомонная. После Уилла ее настроение наконец-то улучшилось, хотя вокруг самой Клары словно потрескивает нервная энергия. Еще бы! Скоро наступит ночь, когда придет катер.

Клара, как всегда, права. Долго-долго я лежу в постели, пока наконец не решаюсь встать и пойти к Кларе. Пару секунд смотрю на Луиса и убеждаюсь, что он спит. Подтягиваю одеяло ему на плечи. Днем солнце дарит тепло, но по ночам в доме по-прежнему холодно.

На улицу мы не суемся. Даже Клара считает, что это рискованно. В итоге находим пустую комнату между нашими спальнями. Если услышим шум, сможем быстро вернуться. Опасность добавляет волнения, и уже через несколько минут Клара отчаянно меня целует и тянет к себе, пока я не ложусь на нее всем телом.

- Я люблю тебя... Люблю, люблю, люблю! – снова и снова шепчет она, обдавая теплым дыханием мои губы.

Я опять ее целую. С ней все кажется намного

лучше. Потом мы лежим, улыбаясь и едва дыша. Голова кругом от того великолепия, которым мы только что занимались, и впервые с той самой ночи я чувствую себя расслабленным и счастливым. Интересно, что бы сказал Джонси, если бы узнал, что я влюблен в прекрасную девушку, которая тоже меня любит. Что я занимался с ней сексом. И что после неуклюжих первых попыток я вроде как неплохо поднаторел в этом деле. Теперь Джонси кажется мне совсем ребенком. Его образ у меня в голове изменился, как когда-то растворилась в ничто Джули Маккендрек.

Я вожу пальцем по гладкой коже Клары и надеюсь, что с Джонси все в порядке. Не так уж много у него было друзей. В какой-то момент Джонси в мыслях словно сплавляется с Луисом, и вдруг Клара вздрагивает. Я нависаю над ней и вижу большой синяк у нее на бедре.

- Откуда это взялось? – спрашиваю я и наклоняюсь поцеловать синяк.

- Ерунда. Треснулась обо что-то.

На бледной коже синяк будто цветет черной розой.

- Сильно, наверное, треснулась, - улыбаюсь я. – Прекращай уже носиться по дому.

- Прости, папочка.

Я строю гримасу:

- Ну да, это совсем не стремно.

Думаю о маме и папе. Стоит ли им позвонить, когда мы сбежим? Перепугаются ли они? Может, я позвоню, когда мы окажемся в безопасном месте. Попозже. Почему-то родительский дом больше не кажется домом.

- Думаю, Уилл был бы не против того, как мы с

ним поступили, - говорит Клара, пока мы лежим, смотрим в потолок и представляем себя на песке под усеянным звездами небом. – Мне и правда так кажется.

Я слушаю, но молчу. Пусть выговорится. Наверное, дело даже не в том, как отнесся бы к этому Уилл, а в том, сможем ли мы сами с этим жить. И все же я не хочу, чтобы Клара зацикливалась на таких мыслях. Хватит того, что я сам постоянно об этом думаю.

- Я бы хотела, чтобы кто-нибудь сделал то же самое для меня, - продолжает Клара тихим и серьезным голосом, - если бы этот кто-нибудь узнал, что за мной скоро придут из лазарета.

Я слегка завидую тому, как быстро она нашла себе утешение. Она словно огни в небе – яркая, поразительная и сиюминутная. А я как здоровенный груз – приземленный, темный и тяжелый.

- Теперь мы должны жить каждым мгновением, чтобы наш поступок не оказался напрасным. Так мы почтим память Уилла. Мы обязаны быть счастливыми.

- Я счастлив, - говорю я, и это правда. Пусть у меня полно секретов, но прямо сейчас я бешено счастлив. – Ты делаешь меня счастливым.

- Даже здесь? – спрашивает Клара.

- Конечно.

Она задумчиво накручивает локон на палец.

- Представить не могу, как это было бы – никогда тебя не знать. Не представляю, как жила бы старой жизнью и никогда бы с тобой не познакомилась.

- Я тоже.

И снова я не лгу. Время в доме творит забавные вещи. Кажется, будто я знаю Клару уже целую вечность, а все, что было до нее, просто сон.

- Такое ощущение, будто нас свела сама судьба, правда? – нежно говорит Клара. – Мы с тобой оба дефективные и все же встретились, словно так было суждено.

- Может быть.

- Никаких «может быть»! – Она игриво шлепает меня по макушке и вздыхает. – Благодаря тебе я перестала бояться.

От этих слов сердце кровью обливается. Не представляю, чтобы Клара чего-то боялась. Я снова ее целую, и она кажется невероятно теплой, мягкой и уязвимой. Больше всего на свете мне хочется заботиться о ней.

- Вместе навсегда? – спрашивает она.

- Вместе навсегда, – соглашаюсь я, но опять вспоминаю о бумажке в кармане, и что-то внутри меня обрывается. Чтобы скрыть это, я выдавливаю улыбку. – Я ведь женился на тебе, разве нет?

- И никогда меня не бросишь?

- И никогда тебя не брошу.

- Ну, мы хоть не станем старыми и страшными, – говорит Клара. – Ты не облысеешь и не растолстеешь, как мой папа. Мы никогда друг другу не наскучим, и наша любовь не угаснет.

- Ты ни при каких обстоятельствах не можешь стать страшной, – улыбаюсь я. – А наша любовь не может угаснуть. Это же судьба, помнишь?

Клара крепко обнимает меня за шею и выдыхает прямо в кожу:

- Дождаться не могу, когда мы отсюда сбежим!

Глава 21

На этот раз приезжает семь фургонов. Мы снова толчемся у окна и пытаемся рассмотреть, кого привезли в каждом из них. Меня настолько захватило волнение по поводу скорого побега, что я и не ждал приезда новичков. Но в доме царит свой собственный мир, и этот мир продолжает жить по своим правилам.

- Интересно, засунут ли к нам кого-нибудь, - говорит Том.

Судя по виду, его не очень радует мысль о появлении в нашей среде новенького, и я едва сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться. Помню, не так давно мы думали о нем точно так же.

- Может, девочек привезли, - как бы между прочим бросаю я.

Все еще надеюсь, что появится какая-нибудь девочка для него или для Джейка, и тот факт, что я украл у них из-под носа Клару, как-то сгладится. Хотя это, конечно, глупо. Нам с Кларой суждено быть вместе. Не представляю, чтобы кто-нибудь еще мог испытывать такие же чувства, какие испытываем мы. Но было бы неплохо, если бы появилась пара девчонок, с которыми Джейк и Том могли бы обжиматься по углам.

Честно говоря, всеобщего волнения я не разделяю. Слишком занят надеждами, что никто из новичков не испоганит наши с Кларой планы, и что все они будут регулярно принимать свои «витамины». Ожидание становится мучительным, а каждая проведенная в доме секунда падает на плечи тяжким грузом страха, что что-то может пойти не так.

Луис тоже у окна, но уже через минуту отходит и садится на кровати по-турецки. Перед ним самодельная обшарпанная шахматная доска. Передвигая черную фигуру из картона, гений что-то бормочет и ни с того ни с сего тихо смеется. Наблюдать за этим тревожно.

- Обязательно с самим собой говорить? – спрашивает Том. – Это охренительно стремно.

Луис смотрит на него широко распахнутыми от удивления глазами:

- Я не разговариваю с самим собой.
- Разговариваешь.
- Ничего подобного.
- Ну и с кем ты тогда общаешься?

Гений улыбается. Почти так же, как когда-то. Почти, но не совсем так.

- С Уиллом, разумеется. Я разговариваю с Уиллом.

Он возвращается к игре, а мы пялимся на него во все глаза. Спустя несколько долгих секунд Том нервно вздыхает и бормочет:

- Тут все поголовно спятили.

Больше никто ничего не говорит. У окна становится скучно, поэтому я отхожу и ложусь на кровать. А вдруг Луис специально так себя ведет, чтобы меня доконать? Чтобы я не забывал? Отчасти я даже надеюсь, что так оно и есть. Это куда более приятная альтернатива тому, что Луис, наш гений, потихоньку сходит с ума от горя. Что он может смириться с дефективностью и с жизнью в доме смерти, но не с потерей друга. Я могу жить с тем, что Луис меня ненавидит, но если я поделюсь с ним нашими планами, мне позарез нужно, чтобы он оставался в своем уме.

Время идет, и в какой-то момент мы слышим за дверью шаги, но никто из новичков не заходит в четвертую спальню. Кажется, мы все вздыхаем от облегчения. У нас и без свежей крови деръма достаточно.

Во время полдника Джейк рисуется и громко разговаривает, перебивая взволнованные голоса. За столом седьмой спальни двое новеньких, и Джейку, естественно, приходится отстаивать свое место вожака. Я лишь раз взглянул на новичков и даже не спрашиваю, как их зовут. Воздух гудит от волнения. Еще бы! Столько новых лиц! Такое чувство, что начинаются новые времена, но уже без меня.

- И ни одной девчонки, блин, - ворчит Том, вгрызаясь в яблочный пирог с кремом.

За весь полдник Луис ни разу не поднял головы. Видимо, застрял, как и я, в старых временах.

Похоже, все новички приняли таблетки. В ночной тишине мы с Кларой, словно призраки, обходим спящий дом и заглядываем в спальни. Никто даже не шевелится. Может быть, после Уилла нам повысили дозу того, чем нас накачивают перед сном. В девятой спальне у одного из новичков все еще мокрое лицо, словно он плакал даже во сне. Не помню, плакал ли я в свое время. Уилл точно плакал. Может быть, еще Эшли. Сейчас уже трудно вспомнить те первые ночи. Здесь все становятся намного выносливее, чем раньше.

- Говорила же, это судьба, - шепчет Клара, когда мы, держась за руки, спускаемся в комнату отдыха. – По ночам не спим только мы.

- Не хочешь сходить в пещеру? – спрашиваю я.

Дикость, конечно, но перед побегом мне хочется попрощаться с нашим убежищем. В радости и печали это место принадлежит нам с Кларой.

- Хочу потанцевать, - отвечает она. – Давай останемся.

Сегодня не так чтобы очень холодно, но Клара полностью одета, поэтому ее ответ застает меня врасплох. На ней не ночнушка, а джинсы, носки и мешковатый свитер, хотя обычно она любит, чтобы ногам было свободно. Выбрав пластинку, она включает наушники.

- Ты надевай, - говорю я, - а я не буду. Хочу услышать, вдруг кто-то появится.

- Ты как всегда, Тоби. Само воплощение практичности и благоразумия. – Клара целует меня и начинает покачиваться в моих объятиях. – Представь, будто мы на пляже, - шепчет она и закрывает глаза. – П полночь, горит костер, какой-то стариk играет на гитаре, а мы танцуем.

- Скоро нам не придется ничего представлять.

Клара меня не слышит. В ее голове звучит музыка, которая для меня похожа на невнятное электронное жужжение. Я двигаюсь вместе с Кларой, как только могу, но из-за всяких танцев всегда чувствовал себя полным кретином. Мои ноги и руки никогда не слушаются. Вот и сейчас не получается подстроиться под естественный ритм Клары. Она вся в музыке, и, кажется, ее не волнует моя неуклюжесть. Ее губы приоткрыты, и я целую ее, испортив момент. Просто не могу удержаться, когда она так близко. Тянусь рукой ей под свитер, но она вдруг вздрагивает, отшатывается и снимает

наушники.

- Давай подождем. Сделаем это снова, когда окажемся далеко-далеко отсюда.

- Ладно.

Теперь я чувствую себя еще более неуклюжим, словно сделал что-то не так. Наверное, все ясно по моему лицу, потому что Клара касается ладонями моих щек и снова целует.

- Все в порядке? Ты не против?

- Нет, конечно.

Я пытаюсь улыбнуться, но в рот будто налили клея, который уже застывает. Если честно, я немножко против. Никак не могу с собой справиться. Мало того, что я очень этого хочу (а я вроде как всегда хочу, так что, наверное, это не считается), так теперь еще и кажется, что Клара меня отвергает. И внезапно на меня обрушивается сокрушительная волна сомнений. Я ей надоел? Неужели она всего лишь ждет, когда мы сбежим, чтобы потом меня бросить? К чему тогда вся эта болтовня про судьбу? Она ведь не могла меня разлюбить! Или могла?

- Давай потанцуем, - шепчет Клара и снова надевает наушники. – Обожаю танцевать!

Закрыв глаза, она притягивает меня к себе, а в моей голове черным-черно от подозрений, что она меня больше не хочет. И пусть это глупо, но прямо сейчас меня трясет от одной только мысли, что когда-нибудь она будет танцевать с другим.

В спальни мы возвращаемся раньше, чем обычно. Клара говорит, мы должны беречь энергию для будущих приключений, но на прощание целует, обнимает и твердит, что любит меня. Мне становится чуть-чуть легче.

- Вместе навсегда, - говорю я, когда Клара бросает меня и уходит к себе. Очень стараюсь не выдать голосом, в каком я сейчас отчаяния.

Она оглядывается и широко улыбается:

- Вместе навсегда, Король Русалок.

И я снова бешено счастлив.

Глава 22

- Почему ты меня не разбудил? – шипит на меня Клара, пока мы спускаемся на завтрак.

Сегодня последнее утро перед приходом катера. От волнения я весь как на иголках, поэтому гнев Клары застает меня врасплох. У нее яростно горят глаза, губы поджаты. Раньше она никогда так себя со мной не вела, и ко мне снова подступает черный туман страха. А вдруг она наконец-то поняла, какой я кретин?

- Извини. Я думал, ты устала. Вот и решил, что лучше дать тебе выспаться перед... сегодняшней ночью.

Не хочу, чтобы Клара на меня злилась. Я еще не говорил ей о Луисе, а это наверняка до смерти ее перепугает. Не знаю, что буду делать, если она откажется. В любом случае я возьму его с собой, а с последствиями буду разбираться потом. Если Луис вообще захочет сбежать. Рассказать ему обо всем – большой риск, но иного выбора нет, если, конечно, я еще хочу пожить в мире с самим собой.

- Это была наша последняя ночь, - говорит Клара, и я вижу, что она обижена. – Это важно!

- Извини, - жалким тоном повторяю я.

Собственно, я и чувствую себя жалким. Хочу сказать ей, что с трудом сдержался, чтобы ее не

разбудить. Что мне хотелось сходить в пещеру и побывать вдвоем в доме, чтобы попрощаться с ним навсегда. Пусть я его ненавижу, но многое от нас с Кларой останется в этих стенах. В конце концов, здесь происходили не только ужасные, но и прекрасные события. Еще хочу сказать Кларе, как злился на нее за то, что она уснула в такую важную ночь, и как в итоге просто смотрел на нее спящую, а потом занялся тем, чем занимался по ночам до ее появления. Взял в кухне еду и долго сидел в комнате отдыха, глядя на темное небо. Без Клары было одиноко, хотя в некотором смысле мне даже понравилось побывать наедине с мыслями. У меня появилось время сказать собственные «до свидания». Я пробыл здесь дольше Клары, и теперь у меня два прошлых, с которыми нужно было попрощаться. Одно – нормальное, до дома смерти, а второе – до того, как здесь появилась Клара.

Но сказать все это вслух не хватает духу. Не хочу с нейссориться. Ночь уже все равно не вернуть.

- В общем... я и правда думал, что ты устала.

Клара еле слышно вздыхает. Когда мы садимся, она все еще напряжена, но я сжимаю под столом ее ладонь, и она сжимает в ответ мою. Трудно представить, чтобы Клара на кого-то долго злилась. Она живет одним днем, и злопамятность ей совершенно чужда.

- Извини, - снова шепчу я.

- Ага, ты уже трижды это сказал.

- Больше не буду, - улыбаюсь я и подмигиваю.

Последняя ночь прошла. Поверить не могу, что завтра в это же время мы уже будем на материке. По поводу катера я не волнуюсь. Мы найдем, где

спрятаться. Например, в спасательной шлюпке. Как-то я видел такое в фильме, и там у героев все получилось. Наша судьба ждет нас за пределами дома смерти.

Между завтраком и уроками десять минут. Я ловлю Клару внизу, когда она выходит из уборной, и тащу в музыкальную комнату на том же промозглом этаже.

- Что случилось? – бледнеет от волнения Клара.

Ее глаза широко распахнуты. Наверное, ей тоже до смерти хочется поскорее сбежать.

Я глубоко вздыхаю. На сегодня это не последний трудный разговор, а мне, как обычно, хреново даются слова, когда нужно быть серьезным.

- Луис.

- А что с ним?

Сердце несется вскачь.

- Думаю, нужно взять его с собой. Не до самого пляжа, конечно, но мы должны вытащить его отсюда. После Уилла он сам не свой. Если и мы исчезнем... - Я наваливаю оправдания одно за другим, но ни одно из них не является правдой. – Боюсь, он окончательно сломается.

- Конечно! – тут же отзыается Клара. – Отличная идея.

- Я и правда хочу, чтобы мы были только вдвоем, но я не могу его бросить. Никак не могу.

Оказывается, я так накрутил себя на то, что мне придется ее уговаривать, что даже не сразу осознаю ее слова и продолжаю говорить.

- Я же сказала, я за. – Клара сжимает мое плечо. – И вообще считаю, что это замечательная идея. – Приподнявшись на цыпочках, она целует меня. Такое ощущение, будто моих губ коснулись

крылья бабочки. – Честно-честно!

- Уверена?

Я-то ожидал, что она задаст хоть пару вопросов. Мы ведь не обсуждали возможность взять с собой кого-то еще. Речи даже о маленькой Элеоноре не было.

Клара кивает и улыбается, а через секунду уже выскакивает в коридор. Наверное, мне ее никогда не понять. Зато гора с плеч свалилась. Даже врать толком не пришлось. Все причины, которые я назвал, настоящие, хотя и не совсем правдивые. Остается только поговорить с Луисом.

Странный сегодня день. Всю свою жизнь в доме я хотел, чтобы время текло медленнее, а теперь, наоборот, хочу его поторопить. С трудом просиживаю уроки. Еще никогда деревянные стулья не казались такими неудобными. За окном ясный и солнечный день. Надеюсь, до ночи погода не изменится. Я вообще не могу думать ни о чем, кроме предстоящей ночи. Стараюсь внимательно читать вопросы и задания, но слова расплываются перед глазами. Понимаю только одно: у Ральфа и Хрюши на острове все покатилось к чертовой матери, но с нами такого не случится. Как бы то ни было, я умудряюсь нацарапать какие-то дурацкие ответы. Не хочу привлекать к себе внимания, да и плевать, правильно я отвечаю или нет. Все равно оценивать работу никто не станет.

Кажется, время совсем остановилось, но в конце концов мы выбираемся на обед, и я заставляю себя поесть запеканки с мясом. Клара съедает пару кусков, говорит, что не голодна, и уходит с Элеонорой. Я не против. Элеонора будет

скучать по Кларе. Особенно после Уилла. Мне опять становится не по себе. Я продолжаю есть, а Том что-то говорит о новичках и о мальчике, который постоянно плачет, но я не слушаю. Джейк, как обычно, в своей стихии. Двое новеньких из седьмой спальни уже успели заразиться его заносчивостью, и Дэниел снова оказывается в хвосте их стаи. Я смотрю на все это, но практически ничего не вижу. В ушах гудит. Это наш последний обед в доме. Невероятно!

Когда в комнате отдыха я смотрю через окно в сад, появляется Джейк. Клара сидит на дереве и вглядывается в море. Ее пальцы легко касаются коры. Конечно, отсюда мне не видно, но я знаю: Клара поглаживает наши инициалы. Сердце наполняется теплом. Сегодня чудесный день, и все кажется прекрасным.

- Я тоже заметил, - говорит Джейк.

Я оглядываюсь:

- Что именно?

Все еще жду, когда кто-нибудь раскусит наш план, хоть и понимаю, что это бред.

- Этот ваш священничек, - Джейк кивает на окно. – Он заболел. Джо говорит, он воняет.

Только теперь я замечаю Эшли на качелях.

- У вас уже минус два, - самодовольно ухмыляется Джейк.

Приезд новичков его явно приободрил. Он снова стал старым Джейком, вожаком стаи, которого интересует только победа. Как бы он ни относился к дому, все свои чувства он опять запер на замок. Надеюсь, ему так легче.

- А у нас пока минус один.

- Эшли еще никуда не делся.

Джейк смеется и уходит из комнаты. Плевать, считает ли он себя победителем. Я вообще не играю в эту игру. Да и никогда по-настоящему не играл. Смотрю на Эшли и впервые вижу тощего пацана, а не чопорного придурка. Пусть Джейк посмеялся, но если Эшли и правда болен, меня это беспокоит. Слишком быстро после Уилла. Думаю о Хозяйке, таблетках и новичках. Может быть, ей не нравится, когда количество дефективных в доме растет.

Эшли выглядит одиноким. Может, мне стоит выйти к нему. В конце концов, он из четвертой спальни.

- Ты как?

Дурацкий вопрос. Даже несмотря на танцующий в травинках ветер, ячуствую запах скисшего молока. Должно быть, Эшли бешено отмывался в ванной, чтобы мы ничего не заметили, но воняет все равно ужасно, а это плохо. Запах медсестры быстро вычислят.

Эшли качается взад-вперед. На коленях у него лежит Библия.

- Не так уж плохо, - отвечает он.

Его глаза смотрят на верхний этаж дома. На лазарет. Ему страшно. Верит он в Бога или нет, ему все равно страшно. Всем страшно, и Эшли не исключение.

- Надеюсь, они все же придут, - тихо говорит он.

Я задумчиво свожу брови:

- Кто?

- Люди, которые ходили в церковь. А еще надеюсь, что я их не подведу. Не хочу быть как Генри. – Тут он смотрит на меня. – А тебе вообще

какое дело?

Вспоминаю, как всячески гнобил его с самого своего приезда сюда. А за что? Если подумать, он никогда ничего плохого мне не делал.

- Ты из четвертой спальни, - еле-еле выдавливаю я. Хочется извиниться, но я не знаю как. – И ты не будешь как Генри.

Стараюсь дышать неглубоко и надеюсь, что Эшли этого не заметит. Если судить по запаху, болезнь пришла к нему внезапно и протекает очень быстро. Вряд ли ночью он так же вонял. К утру этой вонью пропиталась бы вся спальня. С Уиллом все случилось очень быстро, и теперь то же самое происходит с Эшли. Я опять думаю о витаминах. Уверен, Хозяйка не видит в нас людей, потому что и сама она далеко не нормальный человек. Сомневаюсь, что ее вообще можно назвать человеком. Мы для нее – как ящики с продуктами на складе. Ей привезли новые ящики, и пришло время избавиться от просроченных. После того, что она сделала с нашей медсестрой, легко поверить, что она способна ускорить течение нашей дефективности.

- Надо мной всегда смеялись, - продолжает говорить Эшли, глядя в землю. – Мой отец был проповедником. Причем отличным. Люди по-настоящему к нему прислушивались, но он их пугал. – Эшли замолкает и усмехается. – Никогда не понимал, зачем приплетать сюда страх. В мире и так полно пугающих вещей. Я всегда считал, что дело в любви. Даже когда другие дети в школе смеялись надо мной, пинали мои вещи и обзываались, я старался хранить в сердце Иисуса.

Я слегка съеживаюсь. Не могу удержаться.

Наверное, дело во мне, а не в Эшли. Как бы страшно мне ни было, не могу я поверить во все это дерьмо. Гораздо легче и приятнее верить в Клару, атомы и вечные путешествия по миру.

- Когда оказалось, что я дефективный, я ни капельки не удивился. Я всегда таким был. Никуда не вписывался.

Эшли словно прорвало. Он начал говорить и уже не может остановиться. Я вижу на ветке ноги Клары и жалею, что не полез за ней на дерево.

- Когда за мной приехали, мама была наверху. Я с ней даже не попрощался. Зато папа был рядом, и вид у него был весьма довольный. Разве это нормально? Он сунул мне Библию, велел прекратить плакать и нести слово Божье гнусному отродью. – Эшли словно задыхается и тяжело сглатывает. – Он назвал меня отродьем. – Потом смотрит на меня. – Думаешь, это очень плохо – ненавидеть собственного отца?

- Честно говоря, он у тебя, кажется, тот еще козел.

До сих пор у меня в ушах стоит мамин крик. А папа наверняка так и не простил себя, что его не было дома, когда приехал фургон. Я вспоминаю, сколько лжи нагородил о родителях, сколько ужасных историй о них рассказывал, когда попал в дом, только чтобы выглядеть крутым, и меня с головой захлестывает стыд.

- Ага, - почти улыбается Эшли и в этот момент кажется самым обычным пацаном. – Таким он и был, наверное. Но я не отступил от своих убеждений. Я никого не пугал и не потерял веру. Я все делал по-своему.

- Это точно. И до сих пор делаешь.

Я честно пытаюсь сказать что-то приятное, но не знаю, получается или нет.

- Надеюсь, я никого не подведу, - повторяет Эшли. – Не хочу, чтобы меня видели испуганным.

Больше он ничего не говорит, а я не могу придумать, что такого сказать, чтобы ему стало легче. Чувствую себя последним куском деръма. Само собой, Эшли все еще может взбесить меня только тем, что дышит, но прямо сейчас мне его жаль. Он заблудился в собственном мире. Через пару минут я встаю с качелей и оставляю его в покое. Хорошо, что завтра утром мне не придется смотреть на пустое место, где пока еще стоит его кровать. Может быть, когда мы с Луисом исчезнем, Тому разрешат переехать в седьмую спальню.

Я иду на другую сторону сада. Легкий свежий ветерок совсем стих, и солнце пригревает спину. Даже после разговора с Эшли мне все равно приятно ощущать тепло. Напряжение в мышцах ослабевает. Сразу вспоминается бумажка, которую я повсюду ношу с собой. Я останавливаюсь перед могилой Джорджи. За спиной шелестят листья, и похрустывают ветки – Клара спускается ко мне. Это «до свидания» мы скажем вместе. Мои пальцы все еще помнят торопливое сердцебиение птицы и мягкое тепло перьев. Я помню, как смотрели на нас темные глаза.

- Мне очень хотелось, чтобы он улетел, - печально говорит Клара и переплетает тонкие пальцы с моими.

- Мы улетим за него, - отзываюсь я. – За всех.

Она кивает и опускает голову. На лицо падают густые волосы.

- Ночью встречаемся в кухне, да? – начинаю

я. – С Луисом я еще не говорил. Поговорю перед отбоем. Не хочу, чтобы он как-то нас выдал.

Внезапно мной снова овладевает волнение.

- Лучше зайди за мной в спальню, когда будешь готов, - говорит Клара и снова мне улыбается.

Сегодня она какая-то другая. Тихая и задумчивая. Наверное, нам обоим странно прощаться с домом.

- Я люблю тебя, Тоби.

- Я тебя больше люблю.

- Такого не может быть.

- Продолжим в том же духе – и меня стошнит.

Клара смеется, и ее смех кажется прекрасной музыкой в солнечных лучах.

Не помню, чтобы когда-нибудь был так счастлив.

Глава 23

- Нам надо поговорить.

После просмотра фильма народ расходится по спальням, и мне удается поймать Луиса на лестнице. Том уже вовсю жалуется на вонь в нашей комнате. Понять его можно. Эшли вернулся из церкви, и теперь жуткий запах просачивается в коридор, будто у нас в спальне кто-то знатно напердел. Надеюсь, хоть кто-то из Божественного Отряда не отвернется от Эшли. Как минимум Гарриет точно не перестанет ходить в его церковь. Хотели мы того или нет, у всех здесь появились связи, и меня это радует. Если и есть что-то важное в жизни, то это точно любовь. Эшли был прав.

Луис выдергивает руку из моих пальцев и пытается меня обойти.

- Иди к черту. В сотый раз тебе говорю: не смей со мной разговаривать.

- Речь о повторном анализе.

Тут он останавливается и настороженно смотрит на меня:

- И что с ним?

- Хочу тебе кое-что показать. Только не здесь.

Разрываясь между ненавистью ко мне и желанием все узнать, гений жует нижнюю губу.

- Хорошо.

Он решительно шагает к ближайшей ванной, а я с бешено бьющимся сердцем иду за ним и закрываю за нами дверь. Потом молча достаю сложенный лист бумаги и отдаю Луису.

Довольно долго он пялится на бумажку. То сводит, то разводит брови. Принять такое нелегко. Когда так долго живешь со страхом, он почти становится тебе другом. Единственное, в чем мы были уверены, – это наше неизбежное будущее.

В конце концов Луис поднимает голову.

- Где ты это взял?

- В кабинете Хозяйки.

Он снова смотрит на листок и начинает дрожать с ног до головы.

- Но ведь... Ничего не понимаю. Почему она ничего не сказала? – Он заглядывает мне в глаза. – Почему мы до сих пор здесь?

- Помнишь медсестру, которая нравилась Уиллу?

Она еще про книжку рассказывала.

Услышав имя Уилла, Луис вздрагивает.

- Помню, и что?

- Она хотела что-то для нас сделать, а Хозяйка забрала ее в лазарет.

- То есть как это?! – У гения широко

распахиваются глаза. – Откуда ты знаешь?

- Просто знаю. – Терпение потихоньку кончается, хотя я и понимаю, что у меня, чтобы свыкнуться с новостью, было несколько дней, а у Луиса – всего несколько минут. – Сам видел.

До Луиса наконец доходит:

- Что она теперь с нами сделает?!

- Это не важно. – Я сажусь на край ванны, старательно делая вид, будто не замечаю призрака Уилла. Наверняка Уилл одобрил бы наш план. – Мы сваливаем.

- Она отправит нас в лазарет, - еле слышно говорит гений, в чьих глазах сияет дикий ужас.

- Не успеет. Слушай меня внимательно... У меня есть план. – Я хватаю Луиса за плечо и слегка трясу. – Мы сбежим.

В конце концов Луис смотрит на меня и по-настоящему прислушивается к моим словам.

- Куда?

- Сегодня ночью придет катер. С продуктами и всякой фигней для дома. К тому моменту, когда катер отчалит, мы с Кларой будем на борту. Мы все спланировали. – В моих устах все звучит гораздо организованнее, чем есть на самом деле. Может быть, Луис придумал бы что-то поумнее, если бы мы посвятили его в свой план раньше. – Ты должен пойти с нами.

- Клара об этом знает? – спрашивает он и снова смотрит на бумажку.

- Нет. – Внутренне я весь сжимаюсь, но стараюсь ничего не выдать голосом. – Я ей позже все расскажу. Но ты должен пойти с нами. И ты прекрасно это знаешь.

Несколько долгих секунд гений пристально

смотрит на меня, и я почти слышу, как у него в голове вращаются шестеренки. Пальцы крепче сжимают бумажку.

- То есть мы просто возьмем и сбежим?

- Да. Сегодня ночью. Не пей таблетку. Притворись, будто спишь. Когда в доме все стихнет, мы уйдем. Еще до того, как медсестры встанут разбираться с доставкой.

- Приключение, - тихо вздыхает Луис. – Уиллу ты то же самое говорил.

Я наклоняюсь вперед и крепко беру его за руки.

- Ничего подобного. Тогда все было иначе. Сам знаешь, Уилл болел. – Я смотрю в глаза Луису. – Ты должен пойти с нами, Луис. Должен.

- Зачем? – Он вырывается из моих рук, оставляя бумажку в моей ладони. Он все еще злится на меня, причем так сильно, что вполне может все испортить. И для себя, и для нас. – Чтобы тебе стало легче после того, что ты сделал с Уиллом?

- Нет, - отзываюсь я и наконец нахожу правильные слова: - Ты должен пойти, потому что так хотел бы Уилл.

Луис снова плачет, и из его груди вырываются тяжелые рыдания. На этот раз он плачет не только из-за Уилла, а из-за всего сразу. Из-за бумажки, из-за меня, из-за всей этой чертовой жизни, из-за Хозяйки и медсестры. Хочется его утешить, но я сдерживаюсь. Он должен выплакать все это из себя, а за него я это сделать не могу. Впервые за все время я вижу в нем не только гения, но и маленького ребенка.

- Ночью медсестры делают последний обход, чтобы убедиться, что все мы спим. Поэтому притворись спящим. Не пытайся со мной

заговорить. Даже шепотом. Потом нам придется действовать тихо и быстро. Не знаю, будет ли Хозяйка дожидаться доставки, поэтому обуй кроссовки. И надень что-нибудь теплое. Договорились?

Шмыгнув носом, Луис кивает.

- И никому ничего не говори. Пожалуйста.

- А кому мне теперь что-то рассказывать? – почти улыбается он.

На этом я его оставляю и иду в спальню за туалетными принадлежностями, чтобы почистить зубы. Все вены в теле гудят. Мы это сделаем. Мы и правда это сделаем!

В спальне холодно, потому что Том открыл окно. Однако вонь уже просочилась в каждый угол. Я вжимаюсь лицом в простыню, но все равно чувствую едкий сладкий запах, словно что-то гнилое впиталось в саму ткань. Когда приходит медсестра с таблетками, она слегка морщит нос. Беда Эшли играет нам с Луисом на руку, потому что второпях медсестра даже не смотрит толком, глотаем мы «витаминки» или нет. Она пытается понять, кто из нас источает вонь, и быстро находит источник.

Сегодня никто не бесится, когда Эшли начинает молиться, стоя на коленях у своей кровати. В его Бога я не верю, но все равно молча отправляю куда-то туда добрые пожелания для Эшли. Пусть пользы от этого не будет, но и вреда тоже. Когда свет выключается, я думаю о том, как Клара лежит в своей постели и ждет. Точно так же, как мы с Луисом. От волнения и нервов все тело покалывает. Пусть все пройдет, как надо, - умоляю

я не то судьбу, не то природу, не то саму удачу. Пожалуйста, пусть все получится!

Том и Эшли засыпают, а мы с закрытыми глазами лежим в полной тишине, пока не заканчивается последний обход. Я жду, когда наконец почувствую неуловимую перемену в атмосфере дома, которая подскажет, что наступило затишье. Медсестры ушли в свое крыло. Дети спят. Осторожности ради я жду еще немного. Наверное, уже готовая к побегу Клара сидит на своей кровати и нетерпеливо постукивает ногой по полу.

В доме тихо. Никто не шевелится. Даже мыши.

Не знаю, откуда приходит давно знакомый ритм, но он громко звучит у меня в голове, и я вылезаю из-под одеяла. Что ж, пора мышкам сбежать. А может быть, мы просто крысы, бегущие с тонущего корабля. Плевать. Мы здесь не останемся. Сердце стучит где-то в горле, когда я осторожно хлопаю Луиса по плечу. Он тут же садится, и мы молча одеваемся. Гений на меня не смотрит, но его лицо отражает сосредоточенность и решительность. Мое, наверное, тоже.

- Готов? – шепчу я, когда Луис уже натянул кроссовки, и он кивает в ответ.

В последний раз я оглядываюсь на Тома с Эшли и в последний раз выхожу из четвертой спальни. Чувствую, как изнутри меня жалит что-то печальное, но все же отворачиваюсь и целиком отдаюсь волнению. Хватит оглядываться назад. Впереди нас уже заждалось будущее. От нервов и восторга сердце несется вскачь.

В коридоре холодно и темно. Мы идем к спальне Клары, и половицы удивительно к нам добры – ни одна не скрипнула. Как будто этой

ночью дерево стало нашим молчаливым союзником. Глупо, конечно, но мысленно я прощаюсь даже с деревяшками. Света нигде не видно. В доме царит полный покой. Беспокоиться нужно только о кабинете Хозяйки. Жуть берет, как подумаю, что приду в кухню, а она там. Или что дверь ее кабинета распахнется, и она поймает нас на полпути к свободе. Но все эти страхи могут подождать. Для начала нужно забрать Клару. С ней я всегда чувствую себя храбрее.

По пути к спальне девочек мы молчим. Луис жмется ко мне, как ребенок – к своему родителю. Очень осторожно я открываю дверь и уже улыбаюсь, предвкушая, как увижу сияющее лицо Клары. Я так взволнован по поводу будущего, что не сразу замечаю изъян в настоящем.

Клары в комнате нет. Улыбка гаснет, и я хмурюсь. Неужели она уже ушла? Или я неправильно понял ее слова? Я застываю. Луис проталкивается в спальню мимо меня и подходит к аккуратно застеленной кровати.

- Тоби, - шепчет он, - иди сюда. – Берет с покрывала сложенный лист бумаги и протягивает мне. – Тут твое имя.

Я разворачиваю листок. В мыслях пляшут догадки, но ни одна из них и близко не похожа на то, что там написано.

«Дорогой Тоби!

Я все пыталась найти правильные слова, но на ум ничего не приходит. Даже писать не хочется, но я должна. Все равно не смогу сказать такое вслух. Тем более тебе.

Я не могу пойти с тобой.

Всем сердцем хотела бы, но не могу. Это было

бы несправедливо ни по отношению к тебе, ни по отношению ко всем остальным в большом прекрасном мире.

Я заболела и больше не могу притворяться, будто ничего не происходит. Прости, что не попрощалась с тобой, но это было бы слишком больно. Даже сейчас я пишу это и плачу, поэтому надеюсь, что ты все поймешь.

Мне так много хочется тебе сказать, но понадобится целая жизнь (ха! Иногда просто необходимо искать что-то забавное в происходящем), чтобы все это написать. И все равно никаких слов не будет достаточно, поэтому я скажу только это.

Я очень-очень-очень сильно тебя люблю. Всем сердцем! Спасибо тебе за то, что сделал меня счастливой. Я бы не захотела изменить ни единой секундочки.

Отправляйся на поиски солнечного света, Король Русалок. Я всегда буду с тобой. В каждой волне, в каждой соленой капельке, в каждом дуновении морского ветра.

Я люблю тебя.

Клара».

Долго-долго я смотрю на записку и не понимаю ни слова. Как это она не может пойти? И куда она делась? Думаю о том, как странно она вела себя в последние два дня. Как много спала. Как расстроилась, что в последнюю ночь я ее не разбудил. Как легко согласилась на мою просьбу взять Луиса. Теперь я понимаю почему. Она знала, что не пойдет с нами. У нее был свой собственный секрет. «Я заболела и больше не могу притворяться, будто ничего не происходит». Я вижу эти слова, но

не могу их осознать. Это неправильно. Наверняка это ошибка. Вспоминаю о синяке на бедре Клары, о том, как она вздрогнула, когда я к ней прикоснулся, и как не хотела заниматься сексом, пока мы не окажемся на свободе. Как была полностью одета, а не появилась в привычной ночной сорочке. Земля уходит из-под ног, и кровь стынет в жилах.

- Она заболела? - спрашивает Луис и облизывает губы, как всегда, когда нервничает.

- Нет, - машинально отвечаю я, мну листок и заталкиваю в задний карман.

Теперь в каждом кармане по бумажке. Для равновесия. Инь и ян. Аж тошно.

- Пойдем, - шепчу я, - надо ее найти.

Без Клары мы никуда не сбежим. Так нельзя. Все это ее идея. О вопросе Луиса я даже не думаю. Болен Эшли, а не Клара. Она ошиблась, вот и все. Мы обыскиваем пустые спальни, но Клары нигде нет. В комнате отдыха – тоже. Понятия не имею, куда она могла пойти.

В конце концов мы крадемся мимо кабинета Хозяйки, но на этот раз тонкая полоска оранжевого света под дверью меня нисколько не пугает. Плевать, спит Хозяйка или нет. Все это уже не важно. Важно лишь отыскать Клару, но и в кухне мы ее не находим. Она буквально исчезла.

Мне плохо. Сердце дико колотится. Скоро придет катер, а я не знаю, как быть.

- Тоби, мы идем? – беспокоится Луис.

Я сам вселил в него надежду, а теперь должен ее уничтожить. Сбежать без меня он не сможет, потому что не знает, где дом и причал. Но смогу ли я уйти без Клары, даже не попрощавшись? Смогу ли увести за собой Луиса к далекому солнечному

свету? Луис самый умный из всех, кого я знаю. Если кто и сможет найти деньги и пересечь границу за границей, то точно он. Он заслуживает жить.

В темноте я долго смотрю на заднюю дверь, взвешиваю варианты и вдруг слышу собственный голос:

- Да, идем.

Как только я принимаю решение, мне сразу становится легче. Действуем мы быстро и слаженно. За считанные минуты забираемся на урны и перелезаем через ворота. На улице темно, но небо ясное, и на дорогу лужицами падает лунный свет. На секунду мы останавливаемся. Со смешанными чувствами я оглядываюсь на дом. Больше никогда я не увижу ни сам дом, ни тех, кто внутри. Темные окна подмигивают, словно птичьи глаза. Откуда-то появляется уверенность, что дом одобрительно кивает. В конце концов, это место и правда стало нашим домом. Если у него есть душа, атомы или что-то еще, то его построили для защиты. Уверен, дом хочет, чтобы мы обрели свободу. Я вспоминаю об инициалах, вырезанных в коре дуба, чьи ветви сейчас тихо шелестят в ночном ветерке. Надеюсь, дерево будет жить долго-долго.

- Тоби? – шепчет Луис и выводит меня из ступора.

Я беру его за руку, как всегда брал Клару, но на этот раз веду я. На этот раз я тот, кто уверен в каждом шаге. Повернув за угол, мы спускаемся к воде, тяжело дыша.

На втором этаже домика у причала горит свет. Жестом я велю Луису молчать, и мы тихонько пробираемся вперед. Катера не видно, значит,

время еще есть. Я облегченно вздыхаю и веду Луиса к причалу.

- Что дальше, Тоби?

Сейчас Луис выглядит совсем как ребенок. Куртка застегнута на «молнию» до самого подбородка. На лице явно написан шок. За короткое время ему многое пришлось переварить, но впереди ждет еще больше. Ему придется быстро повзрослеть, но он справится. В этом я не сомневаюсь. Пора освободить гения.

- Внизу гребная лодка.

Мы передвигаемся почти на корточках, чтобы нас не увидели из окна маленького домика и не поймали посреди скрипучего причала. Я свешиваюсь с края и вижу привязанную к столбику лодочонку. Вокруг нее холодная черная вода. Я стараюсь об этом не думать.

- Залезай в лодку.

Луис послушно спускается в суденышко, а я ложусь на край причала и смотрю на него сверху.

- Когда придет катер, греби к его задней части и залезай на борт. Спрячься в спасательной шлюпке, если она будет на катере. А если нет, найди самый дальний угол и спрячься там.

- Что ты имеешь в виду? – хмурится Луис. – Почему говоришь мне, что делать?

- Как для гения, временами ты кошмарно тормозишь, - улыбаюсь я, достаю из кармана мятый листок с результатами анализов и протягиваю Луису. – Сделай с этим что-нибудь. Скопируй и разошли в газеты. Ты самый умный человек из всех, кого я знаю. Наверняка что-то придумаешь.

- Но ведь ты тоже сбежишь.

- Нет, Луис, - качаю я головой. – Нет.

- Тоби...

У него такой вид, будто он вот-вот расплачется. Я смотрю на него, и в горле встает ком, а в носу начинает щипать, но я беру себя в руки.

- Домой не суйся и даже не пиши родственникам. По крайней мере в первое время. Это небезопасно.

- Но...

- Ты все понял? Скажи, что ты все понял.

Луис смотрит на меня огромными глазами и тихо говорит:

- Я все понял.

- Ты должен справиться, Луис. Ради всех нас. Пусть это станет делом всей твоей жизни. Согласен?

Теперь приходится глотать слезы. Луис кивает.

- И мне очень жаль, Луис. Прости меня за Уилла. За все прости.

- А ты прости, что я разозлился. – Он тянется вверх, берет меня за руку и так крепко сжимает, что, боюсь, не сможет отпустить. – Пожалуйста, давай сбежим вместе.

Я осторожно вырываюсь из его пальцев, пока не передумал и не прыгнул к нему в лодку.

- Не могу, Луис. Просто не могу.

Я улыбаюсь. Легко и широко. Удивительно, как естественно дается мне сейчас улыбка. Последние угольки сгустка ужаса в животе разлетаются в морском бризе. Я свободен, как птица. Я – хозяин собственной судьбы.

- Удачи, Луис. И не будь ботаном всю жизнь.

Луис улыбается мне, и на короткое мгновение все прекрасно.

- Прощай, Луис, – говорю я.

- Прощай, Тоби.

Через секунду я сбегаю с причала и со всех ног мчусь мимо домика обратно на дорогу. Теперь я знаю, куда идти. Домой.

Глава 24

Я бегу по пляжу и вижу мягкие отблески свечи. Под ногами шуршит мокрый песок с галькой. Кажется, море аплодирует мне набегающими на берег волнами. Едва дыша, я останавливаюсь у входа в пещеру и улыбаюсь:

- Ты меня не разбудила. Это наша последняя ночь, а ты меня не разбудила.

- Тоби? – Клара поднимает голову. До сих пор она терялась в собственных мыслях, а теперь смотрит на меня, совершенно ошелев. – Ты что творишь? Ты должен ждать катер. Сейчас же возвращайся в лодку! – Она встает, и по лицу видно, как она рассержена и одновременно расстроена. – Тебе нельзя задерживаться.

- Луис уже там, - отзываюсь я. – А я могу побывать здесь. Это место – мое.

- Нельзя! И я не хочу, чтобы ты был здесь...

Я обнимаю Клару и целую, заставляя замолчать. У нее забавный, больной вкус, но мне плевать. Она по-прежнему Клара, и я люблю ее всем сердцем. Она – это я, а я – это она. Нас нельзя разделить.

- Я хочу быть здесь.

- Прости, - вздыхает она.

Гнев выветрился, но голос у нее грустный.

- За что?

Клара отходит в сторону и поднимает свитер. Все тело покрыто темными пятнами. Видимо,

синяк у нее на бедре был только началом. От бледной кожи не осталось ни следа.

Я присаживаюсь перед ней и нежно целую в пупок. Меня не волнует, что она скрывала от меня болезнь. Я тоже кое-что от нее скрываю. И мой секрет написан на бумажке, которая теперь у Луиса. В последнем абзаце, в последних строчках.

«Заключение по результатам анализов: ни один из двух пациентов не является носителем гена дефективности. Вероятно, образцы при проведении предыдущих анализов были скомпрометированы. Оба пациента здоровы и совершенно нормальны».

Некоторыми секретами лучше не делиться. Да и все это теперь не имеет значения. Я сделал выбор. Я выбрал Клару.

- В дом я не вернусь, - решительно говорит она. – Никто не заберет меня в лазарет.

- Так я и думал. – Я сажусь на камень, и Клара садится рядом. – Я тоже не собираюсь туда возвращаться.

- Но если ты уйдешь прямо сейчас, то еще успеешь на катер. Наверняка он скоро появится.

Я улыбаюсь и качаю головой. С Луисом я не сбегу, но и в дом не вернусь. Я останусь здесь, с Кларой, где мне и место.

- Предпочитаю посидеть тут с тобой.

Я сам строю свою судьбу, а моя судьба связана с Кларой. Так было всегда.

- Ты не понимаешь... - начинает она.

- Очень даже понимаю, - перебиваю я и убираю прядь красивых волос с ее глаз. – Вместе навсегда.

В этих словах так много смысла, но с моего языка они слетают легко, как снежинки. Наверное, с правильными словами всегда так.

Глаза Клары распахиваются, и я вижу, как в них горят разные эмоции. Удивление, страх, а когда до нее наконец доходит, что именно я сказал, – яркая вспышка радостного облегчения, за которым тут же приходит счастье. Клара улыбается:

- То есть ты останешься со мной?
- Вместе навсегда, - повторяю я и подмигиваю.

Сердце настолько переполнено любовью, что в животе не осталось места для темного сгустка.

- Вместе навсегда, - эхом отзыается Клара и кладет голову мне на плечо.

Где-то вдалеке слышно, как гудят двигатели катера. На миг кажется, будто я ошибаюсь, но это не так. Класс. Значит, мы узнали правильную дату.

- Думаю, Луис справится, - говорю я, шмыгая носом от ветра и глядя на темную воду.

Он умный и не захочет меня подвести. Наверняка у него все получится.

- Надеюсь, - кивает Клара, и я знаю, что она не врет. В ее голосе нет ни намека на горечь или зависть.

Она что-то перебирает в руках, и я опускаю голову, чтобы посмотреть. Вещица похожа на полоску черной кожи с зубцами по углам. Я снова улыбаюсь. Теперь, когда страх исчез, улыбаться легко и приятно.

- Где ты это нашла?
- Возле пещеры. Странная штуковина, да?
- Как-то на пляже мама показывала мне такую же. Она называется «русалочный кошелек». – Я целую Клару в макушку. – Русалочный кошелек для Королевы Русалок.

- Да ладно! – улыбается Клара и начинает смеяться.

Пещера словно цепляется за звонкий смех и возвращает его нам эхом, будто каменистые стены смеются вместе с нами.

- Без шуток.

Какое-то время мы молча обнимаем друг друга и смотрим на воду. Голова Клары лежит на моем плече. Огней в небе сегодня не видно, но оно все равно красивое. Наверное, когда начнется прилив, вода будет жутко холодной.

- Это было прекрасно, правда? – еле слышно спрашивает Клара.

- Да, - отвечаю я. – Невероятно прекрасно.

Она усмехается, и мы снова целуемся, а потом наслаждаемся тишиной в объятиях друг друга. Мы почти не разговариваем. Да и о чем тут говорить? Больше нет ни дома, ни прошлого, ни будущего. Есть только мы, пещера и настоящее. Но мы с Кларой горели ярко-ярко, а все остальное не имеет значения. Мы просто сидим и ждем, когда наступит рассвет, и любопытные волны начнут подбираться к пещере. Интересно, долго ли пещера сможет нас защищать, пока прилив не унесет нас в морские глубины, как настоящих русалок? Я согласен на все, пока мы с Кларой вместе.

Через какое-то время свеча захлебывается соленой водой.

- Моя мама не была тварью, - нарушаю я тишину, когда ноги уже онемели от холода.

Пляжа за пещерой больше нет. Скоро не будет и пути обратно на утес. Наступает последний момент, когда я еще могу передумать, но мне и в голову такое не приходит. Хочется только рассказать правду хоть кому-нибудь. Почему-то сейчас это важно.

- Не знаю, зачем я так о ней говорил.
- Это же замечательно, - отзыается Клара, - что твоя мама была хорошей.

Она обнимает меня за шею и снова целует. Мы не прекращаем целоваться, даже когда промокают джинсы, и мы дрожим с ног до головы. Мы дышим друг другом, пока еще можем. Я сжимаю в руках теплые дикие волосы, наслаждаясь богатой густотой. Губы Клары мягкие и податливые, и я прямо чувствую, как ее любовь переплетается с моей. Мы прижимаемся лбами, и Клара смеется. У нее белоснежные зубы, а веснушки – как звезды на бледном лице.

- Я люблю тебя, Тоби, - шепчет она, дрожа от холода, а море вокруг нас поднимается все выше и выше.

- И я люблю тебя, Клара, - шепчу я в ответ.

От слез печет глаза, но я улыбаюсь, еще крепче обнимаю Клару и опять целую. Я буду целовать ее столько, сколько смогу. О черной вечности в воде я не думаю, зато думаю о русалках. И о катере. Надеюсь, Луису удастся сбежать, и он проживет долгую замечательную жизнь. Надеюсь, он найдет того, с кем будет так же счастлив, как я счастлив с Кларой. Я думаю об атомах, которые путешествуют по миру. О людях, которые когда-то жили на земле и теперь продолжают существовать в деревьях, волнах и порывах ветра. Думаю о наших инициалах, вырезанных в коре старого дуба, который простоят на месте еще сотни лет. Море уже тянет нас в свои объятия, сердце несетя вскачь, и мы отчаянно цепляемся друг за друга. В этот момент я думаю о нас с Кларой, о том, как нам повезло найти друг друга. О том, как прекрасна

жизнь, Клара и сама любовь.

Мы держимся друг за друга, даже когда над нами сходятся волны. В легких сгорает последний вдох. Я прижимаюсь губами к губам Клары, и нас, будто водоросли, окутывают ее волосы, прямо как у настоящей русалки.

Мне ни капельки не страшно.

Конец

Благодарности

В очередной раз благодарю Джиллиан Редферн и всех из «Gollancz» за огромную поддержку, которую они оказали этой книге. Отдельное спасибо моему замечательному агенту – Вероник Бакстер. Особые благодарности шлю Ли Томпсону, которому пришлось раз за разом терпеть мои писательские застои, и который прекрасно знает, что большинство таких проблем легко решается с помощью нытья в нужные уши и бокала вина с плиткой шоколада. Он – самый лучший на свете!

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.